

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

А. А. Коробов

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИЗМА
КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Монография

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017

УДК 33
ББК 65
К68

Рецензенты:

Е. Д. Исаева – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
БФ ВМПК МВД России, кандидат юридических наук;
А. В. Локтионова – заместитель начальника СО (по Советскому району)
СУ УМВД России по г. Орлу

Коробов А. А.

К68 **Эволюция терроризма как социально-экономический вызов современной экономике : монография / А. А. Коробов. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 150 с.**
ISBN 978-5-88872-188-9

В монографии рассматриваются основные вызовы современной экономике, направления эволюции терроризма как разновидности социально-экономического вызова, а также формы и способы ответа на террористический вызов современной экономике. Монография предназначена для курсантов, слушателей, преподавателей, руководителей отделов и служб ГИБДД, а также всех, кто интересуется проблемами борьбы с терроризмом.

Работа публикуется в авторской редакции.

УДК 33
ББК 65

ISBN 978-5-88872-188-9

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Основные вызовы современной экономике	
1. Нестабильность мировой финансовой системы	5
2. Угроза экологической безопасности	10
3. Кризис национальной идентичности	18
4. Ограниченность ресурсов	48
Глава 2. Современная эволюция терроризма	
1. Факторы, формирующие террористические угрозы	51
2. Терроризм по принципам сетевого маркетинга	74
3. Профессионализация терроризма	77
4. Терроризм как альтернативная форма войны	81
5. Развитие форм и способов финансирования терроризма и экстремизма	99
Глава 3. Ответ на террористический вызов современной экономике	
1. Противодействие финансированию терроризма	122
2. Преодоление негативных аспектов глобализации и ликвидация долларовой монополии	135
3. Развитие высокого уровня национального самосознания и самоидентификации	139
4. Повышение благосостояния населения	141
Заключение	146
Библиография	147

Введение

Современная реальность ставит перед человечеством все новые вызовы: нестабильность мировой финансовой системы, усиление имущественного расслоения современного общества, увеличение экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, угроза экологической безопасности, кризис национальной идентичности, демографический кризис, ограниченность ресурсов.

Большинство вызовов носит комплексный системный характер, затрагивая целый ряд сфер человеческой деятельности: социально-экономическую, политическую, экологическую, морально-этическую, нравственную, интеллектуальную и др.

Не последнее место в ряду глобальных вызовов занимает терроризм, при этом в ходе своей эволюции терроризм активно использует разработки, получаемые в различных отраслях науки: химии, бактериологии, вирусологии, информационных технологий, физики, экономике и финансах. Благодаря этому современный терроризм активно мимикрирует, маскирует свои намерения и источники финансирования, осуществляет активное и комплексное информационное воздействие (начиная с информационной обработки будущих адептов, пропаганды своих идей и заканчивая ведением самых настоящих информационных войн на поле глобального Интернет – пространства).

В ходе этой эволюции терроризм создает разветвленную сетевую структуру, активно вербует новых членов в свои ряды, масштабно воздействует на мировые геополитические процессы. Кроме того, как инструмент геополитического воздействия терроризм часто и довольно активно используется спецслужбами различных государств в целях свержения неугодного политического режима, дестабилизации ситуации в отдельных регионах, нагнетание массовых истерии, хаоса и деструктивных устремлений широких масс людей.

Исходя из вышесказанного, необходимо исследовать эволюцию терроризма как социально-экономический вызов современной экономике. Исследование подобного феномена позволит оказывать непосредственное влияние на финансовые истоки терроризма, наметить пути и меры превентивного воздействия на терроризм, обнажить болевые точки и точки приложения комплексных усилий ряда государственных и общественных институтов, направленных на ликвидацию самих истоков терроризма, снижения или существенного ослабления социально-экономических предпосылок терроризма.

Глава 1. Основные вызовы современной экономике

1. Нестабильность мировой финансовой системы

Семьдесят лет назад участники антигитлеровской коалиции приняли важнейшие решения в интересах формирования международной архитектуры безопасности в послевоенный период, включая создание Организации Объединенных Наций, тогда же в 1944 году, в американском Бреттон-Вуде, по сути были заложены основы долларовой монополии США. Доллар выдвинулся на ведущие позиции благодаря тому, что США являлись страной, в меньшей степени пострадавшей от войны, и в то же время у них была большая часть мирового запаса золота.

Казалось бы, уроки Второй мировой войны свидетельствуют о том, к каким катастрофическим последствиям способны привести вера в собственную исключительность, попытки обеспечить глобальное доминирование, архаичная логика геополитических игр «с нулевым результатом». Однако, внешняя политика ряда государств Европы и Ближнего Востока, не говоря уже о США, красноречиво свидетельствует об обратном.

Вместе с тем, многочисленные вызовы и угрозы современности, включая беспрецедентный всплеск терроризма и экстремизма, требуют активизации солидарных усилий с опорой на принципы международного права и центральную координирующую роль ООН в мировой политике.

В свое время в целях снижения конфронтации в контексте биполярного противостояния в 1975 году был подписан Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), заложивший основы взаимоотношений в Евро-Атлантике. Окончание холодной войны положило конец идеологическому противостоянию, но основа для споров и геополитических противоречий не исчезла. Попытки любыми средствами продвигать модель одностороннего доминирования привели к разбалансировке систем международного права и глобального регулирования. Не может не вызывать беспокойства систематическое нарушение в современный период ключевых принципов ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), что приводит к усилению конфликтности и усугублению хаоса на международной арене.

В последнее время получили дальнейшее развитие тревожные тенденции, которыми характеризуются международные отношения на протяжении последних лет. На фоне разрастания региональных кризисов, накопления элементов нестабильности в мировой финансово-экономической системе, повышения межконфессиональной напряженности продолжалось обострение глобальной конкуренции, обусловленной попытками ряда государств повернуть вспять объективный процесс фор-

мирования полицентричного миропорядка и сохранить свое доминирование на мировой арене.

Особое значение в свете этих тенденций приобретает поступательная, основанная на подлинном партнерстве основных мировых центров силы и влияния дипломатическая работа в интересах нахождения оптимальных ответов на общие масштабные вызовы и угрозы. Опыт последнего времени наглядно подтверждает, что консолидация усилий ряда стран способна обеспечить реальный прогресс в решении самых сложных проблем. В качестве примера можно привести урегулирование иранской ядерной проблемы. На очереди – политическое урегулирование кризиса в Сирии и противодействие Исламскому государству. Многие специалисты в области международного права залог успеха видят в опоре на Устав Организации Объединенных Наций, за семьдесят лет плодотворной деятельности, убедительно доказавшей свою эффективность в качестве эффективного механизма урегулирования региональных конфликтов, поддержания мира и безопасности, решения ряда масштабных социально-экономических и гуманитарных проблем.

Сложившаяся на сегодняшний день прямо скажем, непростая ситуация в современном мире требует от всех государств консолидации усилий в интересах создания надежных механизмов управления многополярной архитектурой. В то же время лавина беспрецедентных террористических актов, накрывшая многие страны в начале XXI века, и инспирированные запрещенной в России ИГИЛ атаки в последнее время наглядно продемонстрировали безотлагательную необходимость согласованного ответа на новые вызовы и придания глобальным процессам управляемого характера.

Приоритетной задачей должна стать выработка такого мироустройства, которое гарантировало бы стабильность и безопасность на всех уровнях, содействуя нейтрализации нынешних вызовов и угроз и не допуская появления новых в будущем. Есть объективные предпосылки для выстраивания демократического миропорядка, при котором каждое государство несло бы свою долю ответственности за будущее человечества, а мировое сообщество оберегало бы международное право и законные интересы каждого из его членов.

Многие специалисты придерживаются следующей детерминанты национального развития: безопасность и процветание через широкое международное сотрудничество при сохранении национальной самобытности. При этом построение многополярного мира – это не столкновение полюсов и соперничество между ними, а утверждение в международной жизни коллективных начал, тесное взаимодействие ведущих государств мира на основе равноправия и партнерства, прочный антитеррористический фронт невозможно создать, если одни члены мирового сообщества при обеспечении собственной и коллективной безопасности будут использовать методы, противоречащие законным интересам других.

Игры «с нулевым результатом» и «двойные стандарты» здесь недопустимы. При всей важности практического антитеррористического аспекта в международной деятельности им ограничиваться нельзя. Требуется постоянный широкоформатный анализ причин, которые подпитывают международный терроризм. Одна из них — неурегулированность региональных или внутригосударственных этнических и конфессиональных конфликтов. Зримое подтверждение тому — конфликты, вспыхнувшие в странах Ближнего Востока и Северной Африки. В фокусе внимания российской дипломатии находились усилия по мобилизации международного сообщества, направленные на организацию отпора международному терроризму и экстремизму, которые приобрели беспрецедентный масштаб в контексте действий запрещенной в России ИГИЛ и других террористических группировок в Сирии и Ираке.

На 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке Россия выступила с инициативой формирования широкой международной антитеррористической коалиции, действующей на прочной правовой основе (при центральной роли Совета Безопасности ООН). Начатая в ответ на обращение официальных властей Сирии операция Военно-космических сил РФ в этой стране стала свидетельством решимости России противостоять современному терроризму, бороться с террористами на дальних подступах к нашим рубежам.

Неотъемлемая и первоочередная часть усилий в этом направлении — работа по противодействию финансированию терроризма и феномену иностранных террористов-боевиков. Советом Безопасности ООН при активном участии России подготовлен и принят ряд важных документов, среди которых — резолюции № 2199 от 12 февраля 2015 года и № 2253 от 17 декабря 2015 года, направленные на пресечение финансирования запрещенной в России ИГ и других террористических организаций в Сирии и Ираке. В этом плане особое внимание уделялось перекрытию каналов финансирования запрещенной в России ИГ за счет нелегальной продажи нефти, похищенной с месторождений Сирии и Ирака и транспортируемой через границы этих государств с Турцией. Наша страна не обошла вниманием и гуманитарный аспект сирийского конфликта — Вооруженные силы РФ, действующие в Сирии, приступили к гуманитарной операции в городе Дейр-эз-Зор, который уже в течение четырех лет находился в осаде террористов.

Работа в этом направлении будет продолжена. Отдельного упоминания заслуживают и наши усилия по запуску политического процесса в Сирии на базе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, договоренностей, достигнутых в рамках Международной группы поддержки Сирии 30 октября и 14 ноября 2015 года, а также резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 года.

Не менее важна перестройка отношений в формате «Север–Юг». Данная перестройка, помимо прочих мер должна быть ориентирована на искоренение всего, что порождало или сопровождало развитие терроризма на мировой арене: поднять уровень жизни большей части населения земного шара, которая находится за пределами «золотого миллиарда» (хотя сводить причины возрастания международного терроризма исключительно к бедности Юга, конечно, не следует).

Требуется искоренение диспропорций развития в самом широком смысле. Одним из современных вызовов и в то же время следствием этих диспропорций стал беспрецедентный поток беженцев в Европу. Нового осмысления также требуют отношения Запада и Востока. В XX веке государства, относящиеся к этим блокам, определялись не по географическому принципу, а по политическим мотивам. Этот раскол следует преодолевать, когда речь идет о биполярности в сфере стратегической стабильности и насущной необходимости достижения договоренностей по трем взаимосвязанным проблемам обеспечения международной безопасности: недопущению милитаризации космоса, противоракетным системам и нераспространению оружия массового уничтожения. Россия остается одним из самых активных игроков на мировой арене, от которого зависит, какая модель устройства возобладает в мире.

В условиях глобальной турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности». Единственно надежная страховка от возможных потрясений – соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности, в том числе в Евро-Атлантике.

В силе ведущих факторов роста экономической напряженности следует отметить непрерывную эскалацию национальных геополитических интересов США, целенаправленную дестабилизацию национальных экономик с целью завладения дешевыми ресурсами в полном соответствии с так называемой «доктриной Картера» суть которой можно кратко выразить следующим тезисом «война за чужой счет, на чужой территории в интересах США».

Реализацию данной политики мы видим сегодня на примере таких государств как Афганистан, Ирак, Сирия, Египет. Расшатав финансовую систему данных государств, ослабив их национальную валюту и вкачав триллионы инфляционных долларов в виде займов, кредитов, совместных программ, США последовательно расширяют зону доллара, повышая градус финансовой нестабильности на мировом рынке. Ярким примером такой нестабильности, своего рода индикатором, послужил кризис заимствований 2008 года в США, который негативно отразился на других государствах в «зоне доллара»

Учитывая структуру внешних заимствований, долларовую монополию США, а также необеспеченность доллара реальными ценностями и

продуктами, можно говорить о глобальной нестабильности мировой финансовой системы, спровоцированной отдельными странами, получившими громкое название «стран золотого миллиарда» с целью завладения природными ресурсами менее развитых стран, их территориями и интеллектуальными ресурсами.

Зачастую менее развитые страны рассматриваются как территории для размещения опасных производств и захоронения токсичных отходов, что создает значимую угрозу экологической безопасности и создает предпосылки для развития одного из наиболее опасных видов терроризма – биотерроризма.

2. Угроза экологической безопасности

В числе основных вызовов современному человечеству называют угрозу экологической безопасности. На эксплуатации этой угрозы и строит свою тактику терроризм, порождая в свою очередь такое направление как биотерроризм, под которым в самом широком смысле следует понимать умышленное применение террористическими организациями, группой лиц или террористом-одиночкой биологических средств против людей (крупного региона, города, отдельного объекта), сельскохозяйственных животных, культурных растений с целью уничтожения людей, нанесения больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии правительству в решении внутренних и внешних споров.

По обоснованному мнению, ученых¹, биотерроризм сегодня – это не только бактерии и вирусы, которые провоцируют эпидемии, - речь сегодня идет о биотерроризме на генном уровне. Любое научное достижение в области генной терапии может быть превращено в биологическое оружие, посредством внедрения в живой организм через воду, продукты питания.

К примеру, блокирование патологического гена является одним из способов лечения рака. Если же эту технологию использовать для блокировки жизненно важного гена, это приведет к необратимому нарушению синтеза белков в организме, что позволит запустить механизм самоуничтожения любого организма или вызвать обширные мутации. При этом достижения генной инженерии активно используют страны так называемого «золотого миллиарда» для контроля рождаемости. Например, широко известна технология «Биотерминатора», заключающаяся во внедрении в пищевые продукты гена, блокирующего репродуктивную функцию, скажем, у представителей азиатского этноса.

Подобные разработки только с более агрессивными биологическими агентами используют сегодня и террористы, что имеет целый ряд негативных последствий:

- политические и военные – устранение или шантаж нежелательных политических лидеров, создание обстановки недоверия к руководству страны, активизация деятельности политической оппозиции, скрытый вывод из строя живой силы противника без вступления в контакт с его вооруженными силами;

¹ Астафьева Э. И. Биотерроризм: от мифа к реальности: лекция / ВИПК МВД России, 2010.

- медицинские – массовые заболевания людей с тяжелым течением болезни и высокой степенью летальных исходов, паника, страх, нервно-психические расстройства, инвалидность, паралич воли, истощение медицинских ресурсов, нарушение работы лечебных учреждений;

- экономические – заболевания и падеж продуктивных сельскохозяйственных животных, уничтожение урожая культурных растений, которые являются основным источником питания населения, массовый голод, рост числа беженцев, разруха, дискредитация страны на мировом рынке как торгового партнера, чрезмерные материальные и финансовые затраты на проведение противоэпидемических, карантинных и других мероприятий по ликвидации эпидемии.

Таким образом, конец XX-начало XXI в. ознаменовались рождением нового феномена – глобального (или катастрофического) терроризма, являясь, по сути, еще одним фактором, формирующим террористическую угрозу в мире.

При этом катастрофический терроризм (супертерроризм) отличает ряд совершенно новых характеристик:

Во-первых, данный вид терроризма стремится к глобальному охвату и уже поэтому совершенно не обязательно ассоциируется с какой-либо конкретной политической проблемой.

Во-вторых, в отличие от терроризма как тактики решения конкретной политической проблемы супертерроризм преследует неограниченные цели, которые, как правило, не рассматриваются террористами как предмет для переговоров (например, стремление «Аль-Каиды» спровоцировать системный кризис международных отношений и бросить вызов Западу в целом или идея японской религиозной секты «Аум Сенрике» о мировом господстве)¹. Не в последней степени решение таких глобальных задач достигается за счет использования более продвинутых и высокотехнологичных средств как можно более массового разрушительного действия. В этой связи особую тревогу мировой общественности вызывает доступность в эпоху глобализации оружия массового поражения и высокая вероятность его применения террористами.

В-третьих, не последнюю роль играет двойной характер возможного использования достижений современной науки и научно-технического прогресса. Бурное развитие современных биотехнологий дает широкий спектр возможностей использовать передовые достижения в различных направлениях деятельности человека, например, с одной стороны – для лечения, с другой стороны – для уничтожения людей.

В то же время, использование современных достижений науки делает возможным в настоящее время:

¹ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова. М.: Росспэн, 2008. С. 24.

- создание классов генов, приобретающих смертоносные функции только лишь после встраивания в клетку хозяина, организм которого сам синтезирует яд, его убивающий;
- этнически нацеленного оружия, выбивающего даже отдельные группы среди популяций;
- одностороннего биологического оружия, безопасного для агрессора, например, на основе «медленных» и «спящих» вирусов с большими латентными периодами;
- генетических конструкций, идентичных фрагментам человеческого генома, которые в определенных условиях вызывают заболевания (доказать внешнее воздействие, при этом вообще невозможно)¹.

При этом источник распространения патогенов может быть не выявлен, что открывает возможность «тихой биологической войны». При этом исчезает последний сдерживающий фактор² - фактор адресного возмездия.

Еще в начале 2007 года Национальный совет по разведке в США подготовил специальный доклад по теме перспективы развития терроризма, в котором биотерроризм признавался «наиболее приемлемой формой проведения акций для малочисленных групп боевиков», а также обращалось внимание на рост активности боевиков в поисках доступа к оружию массового поражения³.

По мнению военных специалистов, перспективными средствами биотерроризма следует считать возбудители сибирской язвы, чумы и оспы. Самым опасным агентом из них считается сибирская язва, не случайно именно она избирается для целей террористических атак – возбудитель сибирской язвы является чрезвычайно опасным биологическим агентом, при этом он обладает уникальным свойством – образовывать споры, устойчивые к неблагоприятным условиям внешней среды и быстро активирующиеся при попадании в организм жертвы.

При этом патоген, находящийся в дремлющем состоянии в скотомогильниках, может оставаться жизнеспособным десятки, а возможно сотни лет. Одновременно споры сибирской язвы представляют собой мельчайший, легкий порошок, распыление нескольких килограммов которого над крупным городом может вызвать сотни тысяч случаев заболевания, его легко отправить, например, по почте или вбросить в систему вентиляции крупного супермаркета: всего несколько десятков спор, попавших в легкие достаточно для развития инфекции, при этом начальные симптомы сибир-

¹ См.: Спирин А. Ф. Биологическая революция: угрозы мнимые и реальные // Химия и жизнь. 2000. № 9.

² Там же.

³ См.: Севостьянов В. Терроризм на ... самоокупаемости // Военно-промышленный курьер. 2007. № 10.

ской язвы неспецифические и сильно напоминают банальное острое респираторное заболевание¹.

Достаточно серьезным биологическим агентом также считается чума. Возбудитель чумы является продуктом эволюции другого патогена – возбудителя псевдотуберкулеза. Генетически различными вариантами возбудителя были вызваны все три известные пандемии чумы. В то время, как недавние исследования французских ученых на Мадагаскаре показывают, что эволюция патогена не остановилась и до сих пор продолжает развиваться, причем достаточно активно.

Следующим по степени опасности биологическим агентом является натуральная оспа. До недавнего времени считалось, что натуральная оспа считается ликвидированной инфекцией, однако сегодня она вновь продолжает угрожать человечеству. При этом смертность от оспы среди вакцинированных пациентов составляет 3 %, среди невакцинированных – 30 %. Исторически оспа тормозила экономическое и культурное развитие стран и регионов, была причиной гибели многих развитых цивилизаций, влияла на судьбу народов и ход истории.

В ближайшей перспективе (10-20 лет) опасность сравнительно невелика по крайней мере со стороны изученной разновидности агента, поскольку значительная часть населения Земли все еще вакцинирована от оспы, что значительно облегчает проведение противоэпидемических мероприятий и упрощает раннюю диагностику. Однако в лабораториях по разработке биологического оружия оспа до сих пор рассматривается как серьезный биологический агент с возможностью его дальнейшей модификации.

Исторические источники содержат множество фактов применения биологических поражающих веществ, преимущественно в военных целях², не стали исключением и последние десятилетия XX и начало XXI века, которые в свою очередь охарактеризовались увеличением попыток применения методов биологического терроризма, как государственными, так и негосударственными организациями.

Таким образом, налицо возрастание степени опасности биотерроризма за счёт расширения спектра потенциальных биологических агентов, виды и формы которых могут быть непредсказуемыми. Нельзя сбрасывать со счетов вероятность, что террористы воспользуются микроорганизмами, которые ранее не рассматривались как биологическое оружие, либо не отвечали требованиям классического оружия. В этой связи необходимо периодически пересматривать списки опасных биологических агентов, с целью их своевременной корректировки.

¹ Investigation of Bioterrorism-Related Anthrax and Adverse Event From Antimicrobial Prophylaxis // The J. of the American Medical Association. 2001. Vol. 286. P. 2536-2537.

² Противодействие биологическому терроризму / под. ред. Г. Г. Онищенко. М.: Петит-А, 2013.

Объем и разнообразие информации, доступной в Интернете, которая касается основных способов и характеристик биологического оружия представляет серьезную проблему и существенно повышает риск его создания и применения. Для предотвращения масштабных терактов огромную роль играет именно недоступность определенных знаний, технологий и материалов для потенциальных злоумышленников. Здесь открывается большое поле деятельности для правоохранительных органов не только конкретного государства, но и силовых структур многих заинтересованных стран, для которых вопросы национальной безопасности являются первостепенными. Это проблема не только государственного, но и международного уровня.

В связи с географической близостью к источникам терроризма, России и другим странам Европы настоятельно необходимо незамедлительно начать сотрудничество в данном направлении.

Говоря об угрозе экологической безопасности и имея в виду глобальную экономическую проблему нехватки ресурсов, нельзя обойти вниманием и проблему дефицита водных ресурсов.

По мнению многих специалистов в сфере национальной безопасности именно вода по-прежнему остается и может стать еще более важным фактором региональной нестабильности и причиной конфликтов, поскольку она является жизненно важным благом, важнее чем нефть и прочие углеводороды.

В то время как внимание всего мирового сообщества сфокусировано на ценах на нефть и другие энергоносители, именно вода по-прежнему остается и может стать еще более важным фактором региональной нестабильности и причиной конфликтов.

Международный институт управления водой еще в начале 2008 г. сделал заявление о том, что фактические темпы роста дефицита воды в мире значительно превышают ожидаемые.

Во многих развивающихся странах дефицит воды признается сегодня одной из серьезнейших политических и социальных проблем эпохи.

Эти данные косвенно подтверждает доклад Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию, в котором озвучен прогноз о том, что уже 2015 году конфликты из-за водных ресурсов во многих странах станут обычными. Дополнительную остроту конфликтам по данным прогноза придадут рост общественных беспорядков, активизация миграционных процессов.

В то же время за последние 50 лет произошло не менее 40 межгосударственных споров из-за водных ресурсов, в ходе которых применялось вооруженное насилие. Это свидетельствует о том, что вода становится не только товаром, но и средством социального и даже политического давления.

Многие эксперты прогнозируют, что проблема дефицита пресной воды примет глобальный характер уже в ближайшие 20-25 лет и на смену нынешним войнам за углеводороды придут войны за воду.

Дополнительным фактором дестабилизации в регионе могут послужить рост чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, а также их загрязнение в сочетании с обострением политической борьбы.

Такая ситуация оказывает наибольшее дестабилизирующее влияние на развитие территорий, находящихся в бассейнах рек, которые пересекают государственные границы.

Речь пойдет о трансграничных реках на нашей территории и территории государств СНГ.

Использование водных ресурсов в верхнем течении Иртыша пока не приняло столь высокого градуса напряженности, как в Кашмире или на Ближнем Востоке, но также служит значимым дестабилизирующим фактором в регионе. Иртыш, например, берет начало на территории Китая, затем река протекает по территории Казахстана и России. Власти Китая еще в конце 90-х годов прошлого века объявили о планах строительства в верховьях Иртыша канала для орошения земель в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, которые испытывают сейчас острую нехватку воды. По подсчетам же казахских ученых, после отвода вод на нужды орошения к 2020 году русло Иртыша на всей территории Казахстана и вплоть до Омска, где в него впадает река Омь, может превратиться в цепь болот и стоячих озер, что будет иметь катастрофические последствия для экономики и экологии не только Казахстана, но и российских областей Западной Сибири.

Особую тревогу вызывает ситуация, сложившаяся на территории СНГ.

В настоящее время ключевым фактором дестабилизации в государствах Центральной Азии признан рост террористической угрозы, а в качестве «центра тяжести» геополитических интересов названы нефтяные и газовые месторождения, в то время как значительный потенциал дестабилизации, скрыт в ситуации, сложившаяся на территории СНГ вокруг давних водных споров.

При этом государства, в которых находятся верховья рек, рассматривают воду как стратегический товар, поскольку они бедны другими ресурсами и используют воду для производства электроэнергии для собственных нужд.

Данная ситуация усугубляется еще и тем, что за последние 60 лет по оценкам специалистов площадь ледников Таджикистана уменьшилась на 30 %; в то же время Кыргызстан за последние 40 лет потерял около тысячи высокогорных ледников, что также уменьшило его водные запасы на 14 %.

В совокупности подобное снижение по различным оценкам приводит к потере 25-40%¹ урожая ежегодно, а это уже угроза продовольственной безопасности и социальному развитию стран Центральной Азии.

Пока данная проблема носит дремлющий характер, но уже сегодня разорение личных хозяйств, вынужденный запрет на посевы риса, угроза голода и распространения эпидемий, вынужденная миграция, рост межэтнической напряженности способны подстегнуть процесс.

В свете возрастающего значения воды, а также природно-климатических условий региона перспективным направлением становится возможность совершения террористических актов на водных объектах, в первую очередь благодаря небольшому количеству привлекаемых сил и средств, значительной территории заражения и сравнительно быстрому распространению, отсутствию альтернативных и аварийных источников питьевой воды на значительной протяженности, а также возможность создания и нагнетания атмосферы страха, паники и массовой истерии, которые является целью террористов.

Значительный дестабилизирующий потенциал также скрыт в неопределенности правового статуса Каспийского моря между Ираном, Казахстаном, Азербайджаном, Туркменистаном и Россией. До краха Советского Союза на основе Договора о дружбе 1921 года и Соглашения о Торговле и Навигации 1940 года Каспийское море было поделено между Ираном и Советским Союзом.

После краха Советского Союза пять прибрежных государств определили свои позиции по статусу Каспийского моря, отличные друг от друга и откорректированные с учетом растущей важности энергоресурсов в регионе.

Позиция России заключается в реализации двустороннего поэтапного подхода к решению спора, в то время как Иран предпочел вариант многостороннего совладения, по которому все пять прибрежных государств договариваются о совместном развитии ресурсов морского дна, совместном освоении или справедливом разделе акватории моря.

Также спорными территориями являются ледяные пространства Арктики и прибрежные территории. Отдельные страны Евросоюза давно и последовательно стремятся ввести режим совладения в северных акваториях России, получить контроль над их природными ресурсами.

Многие специалисты по Востоку также говорят о возможности экспансии Китая, население которого неуклонно растет, а водные ресурсы сокращаются в сторону озера Байкал и вспоминают территориальные при-

¹ Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности: лекция, разработанная в АТЦ СНГ с участием руководителя АТЦ СНГ генерал-полковника полиции, к.ю.н. Новикова А. П., д.ю.н. профессора Кочубей М. А./ архив ИЦ АТЦ СНГ.

границные споры еще СССР и Китая, включая инцидент с островом Даманский.

Япония с ее ограниченными природными ресурсами последовательно выступает за возврат островов Южнокурильской гряды и раздел акватории, предлагая, как вариант местному населению получение двойного гражданства с последующим референдумом по вопросу присоединения.

Таким образом, на фоне грядущего мирового продовольственного кризиса такая ситуация объективно приведет к кумулятивному эффекту и появлению в ближайшей обозримой перспективе новых очагов напряженности, созданию новых альянсов и силовых картелей.

При этом создаются все предпосылки для стихийных и управляемых конфликтов, как внутри государств, так и между ними. Соблазн передела ресурсов неизбежно спровоцирует обострение давних споров и конфликтов – территориальных, этнических и религиозных. При этом данные споры и конфликты будут разрешаться путями, далекими от положений международных конвенций, с созданием и поддержанием зон локальной напряженности, разжиганием расовой и национальной розни, опорой на радикальные политические силы, не гнушающиеся прибегнуть к откровенно террористическим методам ведения войны, в том числе используя сложную экологическую ситуацию в мире.

В ближайшем будущем, по нашему мнению, мир неизбежно столкнется с волной экономически обусловленного сепаратизма, а также стремительным ростом протестных экстремистских движений. Последних охотно возьмут под свое крыло развивающиеся по законам сетевого маркетинга международные террористические организации, такие как «Исламское государство», «аль Каида» и другие.

Следует отметить, что терроризм существенно повышает градус угрозы экологической безопасности, а также способствует нарастанию кризиса национальной идентичности.

3. Кризис национальной идентичности

Возрастающее влияние националистических, популистских правых партий в Европе представляет собой не только вызов традиционным политическим элитам и функционированию либерально-демократических систем. Возникает невольное сравнение с историей фашистских движений¹ и встает вопрос: «Как определить, классифицировать и позиционировать эти партии в политическом спектре?». Когда марксизм утратил свое протестное влияние после распада Советского Союза, главным рупором противников глобализации и мультикультурализма в Европе стали правые радикальные партии. Недавние успехи популистских партий на выборах в значительной степени связаны с их радикальной националистической и антииммигрантской позицией в частности и общим недовольством граждан политикой их стран в целом. Евроскептицизм, исламофобия, ксенофобия и противопоставление себя истеблишменту свойственны в разной степени всем этим партиям, что отличает их от других правых и левых партий политического спектра. Хотя состав европейских радикальных правых партий крайне неоднороден — от Датской народной партии (Danske Folkeparti, DP)² до экстремистской «Золотой зари» в Греции³, все они сходятся в одном — национальное государство должно быть, как можно более культурно и этнически однородным. Это означает требование к принятию строгой политики ассимиляции и жесткого антииммиграционного законодательства, а любая форма мультикультурализма признается этими партиями ненужной⁴.

Популярность данных партий в настоящее время стремительно растет в связи с наплывом в страны Евросоюза мигрантов из Сирии, Египта, Ирака, Алжира и прочих стран.

¹ О проблеме фашизма в истории писали, в частности: Paxton R. *The Anatomy of Fascism*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004; Eley Geoff. *Nazism as Fascism: Violence, Ideology, and the Ground of Consent in Germany 1930–1945*. L.; N. Y.: Routledge, 2013; Bessel R. *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and contrasts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Griffin R. *The Nature of Fascism*. L.: Pinters, 1993; Griffin R. (ed.) *International Fascism: Theories, Causes, and the New Consensus*. L.: Arnold, 1998; Renton D. *Fascism. Theory and Practice*. L.: Pluto Press, 1999; Kershaw I. *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*. L.; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2000; Eatwell R. *Fascism. A History*. L.: Pimlico, 2003.

² О Датской народной партии см.: Southwell P., Lindgren E. *The Rise of Neo-Populist Parties in Scandinavia: A Danish Case Study* // *Review of European Studies*. 2013. Vol. 5, № 5. P. 128–135.

³ См.: Angouri Jo, Wodak R. *They became big in the shadow of the crisis: The Greek success story and the rise of the far right* // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, № 4. P. 540–565.

⁴ См.: Jungar A.-C., Jupskås A. R. *Populist Radical Right in the Nordic Region: A New and Distinct Party Family?* // *Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, № 3. P. 215–238.

Беженцы далеко не всегда соблюдают законы, не адаптируются к требованиям этики и морали страны пребывания, а образуют этнические анклав, в которых процветает преступность и противозаконные виды деятельности, религиозная нетерпимость, нарушают общественный порядок, не считаясь с правилами поведения, принятых в принимающей их стране, при этом довольно часто многие представители данных сообществ ведут себя вызывающе. Все это в совокупности играет на руку праворадикальным движениям, апеллируя к естественному стремлению граждан сохранить свою национальную идентичность, безопасно передвигаться по улицам.

Для целей лучшего понимания феномена ультранационалистических партий необходимо коснуться трех аспектов:

- 1) сравнительно-сопоставительный анализ крайне правых и фашистских партий в период между двумя мировыми войнами;
- 2) сходства и различия между отдельными правыми партиями современной Европы;
- 3) степень влияния на государственную политику и идеологическую повестку основных партий этого толка в контексте европейской политики.

Нестабильность, вызванная чередой политических и экономических кризисов, является идеальным условием для расцвета крайне правых партий. Свидетельством этому служит исторический период между двумя мировыми войнами.

Недавние финансовый и миграционный кризисы привели к росту популярности крайне правых партий во многих европейских странах. Их влияние вместе с тем остается крайне неоднородным в связи с различной степенью их идеологической привлекательности в контексте национальных государств. На популярность крайне правых влияет и положение основных политических партий, и препятствия, связанные с непропорциональными избирательными системами¹.

Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные преграды, эти партии смогли бросить вызов традиционным правым и левым партиям европейских стран и стали определять текущую повестку дня, в частности в области антииммиграционной политики. Во многих европейских странах крайне правые партии могут рассчитывать на 20–25 % голосов избирателей. Иными словами, они стали значимой политической силой, игнорировать которую невозможно. Одновременно началось обсуждение ключевых принципов европейского проекта, таких как жизнеспособность системы общих границ, скоординированный подход к проблеме иммиграции и предоставления политического убежища.

¹ См.: Mudde C. Fighting the system: Populist radical right parties and party system change // Party Politics. 2014. Vol. 20, № 2. P. 217–226.

Вместе с тем, нынешние националистические правые партии, такие как «Национальный фронт» (Front National, FN), Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs, FPÖ), датская партия DP или партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD), не имеют ничего общего с фашистскими партиями 1930-х годов. Они не предлагают установить однопартийный режим и разрушить либеральную демократию и принимают основные положения капиталистической системы (даже если при этом выступают против всеобъемлющей глобализации), не борются против коммунистических партий. Ни одна европейская праворадикальная партия не предлагает войну как средство национальной экспансии; даже те из них, кто выступает за «воссоединение исконных земель», как это делает партия «Йоббик» в Венгрии. На самом деле сторонники изменения границ в послевоенной Европе – в основном сепаратисты, а не экспансионисты. Кроме того, вместо антисемитизма идеологическим общим знаменателем становится исламофобия. Представители крайне правых партий утверждают, что являются «авангардом в борьбе западного, демократического общества» против «тоталитарной угрозы фундаменталистского ислама»¹.

Но вместе с тем, из этого правила есть исключения: «Золотая заря» в Греции стала откровенно неонацистской партией²; основатель движения «Пегида» («Патриотические европейцы против исламизации Запада» (Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes) в Германии был вынужден подать в отставку, когда была опубликована его фотография с усами, как у Гитлера³; партия «Йоббик» (Движение за лучшую Венгрию; Jobbik Magyarorszáért Mozgalom) является откровенно антисемитской, и некоторые члены партии считают себя фашистами по убеждению, несмотря на то что даже руководители партии отказываются от каких-либо

¹ Этот переход от антисемитизма к исламофобии замечен в так называемой «Иерусалимской декларации», подписанной австрийской партией FPÖ, бельгийской партией «Фламандские интересы» (Vlaams Belang), германской партией «Свобода — партия гражданских прав за свободу и демократию» (Die Freiheit — Bürgerrechtspartei für mehr Freiheit und Demokratie) и шведскими демократами (Sverigedemokraterna, SD) в 2010 году. В Декларации подчеркивается право Израиля на защиту от террора. Антиисламская партия «За свободу» (Partij voor de Vrijheid) в Голландии под руководством Геерта Вилдерса выступает с похожей повесткой дня и поддерживает Израиль. См., например: Far-Right Politicians Find Common Cause in Israel. URL: <http://europe.newsweek.com/far-right-politicians-find-common-cause-israel-68583?rm=eu> (дата обращения: 27.02.2016).

² См.: Angouri Jo, Wodak R. Op. cit. P. 540–565.

³ О движении «Пегида» см.: Dostal J. M. The Pegida Movement and German Political Culture: Is Right-Wing Populism Here to Stay? // The Political Quarterly. 2015. Vol. 8, № 4. P. 523–531.

ассоциаций с нацистским движением «Скрещенные стрелы», которое существовало в Венгрии в 1930–1940-х годах¹.

Но в целом правые партии стараются не ассоциироваться с фашизмом из-за позорного клейма, которое лежит на этом движении в исторической памяти. Они хорошо представляют, что любые фашистские идеи уменьшат их политическое влияние, поставят под угрозу привлекательность для избирателей и электоральное будущее. В европейских странах жива память о Холокосте и преступлениях коллаборационистов военного времени. В некотором смысле предлагаемая крайне правыми повестка дня не имеет ничего общего с прошлым. Подходя к социальным вопросам с консервативной и традиционной точек зрения, эти партии, такие как австрийская Партия свободы, норвежская Партия прогресса (Fremskrittspartiet, FRP) или Независимая партия Великобритании (UKIP)², защищают индивидуалистическую либеральную экономическую политику и, в отличие от ультраправых партий межвоенного (между двумя мировыми войнами) периода, не поддерживают социально-корпоративную и в некоторых случаях антикапиталистическую риторику партий того времени. Наибольшего успеха у избирателей в современной Европе могут добиться партии, которые придерживаются националистической идеологии, защищают консервативные культурные ценности и политику социальной защиты населения.

В отличие от фашистских партий прошлого, в своей политической пропаганде они не делают акцент на этническое и расовое происхождение. Исключениями из этого правила являются партии «Золотая заря» и «Йоббик».

Вместе с тем, существуют государства, стремящиеся в Евросоюз, чтобы получить доступ к его финансовым ресурсам. Они-то как раз и делают ставку на ультрафашизм, играя на антироссийских настроениях и отрицая какую бы то ни было связь с Россией, называя период СССР периодом оккупации, делая коллаборационистов национальными героями, создавая в Восточной Европе очаги неофашизма.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что ультранационалистические крайне правые партии представляют слишком широкий спектр мнений. При этом отдельно взятые партии отличаются друг от друга не только с точки зрения их исторического происхождения, но и

¹ О партии «Йоббик» см., например: Mihai V. Hungary's 'anti-capitalist' far-right and the Hungarian Guard // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42, № 4. P. 791–807.

² Ford R. Understanding UKIP: Identity, Social Change and the Left Behind // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 3. P. 277–284.

во многом другом, чтобы не позволяет отнести их к партиям единой идеологии¹.

В то же время крайний национализм сложно классифицировать с точки зрения транснациональных групп, между партиями такого толка редко существует солидарность. Даже при условии, что партии межвоенного периода имели много общего, они отличались, например, по принципу приверженности политике нацистской Германии или фашистской Италии. В своей националистической риторике они могли придерживаться строго регрессивной расовой идеологии или антилиберальных модернистских взглядов. Некоторые выступали за национальную экспансию и «приращение земель» (Германия, Италия и Венгрия), другие — за территориальную автономию (Румыния). Однако, несмотря на фундаментальные отличия, между современными и историческими радикальными правыми партиями существуют и идеологические сходства. Эти партии настойчиво отказываются называть себя крайне правыми или крайне левыми, потому что стремятся быть привлекательными для избирателей обеих сторон политического спектра.

Их объединяет враждебное отношение к межправительственным и межнациональным проектам, таким как Лига Наций (1920–1930-е гг.) и современный Европейский Союз. Общей для всех этих партий также является политика идентичности – необходимость реагировать на экзистенциальную угрозу национальному и культурному упадку. Осуждая традиционные политические элиты за их предполагаемую коррумпированность и слабость, эти партии хотят представить себя в роли политических аутсайдеров и спасителей.

И наконец, их ультранационалистическая повестка дня, которая в некоторых случаях напоминает откровенный культурный расизм, направлена на конкретные маргинализированные социальные группы: иностранцев, иммигрантов и беженцев.

При этом недостаточно обращать внимание лишь на типичные тревожные сигналы – экстремистскую националистическую пропаганду и преступления на почве ненависти. Гораздо большее значение имеют критические ситуации в момент политического или экономического кризиса, когда, чувствуя угрозу, консервативная элита ищет сторонников, готовых преступить закон. На этот призыв, как правило, откликаются именно ультранационалистические демагоги, пользующиеся массовой поддержкой.

В настоящее время сценарии подобного рода не являются неизбежными. Если посмотреть на страны, которые кризис 2008 года затронул особенно сильно (Исландию, Ирландию, Испанию и Португалию),

¹ Halikiopoulou D., Vasilopoulou S. Support for the Far Right in the 2014 European Parliament Elections: A Comparative Perspective // The Political Quarterly. 2014. Vol. 85, № 3. P. 286.

то можно заметить, что там не возросла популярность радикальных правых партий. Можно сделать вывод, что, когда в результате экономического кризиса не возникает слома всего механизма управления и правительства (не важно, правые или левые) продолжают управлять на основе выданного им народом мандата, у правых партий не возникает таких возможностей воздействия на общество, как в случае политического вакуума.

Фашисты приближаются к органам власти тогда, когда консерваторы начинают активно применять фашистские методы воздействия — популистскую риторику, которая привлекает их традиционных избирателей.

Таким образом, важно учитывать складывающиеся отношения между радикальными правыми и консерваторами. Вопрос заключается лишь в том, могут ли последние удержать и (или) нейтрализовать первых посредством коллаборационизма, кооптации или подавления. Очевидно, что эта стратегия откровенно провалилась в Германии и Италии в межвоенный период (между двумя мировыми войнами). Но она сработала в других странах, например, в Венгрии и Румынии, даже если авторитарные режимы Миклоша Хорти и Иона Антонеску были по большому счету антидемократичными.

Анализ взаимодействия умеренных правых партий в Европе с крайне правыми, позволяет выявить несколько форм подобного взаимодействия. С одной стороны, бывали случаи, когда эти партии сотрудничали с правительством, делились с ними идеями или их представители занимали незначительные посты; с другой стороны, нередко возникали ситуации, когда от ультраправых партий отреклись, дистанцировались или просто исключали их из общения.

Когда правоцентристская Австрийская народная партия (Österreichische Volkspartei, ÖVP) впервые в истории в 2000 году приняла решение образовать коалицию с FPÖ, оно породило шквал критики, после чего последовали противоречивые санкции ЕС. Этот политический эксперимент, однако, имел меньше последствий для австрийской демократии, поскольку страну уже давно критиковали за систему политических партий-спойлеров.

В борьбе с ними центристские партии правого и левого толка формировали широкие правящие коалиции, что положительно сказалось на динамике управления государством. Гораздо больше пострадала Партия свободы, которая утратила поддержку избирателей и посты в правительстве после следующих выборов. А FPÖ, как оказалось, вернула расположение избирателей¹.

¹ Несмотря на раскол партии, когда бывший основатель FPÖ Йорг Гайдер создал еще одну ультраправую партию «Альянс за будущее Австрии» (Bündnis Zukunft Österreich, BZÖ), на парламентских выборах 2013 года она получила 17,5 % голосов избирателей.

Этот опыт указывает на проблемы, с которыми сталкиваются все крайне правые популистские партии Европы: занимая правительственные посты, их представители теряют статус аутсайдеров и вынуждены идти на идеологические компромиссы с традиционными партиями, что тоже имеет положительное влияние на стабилизацию ситуации, поскольку снижает градус радикализации политических партий.

Следует изучить и пример со скандинавскими партиями крайне правого толка¹.

Значительно менее радикальная, чем другие популистские партии Европы, Норвежская Партия прогресса (FrP) в настоящее время борется с потерей электоральной поддержки, ставшей следствием того, что представители партии согласились вступить в коалицию с консерваторами после победы на выборах 2014 года².

То же самое можно сказать и о Партии финнов (Perussuomalaiset, PS) в Финляндии³. Их популярность также резко упала после того, как они перешли из оппозиции, будучи второй крупнейшей партией страны, в коалиционное правительство с участием консервативных и центристских партий⁴.

Датская народная партия (DF) по крайней мере на время смогла избежать этой дилеммы. Поддержав миноритарное правительство правоцентристской Либеральной партии Дании на выборах 2015 года, они сохранили голоса своих избирателей⁵.

После того как популистские партии в Скандинавских странах умили свой радикальный национализм, чтобы попасть в правительство, они получили от этого значительные дивиденды. Теперь эти партии начали оказывать влияние на политику правительства, им удалось изменить политическую повестку дня, обратив внимание на проблемы иммиграции и мультикультурализма⁶.

В результате партия не вошла в правительство, которое образовали представители крупнейших партий — ÖVP и SPÖ.

¹ Jungar A.-C. Jupskås A. R. Op. cit. P. 215–238.

² FrP получила 23 % голосов и стала второй крупнейшей партией страны после Лейбористской партии.

³ См.: Westinen J. True Finns: A Shock for Stability? Testing the Persistence of Electoral Geography in Volatile Elections // *Scandinavian Political Studies*. 2014 Vol. 37, № 2. P. 123–148.

⁴ На парламентских выборах 2015 года Партия финнов получила 17,7 % голосов.

⁵ DF получила на парламентских выборах в Дании 21 % голосов и в настоящее время является второй крупнейшей партией в Дании после социал-демократов.

⁶ См.: Lindsköld L. Contradicting Cultural Policy: A Comparative Study of the Cultural Policy of the Scandinavian Radical Right // *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*. 2015. Aug. № 1. P. 8–26.

По их мнению, экономический кризис (который усугубился в результате открытых границ и слабого иммиграционного контроля на границах ЕС) породил риск крушения действующего социального договора¹.

Один из ключевых тезисов этих партий заключается в том, что нужно ограничить поток беженцев и иммигрантов.

Главные политические партии Скандинавских стран в определенной степени разделили эту точку зрения и ужесточили политику в области иммиграции, предоставления политического убежища и пограничного контроля, что подчеркивает слабость левых партий.

Крайне правые партии, отказавшись от неолиберальной экономической программы частично или полностью, теперь обращают особое внимание на общественно важные и социальные вопросы, ориентируясь при этом на национальное большинство. Действительно, в некоторых странах крайне правые партии конкурируют за голоса не только с правыми консерваторами, но и с левыми социалистическими демократами в надежде завоевать голоса их традиционных избирателей².

Ярким примером является Австрия. Партия свободы ориентирована на тех же городских избирателей, что и социал-демократы, – на рабочих и представителей беднейшего слоя среднего класса, а консервативная Австрийская народная партия – в основном на религиозных избирателей из сельских районов³. Таким образом, при определенных условиях пока только консервативные партии готовы сотрудничать с крайне правыми, особенно в ситуации, когда им необходима поддержка в формировании большинства или меньшинства в правительстве. Вопрос по поводу того, будут ли на это готовы при каких-либо условиях левые, остается открытым. На европейском национальном уровне единственной левой партией, сформировавшей коалиционное правительство с маленькой крайне правой партией «Независимые греки» (Anexartitoi Ellines, ANEL), остается Коалиция радикальных левых, партия «СИРИЗА» (Synaspismós Rizospastikís Aristerás).

Степень принятия основными политическими партиями феномена крайне правых европейских партий может быть измерена степенью гибкости идеологии популистов и их потенциалом в качестве политических союзников. В некоторых случаях услуги правых радикалов не потребуются, потому что консерваторы смогут править сами по себе. Британская консервативная партия, например, удержалась от того, чтобы копировать

¹ См.: Halikiopoulou D., Vasilopoulou S. Op. cit. P. 285–288.

² О поддержке рабочим классом радикальных правых партий см.: Oesch D. Explaining Workers' Support for Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // International Political Science Review. 2008. Vol. 29, № 3. P. 349–373.

³ How has the Radical Right Transformed Established Political Conflicts: The Case of Austria / J. Aicholzer [et al.] // West European Politics. 2013. Vol. 37, № 1. P. 113–137.

UKIP или чрезмерно апеллировать к ней, хотя и заимствовала некоторые положения ее антииммиграционной политики для своей избирательной кампании 2015 года. Другие консервативные партии, особенно в Восточной Европе, сами так далеко сдвинулись вправо по политическому спектру, что им удалось практически нейтрализовать популистские партии и избежать конкуренции с ними в области идеологии. В частности, так поступила партия «Фидес» (Венгерский гражданский союз). К огромному неудовольствию партии «Йоббик», «Фидес» заимствовал у нее некоторые ультранационалистические идеи, в частности празднование дня Трианонского мирного договора, по которому Венгрия лишилась двух третей своей территории после Первой мировой войны, и реабилитацию Хорти, авторитарного правителя Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Сохранив на последних парламентских выборах абсолютное большинство, «Фидес» в своей деятельности не зависит от партии «Йоббик». Польская партия «Закон и справедливость» также заявила крайне правую программу. Как и «Фидес», партию обвиняют в том, что она использует свое парламентское большинство для принятия законов, ограничивающих свободу слова и другие конституционные права граждан. В таких политических обстоятельствах у радикальных правых нет возможности войти в правительство.

В остальных случаях крайне правые партии, такие как «Золотая заря»¹, считаются слишком экстремистскими для того, чтобы с ними можно было работать. В аналогичную ситуацию попадет и партия «Йоббик», если основные правые партии Венгрии не возьмут на вооружение некоторые ее идеи. В Германии христианские демократы (ХДС/ХСС) и социал-демократы (СДПГ) отвергли возможность политического партнерства с партией AfG, которая набрала популярность в связи с миграционным кризисом в Германии. Германский политический истеблишмент в целом не скрывает своего презрения к антиисламскому движению «Пегиды» в связи с его ультранационалистическими и ксенофобскими взглядами².

Правые консерваторы во Франции предприняли попытку ограничить влияние Национального фронта, заимствуя у этой партии определенные политические идеи, в частности их критику миграционной политики ЕС и требования по укреплению соответствующего законодательства. Однако от прямого сотрудничества с НФ они отказываются³.

¹ На вторых парламентских выборах 2015 года партия «Золотая заря» получила 7 % голосов.

² О AfG и Pegida, см., например: Henke M. Protest und Populismus — eine schwierige Abgrenzung in Zeiten von AfD und Pegida. Ein Bericht über die Tagung Protestkultur – Populismus? 2014 in der Akademie für politische Bildung Tutzing // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. 2016. Vol. 8, № 2. P. 287–291.

³ Mondon A. The Front National in the Twenty-First Century: From Pariah to Republican Democratic Contender // Modern & Contemporary France. 2014. Vol. 22, № 3. P. 301–320.

За исключением шведских демократов, скандинавские крайне правые партии наиболее успешно интегрировались в политическую систему, потому что они считаются менее экстремистскими, чем популистские партии в других странах. Тем не менее их идеологическая платформа с акцентом на национализм и традиционализм, нападки на ЕС, приверженность концепции социального государства и требование строгих контрольных мер в области иммиграции сыграли важную роль в установлении повестки дня на национальном и региональном уровнях в Европе. Более того, в связи с масштабным кризисом, вызванным притоком беженцев, эти вопросы вышли на передний план в европейской политической повестке дня.

Несмотря на экономическую и социальную неопределенность, пока нет никаких признаков того, что крайне правые популистские партии в Европе смогут стать партиями большинства и сформировать правительство. Такая вероятность может возникнуть только в случае разрушительного политического кризиса или войны.

В то же время мы наблюдаем определенное укрепление крайне правых партий в Европе, что является обычным явлением во время кризиса, когда в той или иной степени возрождается ультра национализм. Некоторые популистские партии сумели сгладить свои различия с основными правыми (и даже левыми) партиями и включили в повестку дня проблему иммиграции. Им удалось уговорить рабочий класс – традиционный электорат левых, что иностранные рабочие создают лишнюю конкуренцию на рынке труда. Сместив акценты с обычной неолиберальной повестки дня на политику социального государства, эти партии продемонстрировали, что их политический словарь может меняться. Инициативы подобного рода также показывают, что партии подобного толка не вписываются в традиционное идеологическое деление на левых и правых. Действуя таким образом, они следуют тактике фашистских партий 1920–1930-х годов, отмежеввавшихся от общественного кризиса, вызванного коррумпированными политическими элитами правых и левых.

В основной своей массе популистские партии редко способны формировать правительственную политику, не выполняя при этом функциональной роли. Опыт показывает, что практически все эти партии объединялись с правыми консерваторами.

Получив поддержку избирателей и иногда принимая в этом прямое участие, они дали возможность правоцентристским партиям сформировать правительства большинства и меньшинства. Получив этот мандат доверия, они смогут более эффективно продвигать свою политику по ключевым вопросам, таким как иммиграция, традиционные ценности и отношения с Европейским Союзом.

Следует отметить, что в крупнейших государствах Западной Европы – Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании крайне правым

партиям не удалось достичь решающего успеха и поколебать позиции основных партий. Однако если им удастся воспользоваться кризисной ситуацией в Европе для продвижения своей ультранационалистической популистской идеологии, а традиционные политические элиты продолжают терять доверие избирателей, они, скорее всего, смогут расширить политическое поле для своей деятельности. В этом случае им удастся показать, что они представляют тех, кто противостоит глобализации, росту количества мигрантов, радикальному исламу, и тех, кто не согласен с надгосударственным проектом единой Европы.

Если же говорить о феномене национализма как факторе, формирующем террористическую угрозу, то следует отметить, что в настоящее время существуют следующие трактовки национализма:

- 1) официальная идеология и политика государства, обычно выраженные в национальных доктринах (концепциях) и законодательных актах;
- 2) специфически ориентированное мировоззрение и его реализация в деятельности националистических слоев, социальных групп, выражающих их интересы политических и общественных организаций;
- 3) особая, специфическая форма состояния межнациональных отношений.

Научная трактовка понятия «национализм» неразрывно связана с такими категориями, как нация, этнос, народность, национальность, этносоциальные, этнополитические и межнациональные отношения. В зависимости от уровня и степени его выраженности предлагаются многочисленные неоднозначные интерпретации сущности и содержания национализма.

Первая точка зрения представлена позицией, трактующей национализм как нечто позитивное, отождествляемое с национальным возрождением, национальной самобытностью и активным участием в достижении своей государственности, в развитии национального самосознания и национальной культуры, их защите и поддержке. Такая позитивная оценка особенно наглядно проявилась в период распада колониальной системы, национально-освободительных революций и становления новых независимых государств Азии и Африки в XX веке¹.

Отношение к национализму как созидательному явлению было продемонстрировано в политике поддержки процесса распада таких многонациональных государств, как СССР, Югославия, Чехословакия (З. Бжезинский).

Вторая точка зрения не менее распространена. Она базируется на том, что национализм – противоречивое явление, которое имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, Бердяев в своем

¹ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003.

четвертом письме «О нации» в книге «Философия неравенства» делил национализм на агрессивный, разрушительный и творческий, созидательный, способный вести народы по пути прогрессивных социальных изменений¹.

Аналогичная постановка вопроса была характерна и для Ленина, полагающего, что национализм, пробуждающийся у угнетенных народов, имеет «историческое оправдание»². Еще раньше он утверждал, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем».

Третья точка зрения характерна для значительной части как зарубежных, так и советских (российских) обществоведов, утверждающих, что сущность и основу национализма составляют идеи национальной исключительности и превосходства, стремления к национальной замкнутости, местничеству, недоверия к другим народам, что нередко перерастает в межнациональную вражду. Данная позиция приближает трактовку национализма к объяснению смысла шовинизма и расизма, различая их только по степени своего выражения в политике и идеологии правящих партий и соответствующих социальных сил. Такой подход ставит национализм в ряд таких общественных явлений, которые надо ограничивать, преодолевать и устранять всеми доступными средствами.

Исходя из такой постановки вопроса, национализм искали во всех возможных вариантах, везде, где возникала хотя бы малейшая напряженность в межнациональных отношениях, где появлялись нерешенные вопросы, имеющие этнический характер: при рассмотрении проблем развития национальной культуры, языка, образования, отношения к обычаям, традициям и правилам поведения. Кроме того, национализм нередко обвинялся в мимикрии, перевоплощении, желании скрыть свои эгоистические цели, антинародные устремления, прикрытые псевдопатриотическими лозунгами, обещаниями, национальными ценностями и интересами. Согласно этому подходу национализм оперирует национальными символами, лозунгами общенационального характера, эксплуатируя при этом национальные чувства людей³.

Между тем, национализм сегодня все чаще стал выступать в этноконфессиональном облике. Национально ориентированные интересы все чаще прикрываются знаменами той или иной религии (конфессии). Для этого каноны и догмы используются, чтобы убедить как можно большее количество населения в непререкаемых преимуществах следования религиозным постулатам и ориентирам. Это ярко проявляется в религиозной войне на Ближнем Востоке.

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2006.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1981.

³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Многие специалисты в области современной геополитики говорят о том, что в определенном смысле мир вернулся в Средневековье, когда религиозные войны были широко распространенным явлением. К примеру, национализм в процессе распада Югославии проявил себя в виде кровавого противостояния православных, католиков и мусульман в лице сербов, хорватов и боснийцев. Этнорелигиозные войны ведутся между тамилами и сингалами в Шри-Ланке, между христианами и мусульманами в ряде стран Африки, Ближнего Востока, Индонезии. Результатами этих войн становятся этнические чистки, как это было в Хорватии по отношению к сербам.

Особо следует отметить, что эти чистки могут проходить под флагом «моральной» войны, когда создаются невыносимые условия для продолжения нормальной жизни на прежнем месте жительства.

Подобные чистки способны перерасти и в настоящий геноцид, который в современный период наиболее наглядно проявился в уничтожении в 1994 году в Руанде 800 тыс. представителей народности тутси. Чистки осуществлялись со стороны другой народности — хуту, хотя эти народы обладали одной культурной и языковой общностью. В результате конфликта погибло суммарно около миллиона человек (14 % населения Руанды)¹.

На этой основе и/или под прикрытием религии сформировался и такой лик национализма, который связан с терроризмом. Обоснованием практически всех террористических актов стало декларирование защиты этноконфессиональных интересов. Особенно ярко это проявляется в среде мусульманских радикальных националистических движений. Даже простое употребление слов повседневных для каждого мусульманина слов «Аллах акбар» при каждом террористическом акте говорит о том, что они берут на вооружение отдельные положения ислама, трактуя их в сторону усиления выгодных им догматов для мобилизации отдельных групп населения (особенно молодежи) на «бескомпромиссную войну с неверными». Этот и подобные слоганы призваны заявить о принадлежности к достаточно большой общности людей — мусульманам. Следующим шагом будет декларация для заинтересовавшихся идеологией тезиса о том, что их ислам — единственно правильный, их джихад — самый справедливый, а они — самые правоверные из мусульман.

Это в свою очередь приводит к тому, что террористические акты применяются не только против представителей других народов и религий, но и против представителей других конфессий в рамках ислама, о чем свидетельствует кровавая история противостояния суннитов и шиитов, а так-

¹ Scherrer Ch. P. Genocide and crisis in Central Africa: conflict roots, mass violence, and regional war. Westport: Praeger, 2002.

же в акции движения Талибан против единоверцев в Афганистане, а с недавних пор и в Пакистане.

По пути этих действий идут и сторонники «Правого сектора» на Украине, которые называют себя «христианскими талибами», что позволяет им применять насильственные действия против единоверцев, оставшихся верными Московскому патриархату.

Указанные проявления национализма, в особенности его радикальных форм, в известной мере являются прямым следствием глобализации и углубления социального неравенства, поскольку во многом национализм базируется на протесте против глобализации, который на деле оказывается американизацией или вестернизацией.

Именно это стремление диктовать всему миру свои нормы и правила закономерно вызывают противостояние навязываемым образцам, которые могут привести в конечном счете к потере уникальности культуры и самобытности народов. Если же к этому добавить реальное социально-экономическое положение народов стран Азии и Африки, которым навязывают эту политику, то националистические группировки получают дополнительную аргументацию для противопоставления себя всему миру, и в первую очередь европейскому и американскому.

Также следует отметить, что национализм стимулировал процесс возникновения и интеграцию в государственную политику сравнительно нового явления под названием «войны памяти». Под ширмой восстановления исторической истины внимание акцентируется на негативных событиях и эпизодах прошлого, на этой основе создавая образ врага не только в лице государства, но и в лице представителей других народов. Именно под воздействием такой установки и формировалось понимание сегодняшней России, всех русских и русскоговорящих в странах Балтии, данная точка зрения активно интегрируется в национальное сознание на Украине.

Кроме того, в Эстонии и Латвии была провозглашена так называемая этническая демократия, которая фиксировала преимущества (первенство) одной нации над другой. Особое место в этих «войнах памяти» отведено трактовке событий прошлого с позиций националистической политики и идеологии, когда преувеличивается значение одних, другие замалчиваются, третьи интерпретируются в угоду государственным предпочтениям или предпочтениям правящей верхушке и контролирующим ее субъектам. Такая политика при этом зачастую идет по пути примитивизма и анекдотического изложения исторических процессов.

Так, битва русских стрельцов с крымскими татарами, поляками и несколькими казацкими отрядами под Конотопом в 1668 году преподносится нынешними украинскими политиками как образец победы и войны за независимость Украины. В то же время выдумывается древний этнос «укров», которые якобы являются древней нацией, ведущим свои корни от

начала рода человеческого. При этом сторонники данной теории стараются приписать название современной Украины как «земли, населенной украинцами», забывая, что в славянской этимологии Украина – «земля у края». Опять же края чего?

Очень модной стала тематика осуждения российской оккупации не только в странах Балтии (в которых функционируют даже музеи оккупации), но и в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане. Предпринимаются попытки осудить политику России в период Кавказских войн XIX века.

А чего стоит прямое обвинение России в «захвате» Грузии в начале того же века, даже игнорируя такие факты, что:

а) Грузии как таковой не существовало, а было несколько грузинских царств и княжеств;

б) была реальная угроза включения грузинских земель в состав Османской империи;

в) имелись официальные документы с просьбой о включении этих земель в российское подданство;

г) стремление и желание грузинского каталикоса войти в зону влияния православия и не быть погребенным в результате неизбежного давления ислама.

Небезынтересна и другая параллель: трансформация гражданского национализма в лице общественных движений («Солидарности» в Польше, Национальных фронтов в Латвии и Эстонии) в этнический национализм, активными носителями которого становятся националистические и псевдопатриотические организации, базирующиеся на идеологии противопоставления своего этноса другим, объединённые к тому же русофобией.

При этом особое место занимают проявления национализма в общественном сознании, мировоззренческих ориентациях, идеологии. В то же время этноограниченность, то есть нежелание налаживать контакты за пределами своего этноса является начальным моментом, когда национализм начинает перерождаться и накапливать деформированные и ущербные методы и формы своего выражения.

Примером этому является повышение интереса к созданию мононациональных семей и снижение доли смешанных браков, в предпочтении работать в однонациональных коллективах, в создании искусственных условий для консервации родного языка, в монополизации руководящих постов всех уровней в руках представителей одного народа.

Вторая, более высокая по напряженности форма – этноэгоизм – получает все большее распространение и означает стремление к обеспечению преимуществ своему народу за счет других. Если ознакомиться с данными социологических опросов 1990-х годов, то на тот момент до 30-40 % коренного населения бывших и новых республик считало естественным получение преимуществ перед другими народами, населяющими их.

Этноэгоизм может перейти в третью, наиболее опасную форму – этнофобизм, характеризующийся уже прямой враждебностью, непримиримостью по отношению к иным, «не своим» народам. Примеров этого сколько угодно даже на постсоветском пространстве – ингуше-осетинский, армяно-азербайджанский, грузино-абхазский и другие конфликты. При этом этнофобизм, прикрываясь интересами нации, обостряет национальные трения до предела, провоцирует насилие и кровавые конфликты. Некоторые его формы, проповедующие национальную исключительность и превосходство, способны порождать мимикрирующие и наукообразные оценки и рассуждения об особых, прирожденных качествах своего народа, споры о том, у кого самая древняя культура и богатая история¹.

Но вместе с тем, он всеми своими проявлениями направлен на возвышение собственного народа и унижение других народов, представителей других наций рассуждениями об их «примитивизме», о недостатках их национальных черт, тех или иных сторон их жизни.

Эти формы трансформации национализма зачастую поддерживаются недальновидными действиями официальных органов, спровоцированными узкоэгоистическими акциями и решениями политических деятелей, нередко поддержанных и некоторыми представителями научной сферы, что проявляется в том числе в продолжающихся этнократических поползновениях со стороны правящих национальных элит, которые они маскируют под маску заботы о «вечных» ценностях народа.

Именно на этой основе возникла монополизация всех субъектов власти, не только политической, но и экономической и культурной, на этой же почве выросли претензии о создании Великой Румынии, Великой Хорватии и т.д.²

Более скрыто, но неуклонно ведет свою политику Турция по созданию если не единого государства, то целого комплекса под ее эгидой. Чего стоит попытка вторжения турецких войск на северные территории соседней Сирии в период ведения боевых действий на юге страны между Исламским государством и правительственными войсками. Нельзя не упомянуть о поддержке Турцией происламских боевиков и торговле с Исламским государством, а также проведения геноцида в отношении курдов и езидов.

Особо следует отметить, что различные модификации получают этнократические устремления и современный национализм, паразитируя на политике по отношению к национальным меньшинствам.

Данный подход реализовался по отношению к цыганам, к которым во многих странах Европы относятся с предубеждением, и в отношении к

¹ Перин Р. Психология национализма. СПб., 1999.

² Задорожнюк Э. Г. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности / под ред. Ю. С. Новопашина. М., 2000

сербам в Хорватии и в Боснии, когда те стали самостоятельными государствами.

В Румынии это проявилось в политике по отношению к венграм, в Македонии – к албанцам, в Болгарии – к туркам.

В пример можно поставить факт бегства грузин из Абхазии после гражданской войны в начале 1990-х годов в этой республике.

В своем роде подобная ситуация сложилась с русским этносом, который в новых независимых государствах после распада СССР в одночасье превратился в национальное меньшинство. Это привело даже к тому, что в ряде новых государств (Латвия, Эстония) русские стали «негражданами» под предлогом сохранения латышского/эстонского этноса¹.

Следует также остановиться на анализе двух уникальных явлений, которые проявили себя сравнительно недавно.

При анализе различных зигзагов национализма в 1990-е годы возник ожесточенный спор о том, есть ли такой феномен, как этническая преступность. Спустя некоторое время о ней заговорили как о состоявшемся процессе, который нужно не только признавать, но и решать вопрос о том, как на него реагировать, какими методами и в какой последовательности. С 1998 года в инициативном порядке, а с 2001 — официально в структуре департамента МВД по борьбе с организованной преступностью существовали подразделения по борьбе с этнической преступностью, - это говорит о том, что факт существования этнических преступных группировок юридически признан на уровне подзаконных актов Российской Федерации.

Одной из причин возникновения таких группировок является их нежелание раствориться в коренном населении в условиях плохого или ухудшающегося социального положения. Людям одной этнической принадлежности легче находить общий язык друг с другом в условиях иного окружения, часто они живут вместе, в одном районе города, образуя некое подобие гетто.

Эта питательная основа становится оправданием и основой для противоправных действий, создания организаций, идеологией которых становится этническая близость их участников.

Не менее уникально еще одно явление, обнаруженное социологами и политологами и выявившее следующее: возник и крепнет такой феномен, как этническое электоральное голосование. Оно стало фактом для многих стран Латинской Америки².

Проявилось это и на выборах в США, где за своего этнического «собрата» голосуют до 75-80 % от численности соответствующей этнической

¹ Устинова М. Я. Национальные меньшинства Латвии: История и современные проблемы соблюдения прав // Очерки о европейской идентичности и многокультурности / под ред. М. Ю. Мартыновой. М., 2013.

² Madrid D. Ethnic Proximity and Ethnic Voting In Peru // Journal of Latin American Studies. 2011. № 43 (2).

группы, более того этот принцип активно использовал в своей избирательной кампании Барак Обама¹.

Анализ данного явления выявил целый перечень причин, обусловивших такое поведение:

1) осознанный выбор по принципу поддержки «своего», от которого можно ждать более внимательной политики по отношению к нуждам и интересам «своего» народа;

2) предубежденность ко всем «чужим» как в силу мировоззренческой замкнутости и ограниченности, так и в силу недоверия ко всем нациям, кроме своей;

3) в ситуации сомнения, когда нет определенной убежденности в момент выбора, все же чаще срабатывает эффект этничности как более «правильное» голосование.

Официальные власти вмешиваются иногда в такое голосование, нарезая мажоритарные округа так, чтобы гарантировать прохождение необходимых им кандидатов. Национализм, таким образом, не только продолжает функционировать, но и устойчиво трансформируется в новые альтернативные формы своего существования.

И несомненно одно – на эти процессы и явления в жизни каждого общества и всего мира следует не только обращать более пристальное внимание, но и вырабатывать формы противостояния, снижать (если не ликвидировать) его разрушающее воздействие на возможность устойчивого развития человечества.

Помимо феномена национализма, терроризм имеет корни и в других явлениях.

Есть точка зрения, согласно которой эти корни лежат в различии культур и в различии лежащих в их основе религиозных верований. В соответствии с этим столкновение разных культур (в частности, западной и исламской) было неизбежно и должно было с необходимостью вызвать рано или поздно их вооружённое противостояние. Ведь, как известно, каждая культура предполагает деление людей на «своих» и «чужих» и поэтому в определённых условиях, когда она видит угрозу собственному существованию, защищает себя вооружённым путём.

Однако это рассуждение не объясняет современный феномен международного терроризма. Этот терроризм, конечно, имеет связь с культурными различиями. Но его глубинные корни в особенностях современного мирового развития и в тех кризисных явлениях – как социальных, так и культурных, которыми это развитие сопровождается.

Прежде всего это процесс глобализации, который включает создание всемирного рынка, мировой коммуникационной системы, повсемест-

¹ Фарукшин М. Х. Проблемы этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. 2016. № 5.

ное распространение массовой культуры. Глобализация, в том виде, в котором она шла до недавнего времени (Киссинджер называл её «американизацией», а другие авторы вестернизацией) неизбежно приводила к вытеснению национальных культур, к процессу культурной гомогенизации.

Последствие американизации или если угодно, вестернизации также представляют определенную угрозу индивидуальной и коллективной самоидентификации в контексте создания всемирного информационного общества.

Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечёт быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы существуют относительно небольшое время, становясь чем-то эфемерным. Любое рациональное действие предполагает не только учёт его возможных последствий, но также и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о своей биографии, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, т.е. с тем, что называется индивидуальной идентичностью.

Многие специалисты говорят сегодня о том, что современный западный мир переживает кризис индивидуальной идентичности, что в свою очередь влечет кризис и ряда идентичностей коллективных. Это вызвано разрушением многих привычных норм, трудностью интеграции прошлого и будущего, разных систем социальных взаимодействий на индивидуальном уровне и разных же коммуникационных потоков.

В западном обществе возникает всё больше индивидов, характеризующихся поли идентичностью или «размытой идентичностью», сознание которых оказывается фрагментированным, и которые не могут ответить на вопрос, кем они являются, не обладающих индивидуальностью. Таким образом, это уже не человек с точки зрения существования единства сознания – как синхронного, так и диахронного, которое является важнейшим условием нормальной человеческой жизнедеятельности.

Особенно актуальна данная проблема в отношении тех молодых людей, которые сами родились в Западной Европе, но чьи родители приехали, скажем из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Кто они: европейцы (французы, бельгийцы, немцы) или же арабы; мусульмане, христиане или атеисты? В данном случае можно было бы сформировать некую сложную комплексную идентичность, в которой органически совмещались бы ценности разных культур (своего рода поликультурная личность). Но это предполагает комплексные усилия по взаимной интеграции как со стороны самого индивида, так и со стороны того европейского государства, в котором он родился.

Ярким примером удачной поликультурной личности в отечественной истории является А. С. Пушкин – арап по происхождению, но русский во всем остальном. В современной же Европе этого как раз не происходит: провозглашенная когда-то политика мультикультурализма не привела к подлинному диалогу культур, означая на практике лишь создание своеобразных анклавов – культурных гетто.

Некоторые молодые люди не только находят таким образом свою идентичность, но и принимают террор как способ мести той цивилизации, которая в их представлении не принимает их. Это облегчает работу вербовщикам, например, Исламского государства, которые говорят: «Ты прежде всего, правоверный, твое появление в Европе – воля Всевышнего, шаг на пути к Всемирному халифату, ты избран для джихада».

Те же этнические европейцы тоже лишены национальной идентичности, поскольку часто реагируют на призывы вербовщиков Исламского государства, проповедующих мудрость и правильность ислама, справедливость джихада, но не знающих или не ценящих родной истории и культуры, не менее древней и самобытной, чем пропагандируемая.

При этом следует отметить, что современный международный терроризм – не просто внешняя реакция на глобализацию в том виде, в котором она происходила до сих пор. Он порождение самой этой глобализации, не только потому, что его лидеры в своём большинстве воспитаны в странах Запада, используют технологии, созданные на Западе, включая информационные. Сам международный терроризм становится глобальным явлением, развивается по законам глобализации и пытается навязать миру собственный вариант этой глобализации.

В определенном смысле международный терроризм можно рассматривать как следствие развития мирового капитализма и потребительского общества, как побочный негативный результат процесса глобализации. Поэтому наряду с жесткими, силовыми методами противодействия терроризму необходим пересмотр ценностей цивилизационного развития, как элемент борьбы с его истоками.

К истокам, питающим международный терроризм, можно отнести и массовую миграцию потоков беженцев.

На сегодня стало совершенно очевидно, что неэффективность ЕС в разработке различных политик и общей стратегии привела к резкому росту разнонаправленности национальных интересов внутри ее границ. Сейчас такая разнонаправленность национальных интересов угрожает самому существованию Европейского Союза как жизнеспособного образования, складывается тенденция к сепаратизму отдельных государств, нарастанию геополитических, национальных, экономических противоречий внутри данного объединения.

По мнению ряда исследователей¹, реакция ЕС на миграционный кризис, произошедший в 2015 году, была настолько неправильной, что, по сути, привела к снижению международной солидарности между странами-членами ЕС до такой степени, что одни группы стран ЕС действуют сообща в противовес политической позиции других стран ЕС, придерживающихся иных взглядов. Самый яркий пример – Вышеградская группа, в состав которой входят Чешская Республика, Венгрия, Польша и Словакия. Их подход к проблеме миграционного кризиса совершенно не совпадает с подходом Германии и Франции. Кроме того, к Вышеградской группе, по сути, присоединилась Австрия, а также ФРЮ Македония и, возможно, Сербия, даже несмотря на то, что две последние страны не являются членами ЕС.

Разнонаправленность реакции свидетельствует о том системном кризисе, явные признаки которого демонстрирует сам ЕС. Причиной тому в немалой степени служит отсутствие единогласия в анализе таких проблем, как, например, взаимосвязь между миграционным кризисом и проблемой международного терроризма.

Данная проблема в значительной степени актуализировалась в связи с неожиданным ростом потоков беженцев и экономических мигрантов из стран Ближнего Востока (включая Афганистан) и Северной Африки. Поскольку основной маршрут перемещения мигрантов в Европу переместился с Северной Африки в Турцию, Грецию и в балканские страны, это в большей степени нейтрализовало естественные факторы сокращения общего потока миграции, такие как зима и суровые морские условия. Подобное изменение ситуации неизбежно повлекло за собой дополнительное экономическое бремя для европейских стран, в то время как возникшая в результате напряженность привела к публичным разногласиям между странами в отношении способа решения проблемы, что ощутимо ударило по курсу европейской валюты.

В то же время в противовес широко распространенному мнению о том, что основной причиной увеличения потока беженцев и экономических мигрантов стало усиление интенсивности военных действий в Сирии, есть утверждения, что миграционный кризис был вызван внешними силами, заинтересованными в нанесении удара по национальным государствам Европейского Союза.

Тем не менее, вне зависимости от того, каковы побуждающие факторы или причины такого резкого роста миграции, риторика ЕС о солидарности не была в полной мере применена в отношении Греции, через территорию которой хлынули мигранты, что только усилило экономический кризис в Греции, в то время как давление со стороны ЕС и Европейского Центрального Банка (ЕЦБ) привело к отмене программы против мер жесткой

¹ LittlejohnG_plen_rus_11.04.16.

экономии, предложенной вновь избранной правительственной коалицией, возглавляемой партией СИРИЗА. В то же время Европейской Комиссии и ведущим странам ЕС не удалось справиться с этим и другими кризисами, что привело к усилению кризиса легитимности валютной зоны Евросоюза и даже самого ЕС.

В результате вторжения в Ирак в 2003 году привело к тому в одном и том же тюремном лагере были заключены под стражу как пленные члены партии Баас, так и воинствующие исламисты-джихадисты. Никаких мер для изоляции этих групп друг от друга предпринято не было, что позволило членам обеих группировок разработать стратегию совместных действий и тактику партизанской войны, которая должна быть реализована после их освобождения.

По информации спецслужб, их совместные решения были записаны на поясах их нижней одежды. Так в американской тюрьме для военнопленных было создано ядро того, что впоследствии стало самопровозглашенным Исламским Государством (запрещённым в России). Причем присутствие среди них бывших военных баасистов объясняет их возможности стратегического планирования и уровень тактического мастерства, более высокий по сравнению с другими джихадистскими террористическими группировками. Было заявлено, что запрещенное в России ИГ всегда ожидало, что ему будет нанесено поражение в Ираке и Сирии (хотя они предполагали, что поражение будет нанесено Соединенными Штатами Америки). Таким образом, конфликт там рассматривался как рекрутинговый этап для нанесения последующих ударов по Европе.

Что касается Сирии, то журналист BBC Radio 4 четко заявил о том, что во время проходивших в 2011 году мирных демонстраций против правительства некоторые люди вели стрельбу как по демонстрантам, выступавшим за правительство, так и по демонстрантам, выступавшим против правительства. Такая же тактика была позже применена в феврале 2014 года на «Майдане» в Киеве, что свидетельствует о том, что в обеих странах применялись скрытые и схожие по тактике планы смены режима.

В конце 2011 года/начале 2012 года Лигой арабских государств в Сирию была направлена миротворческая миссия, снизившая немного градус напряженности, после чего она запросила подкрепления для продолжения диалога между различными спорящими сторонами. Однако отчет группы был засекречен в то время, как повстанцам были направлены новые средства и вооружение. Из засекреченного отчета в дальнейшем произошла утечка информации о том, что различные арабские страны не воспринимали эту миссию мира всерьез.

В дальнейшем вооружение из Ливии перетекло через Турцию в Сирию к джихадистским группировкам, в том числе к запрещенному в России ИГ. По информации из некоторых источников стало известно, что одна из встреч, на которой обсуждалась дальнейшая передача вооружения

Аль-Каиды в зону сирийского конфликта, закончилась смертью тогдашнего посла США в Ливии. Одновременно наступление запрещенных в России ИГ и Джабхат-аль-Нусра и их продвижение на запад Сирии привели к захвату Дамаска в 2015 году, но дальнейшее наступление джихадистов было сорвано военной операцией российских ВКС. Данная операция позволила почти полностью прекратить транзит нефти с территорий, подконтрольных запрещенному в России ИГ на территорию Турции. По отчетам западных источников, а также по утверждениям России, подтвержденным убедительными доказательствами, некоторые лица в Турции занимались «отмыванием» нефти.

В итальянской Болонье был инициирован процесс над Билалом Эрдоганом по обвинению в отмывании денег, полученных за счет таких продаж нефти через банки Болоньи. Однако, его защита утверждает, что он посещал Болонью в целях написания докторской диссертации в расположенном там Американском Университете.

Подобное сотрудничество правящей элиты Турции и запрещенного в России ИГ ставит вопрос об активном участии Турции в предполагаемых планах запрещенного в России Исламского Государства о фактическом экспорте терроризма на территорию Европы в гораздо более крупном масштабе, чем в настоящее время.

Таким образом, версия о том, что миграционный кризис в Восточной Европе был использован для прикрытия проникновения туда так называемого Исламского Государства (запрещенного в России) получает все большее подтверждение, еще в 2014 году запрещенное в России ИГ заявляло о таком намерении, но большинство людей рассматривало такое заявление в контексте миграции из Ливии через Средиземное море. После того как в 2015 году был отмечен резкий рост числа беженцев, прибывающих в ЕС, стали появляться различные утверждения, в том числе и утверждения о том, что такой поток беженцев по крайней мере частично представлял собой «контролируемую и тщательно спроектированную миграцию». Многие аналитики также говорят о привлекательной возможности в общем объеме беженцев внедрить законспирированных агентов запрещенной в России организации ИГ с целью создания разветвленной террористической сети.

Стоит отметить, что по прогнозу Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), с потоком беженцев, число которых в 2015 году неожиданно выросло до 1,25 миллиона человек, в Европу могло проникнуть до 20 000 членов запрещенной в России организации ИГ. По оценке Европола, в Европе находится не менее 5 000 членов запрещенной в России организации ИГ, которые, предположительно, планируют совершить многочисленные атаки с использованием разных видов оружия. Недавние события в Париже и Брюсселе – тому подтверждение.

На фоне этого вызывает недоумение тот факт, что Канцлер Германии Ангела Меркель с запозданием отреагировала на свидетельства о том, что как минимум некоторые беженцы представляют угрозу для общественной, если не для национальной безопасности.

Вместе с тем, власти ряда стран, через которые в 2015 году проходил поток беженцев, не смогли зафиксировать данные и зарегистрировать многих беженцев, прошедших через них. Более того многие беженцы, узнав о приоритете беженцев из Сирии перед прочими, намеренно уничтожали документы, выдавая себя в дальнейшем за беженцев из этой страны и получали справки, подтверждающие тот факт, что они являются беженцами из Сирии. Это было на руку эмиссарам запрещенной в России организации ИГ для легендирования их проникновения на территорию Евразии.

При этом некоторые беженцы жаловались на плохие условия и даже угрожали вернуться на Ближний Восток. Это позволяет предположить, что у них были намеренно созданы высокие ожидания в отношении условий содержания в Европе. Еще один интересный факт в поддержку этой версии: недавно было обнаружено, что кампания, поощряющая перемещение беженцев в Европу, была, на самом деле, проведена через социальные сети. Анализ источников Twitter, задействованных в этих действиях показал, что проводилась она с Западного побережья США.

Велика вероятность, что эта кампания была организована сторонниками ИГ в США, при этом глава сирийского сообщества в Нью-Йорке публично заявил, что ИГ присутствует в Нью-Йорке, и, логичным при этом будет предположить, что как минимум некоторые члены запрещенной в России организации ИГ присутствуют на Западном побережье США. Вместе с тем, если предположить, что этот поток миграции не является контролируемым, то вероятно, что некоторые мигранты ряде случаев получили финансирование, либо были иным способом специально простимулированы.

Есть факты, что сирийские христиане – беженцы, находящиеся в Германии, узнали некоторых членов запрещенной в России организации ИГ в лагерях беженцев. При этом последние не были арестованы, поскольку на тот момент не нарушали законов страны пребывания. После атак 2015 года в Париже подобные факты, как минимум, внушают опасения.

В то же время ведущие западные средства массовой информации сначала, освещая события, распространяли информацию о том, что мигранты – это преимущественно беженцы из Сирии, непосредственно из зоны конфликта, хотя делали оговорку о том, что в их числе часть прибывают из других стран.

Однако те же средства массовой информации ничего не говорили о том, что многие беженцы ранее находились в безопасности в хорошо финансируемых лагерях в Турции и как минимум имели при себе средства

для того, чтобы заплатить лицам, специализирующимся на нелегальной переправке мигрантов в Грецию.

В то же время, Турция публично заявила, что ею потрачено около 6 миллиардов долларов на строительство и содержание этих лагерей. Несмотря на это, поток беженцев продолжает наводнять Европу. Почему же беженцы стремятся попасть в Европу, если они и так уже находятся в безопасности, имеют место для проживания и накормлены? Можно предположить, что здесь как минимум присутствуют дополнительные побудительные мотивы.

Кроме того, многие беженцы увидели в этом возможность легализоваться в странах с более высоким уровнем жизни, построив там филиалы малой родины со своими законами и понятиями.

В то же время Турция публично заявила, что она больше не может позволить себе поддерживать так много беженцев, и потребовала от ЕС около 3 миллиардов евро за то, чтобы не допустить перемещения остальных из Турции. Канцлер Германии Ангела Меркель согласилась с этим, хотя некоторые комментаторы назвали требование Турции вымогательством.

Однако Турция, продолжая внешнеполитический шантаж, потребовала возобновления обсуждения вступления Турции в ЕС, и ЕС с этим требованием согласился. Вместе с тем, Греция, на которую легла основная нагрузка в результате миграционного кризиса испытывает такие сложности при получении займов от ЕС для разрешения проблемы своего долга, который даже МВФ назвал непосильным.

Параллельно в ЕС ведется обсуждение возможности выплаты Турции дополнительных 6 миллиардов евро.

В зимние месяцы сокращения потоков мигрантов в Европу, вопреки ожиданиям, не произошло: наоборот, число мигрантов, прибывших в Грецию в течение первых месяцев 2016 года, возросло втрое.

В результате, Греция (а не Италия, как это было в 2014 году) несет бремя приема этого чрезмерно увеличившегося числа беженцев и прочих мигрантов. Вместе с тем, она получала очень малый объем помощи от ЕС, несмотря на то, что некоторые меры помощи были публично объявлены.

Поведение ЕС красноречиво свидетельствует о том, что Турция очень быстро добилась реализации своих стратегических внешнеполитических целей в результате миграционного кризиса.

Наряду с прочими факторами усиливает миграционный кризис с беженцами в Европу и распространение так называемой «арабской игры в изнасилование». Она заключается в том, что женщин в публичных местах окружают большие группы мужчин, которые этих женщин сексуально домогаются, оскорбляют и насилуют, стремясь, таким образом, запугать их. Ведущие западные средства массовой информации не смогли проанализи-

ровать данное явление, все-таки не рассматривают эти события как отдельные инциденты.

Тем не менее, они не увидели взаимосвязи между событиями, произошедшими в разных странах. Несмотря на то, что «арабская игра в изнасилование» не была распространена в Сирии, такой обычай появился у мигрантов, прибывающих в Европу. В то время как ведущие западные средства массовой информации сосредоточили свои репортажи в основном на семьях и детях, вызвав, тем самым, чувства жалости и сопереживания широкий слой европейцев, обеспечив достойный прием беженцев со стороны многих людей в Европе, подавляющее большинство мигрантов – это молодые одинокие мужчины.

Следовательно, сейчас перед Европейским Союзом стоят две проблемы, связанные с миграцией внутрь ЕС беженцев и других лиц, не говоря уже об серьезных организационных проблемах, созданных таким притоком беженцев в ряде стран в отношении их размещения и социального обеспечения:

- во-первых, распространение «арабской игры в изнасилование» как фактор дополнительной дестабилизации европейского общества;

- во-вторых, объективная реальность того, что ИГ уже проникло в ЕС под прикрытием миграционного кризиса, о чем свидетельствуют регулярные доклады Европола и БНД.

На факты сексуального домогательства и иного неприемлемого или незаконного поведения в принимающих странах ЕС последовало два вида реакции. Первой реакцией было желание замолчать проблему, что само по себе стало серьезной проблемой. Как показывает опыт сегодняшнего дня, замалчивание стало значительной ошибкой, так как это способствовало возникновению ощущения безнаказанности и вседозволенности со стороны мигрантов, а ощущению незащищенности и недоверия властям – со стороны коренных жителей. Так произошло преимущественно в скандинавских странах, Финляндии, Германии, Австрии и Бельгии, а также привело к стремительному росту легальных продаж оружия самообороны и развитию иных технологий в области безопасности в ЕС.

Второй реакцией стала попытка научить мигрантов «правильному» поведению. Восемьдесят один процент немцев уже считает, что их правительство не справилось с проблемой. Двадцать девять процентов поддержали бы применение оружия для того, чтобы не допустить потоки мигрантов в Германию.

В целом ЕС испытывает кризис легитимности, частично это связано с тем, что и договоры ЕС, и Конституция Германии «прогнулись» под воздействием кризиса, несмотря на декларацию того, что ЕС – это организация, построенная на правилах. Сложившаяся ситуация дала мощный толчок правым политическим партиям и движениям, в то время как реакцией на такое усиление позиций со стороны действующих партий стали попыт-

ки политического маневрирования и подавления законных протестов. Неудивительно, что политические разногласия в результате только углубились. Все большая часть европейского населения хочет проведения референдума о выходе из ЕС: 53 % во Франции, 49 % в Германии и более 40 % в трех остальных странах.

Попытка организовать обучающие классы в основном провалилась в связи с тем, что мигранты уходили с занятий по взаимоотношениям полов, в то время как оставшиеся демонстрировали скептицизм и презрение по отношению к идеям, которые до них пытались донести. Так было в разных странах, что вызывает серьезную озабоченность.

Проблемы были лишь усилены действиями правительств Германии и Швеции по размещению беженцев, например, к числу таких действий относится выселение граждан Германии из государственного или арендуемого жилья, что вызвало бурную реакцию со стороны последних.

К ноябрю 2015 года полиции несколько раз пришлось обращаться за поддержкой армии (Бундесвера) при разрешении проблем, возникающих в лагерях беженцев, потому что справиться самостоятельно они не могли. Проблемы были связаны с межрелигиозными и иными конфликтами между беженцами, которые, по сути, были просто перевезены беженцами из своих родных стран.

В Швейцарии подобные проблемы привели к тому, что главнокомандующий швейцарской армии официально предупредил о грядущих социальных беспорядках и призвал жителей вооружаться.

Кризис ложится серьезным бременем на бюджеты стран-членов ЕС. Если взять в качестве примера Германию, то ежегодные затраты, согласно оценкам, в этой стране составят 55 миллиардов евро, в то время как ежегодные расходы на инфраструктуру, здравоохранение и образование составляют 48 миллиардов евро. И несмотря на это до марта 2016 года правительство Германии проводило политику «открытых дверей», лишь слегка ужесточив требования с целью облегчения депортации преступников.

Даже следуя закономерностям статистической выборки, можно просто предположить, что в более чем миллионной группе людей найдется достаточное количество преступников. Фактически ведущие западные средства массовой информации систематически занижали данные по уровню преступности среди мигрантов, что имело своим следствием тот факт, что люди стали все больше и больше полагаться на Интернет как на основной источник новостей, в то время как доверие граждан к немецким газетам существенно снизилось, и число посещений их веб-сайтов упало в 2015 году ориентировочно на 30 процентов.

Вместе с тем в Европе было зафиксировано несколько попыток поставки оружия членам ИГ – полиция ЕС обнаружила и перехватила как минимум один грузовик с огнестрельным оружием. Опыт Парижа говорит о том, что не все грузовики, перевозившие оружие, были перехвачены.

Подтверждение того, что «арабские игры в изнасилование» в Кельне были скоординированы, показывает, насколько легко сбить с толку полицию массовыми скоординированными действиями людей, вооруженных огнестрельным, либо даже холодным оружием.

25 января 2016 года глава Европола процитировал веб-сайт The Guardian, сказав, что Исламское Государство активно занимается подготовкой к проведению крупномасштабных атак в Европе, аналогичных прошлогодним атакам в Париже. Европол – организация, расположенная в Гааге – координирует усилия полиции ЕС, направленные на борьбу с терроризмом и организованной преступностью. Глава организации сказал, что ИГ «отработало новые возможности ведения борьбы, предполагающие проведение крупномасштабных террористических атак в мировом масштабе, особенно в Европе». На той же встрече министров внутренних дел в Амстердаме министр внутренних дел Франции сказал, что исламистские террористы планировали провести атаку еще на один концертный зал в Париже и осуществить массовое убийство людей на улицах столицы страны.

В то же время анализ последних материалов, опубликованных в средствах массовой информации в 2016 году, показывает, что власти Германии в целом отрицают такое положение вещей и пытаются продолжать активный прием беженцев. Возможно, это было бы похвально, если бы не сопровождалось мерами, поощряющими безнаказанность со стороны мигрантов, а также вероятностью того, что, возможно, население не знает о том, как БНД оценивает уровень опасности.

При этом не обязательно проводить много вооруженных атак на население, для того чтобы создать серьезные социальные волнения в обществе. Беспорядки в настоящее время имеют форму демонстраций против тех, кто протестует против такого поведения мигрантов, при этом такие протестные демонстрации именуются расистскими. Это отражает преобладающую общую точку зрения, однако, эта общая точка зрения начала разрушаться. Растущее убеждение в том, что полиция не беспристрастна, может привести к росту насилия в условиях снижения легитимности полиции и политиков.

Жесткие действия в Лейпциге и в других городах свидетельствуют о том, что для некоторых людей различия между мусульманами и джихадистами уже не существует. В дальнейшем, без сомнения, подобная точка зрения будет распространяться, если в ЕС будут происходить массовые вооруженные нападения, да и прочие коллективные нарушения общественного правопорядка, сопровождаемые нападениями на граждан. Есть факты, свидетельствующие о создании жителями городов отрядов самообороны и неформальных вооруженных формирований. При этом мусульмане могут стать потенциальными жертвами, несмотря на непричастность

к джихадистскому движению, а пропаганда ИГ может, в частности, начать рассматриваться, как угроза безопасности каждой семьи.

Если данный прогноз будет реализован, сил полиции и армии может стать недостаточно, чтобы противостоять масштабам последующего насилия. Европейские политики, описав идеологию ИГ как неверно истолкованный ислам, ошибочно поставили между ними знак равенства, не взирая на то, что корни этой идеологии лежат преимущественно в традиции ваххабизма, относительно новой для ислама. Вследствие чего, множество доктрин, существующих в исламе, может стать неразличимым для широкой публики в Европе в условиях, когда террористические атаки стимулируют ухудшение мнения.

Ответом на миграционный кризис в разных странах стала, в том числе, депортация мигрантов, конфискация имущества в качестве компенсации расходов и/или закрытие национальных границ внутри территории, которая ранее считалась единым европейским пространством согласно определению, содержащемуся в Шенгенском соглашении об открытых границах. В рамках Евросоюза это способно спровоцировать эффект домино, так как Швеция, а затем и Дания закрыли свои границы на севере Германии, а Австрия закрыла свои границы с юга. В самой Германии бывший президент Баварии (расположенной вблизи Австрии) также посоветовал закрыть границы. Венгрия, Словения и Хорватия закрыли свои границы, а Сербия грозит сделать это, если ей не будет удаваться направлять потоки беженцев дальше. ФРЮ Македония ищет способы дальнейшего усиления своих границ. Австрия также заявила, что в случае если остальные меры не сработают, она, вместе с балканскими странами, разместит войска на Балканах, чтобы не допустить дальнейших потоков беженцев в Австрию. Подобные события привели к задержке значительного количества беженцев в Греции, которая и без того в течение ряда лет находилась в состоянии серьезного напряжения, вызванного мигрантами, и сегодняшние события поставили Грецию стоит перед началом гуманитарного кризиса. В свете подобных событий нет ничего удивительного в том, что Греция сопротивляется тенденции к закрытию границ внутри ЕС.

Польша заявила, что не будет принимать у себя ближневосточных беженцев, и не просто потому, что она уже приняла около миллиона беженцев из Украины. Она заявила, что не будет принимать мусульман. Все четыре страны-члены Вышеградской группы дали понять, что они закрыты для миграции мусульман. Все это привело к серьезным политическим разногласиям внутри ЕС, и Комиссия столкнулась с тем, что ее попытка диктовать официальную позицию о свободе перемещений внутри ЕС все чаще игнорируется. Многие из европейских государств всерьез обсуждают возможность временного прекращения действия Шенгенского соглашения.

В свете подобных проблем неудивительно, что видные европейские политики, включая президентов двух стран, заявляют о том, что в случае

если ЕС не сможет решить свои актуальные проблемы, может начаться кризис, угрожающий его существованию. Благодушная реакция на кризис с беженцами, а также замалчивание и попытки подавить протесты, особенно в Германии, не только пошатнули позиции Канцлера Меркель как лидера своей партии (ХДС) и страны, но также еще сильнее разделили страны ЕС на «встречающих» и «отказывающихся принимать». В странах, испытывавших на себе воздействие от недавних притоков беженцев, различные позиции людей можно описать как «встречающие», «отказывающиеся принимать» и «стремящиеся выгнать». А подобная дифференциация общества чревата нагнетанием напряженности в обществе и в конечном счете социальным взрывом, не говоря уже о том, что она является благоприятной для целого ряда националистических, экстремистских и террористических организаций.

4. Ограниченность ресурсов

Россия одна из самых богатых стран мира по запасам основных видов природных ресурсов. Она занимает первое место в мире по запасам нефти, газа и леса на душу населения. Второе место по запасам угля и железной руды. Третье – по запасам пресной воды и т. д. (см. табл. 1).

Россия – один из основных экологических стабилизаторов планеты. Ее вклад в сохранение экологической устойчивости мировой экосистемы в 2 раза превышает вклад таких стран, как США и Канада вместе взятых, Бразилии и Австралии.

В то же время, исторически главное богатство России – творческий, интеллектуальный потенциал ее народа. Именно благодаря ему России удавалось долгие годы сохранять военный паритет с США – одной из самых могущественных научно-технических держав мира.

И, несмотря на разорение реформенных лет, Россия продолжает занимать одно из лидирующих мест в мире по производству новых знаний, уникальных научно-технических разработок во многих важных областях науки и техники. Другое дело, что эти разработки большей частью пока остаются невостребованными.

Вместе с тем, одним из глобальных вызовов современности является проблема ограниченности ресурсов. Многие специалисты, предрекающие человечеству в ближайшем будущем войны за ресурсы, единогласны во мнении, что страны, подобные России, в первую очередь будут являться мишенями для стран-агрессоров. Об этом достаточно подробно написано в книге Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы».

Иными словами, страны-агрессоры заинтересованы в том, чтобы страны, богатые ресурсами, не развивались технологически и экономически, а оставались как можно дольше поставщиками дешевых ресурсов. Для торможения развития таких государств используются такие механизмы как терроризм, ликвидация эффективного образования (особенно высшего), диктат цен и многие другие.

В то же время США предпочитают, пользуясь долларовой монополией, импортировать нефть, газ и другие ресурсы, законсервировав свои месторождения и скважины. Это и понятно, поскольку нефть и прочие ресурсы для них стоят почти столько же, сколько бумага и краски для печатания долларов.

Таблица 1

**Запасы основных видов природных ресурсов
в расчете на душу населения¹**

Страны и континенты	Нефть с учетом конденсата, т/чел	Природный газ, тыс. т/чел	Уголь, т/чел	Железная руда, т/чел	Пашня, га/чел	Пресная вода, тыс. м³ на чел	Лес, га/чел
Россия	141, 58	32,2	1364,5	388,7	0,86	28	6,11
Европа	4,06	1,8	86,4	52,0	0,29	4,9	0,23
Азия	27,09	17,0	131,3	8,5	0,13	3,7	0,10
Африка	13,17	11,9	167, 3	28,3	0,22	4,8	0,55
Северная Америка	34,16	28,0	1724,8	94,2	0,65	14,6	0,55
Южная и Центральная Америка	26,8	13,0	49,6	42,0	1,18	40,7	2,98
Австралия и Океания	19,0	20,9	393, 3	624,7	2,26	30,83	2,23
Всего в мире	26,1	23,5	244,6	36,1	0,24	7,42	0,96

Исходя из сказанного, отход от сырьевой модели экономики для России переходит в плоскость вопросов национальной безопасности.

Многие ученые² прогнозируют к 2040-2050 гг. особую остроту конфликтов, связанных с ограниченностью ресурсов, усиление напряженности по этому поводу в Азии и на Ближнем и Дальнем Востоке. Также обоснованной представляется теория о будущем этапе рационализации и энергосбережения в развитии человечества. В этом случае, как это не парадоксально звучит, шансов больше у Японии по сравнению с Китаем, поскольку именно японский технологический уровень позволяет более эффективно расходовать ресурсы. Грандиозный сорокалетний эксперимент по созданию в Китае «фабрики мира» подходит к концу, свою роль он сыграл, поскольку позволил западным экономикам и Японии сконцентрироваться на высоких технологиях, не отвлекаясь на производство базовых благ.

Однако теперь эта «фабрика мира» оказывается опасной и ненужной, поскольку она потребляет слишком много ресурсов на внутренние нужды, то есть на внутреннее развитие китайской экономики, активно загрязняя

¹ Источник – аналитические материалы, подготовленные группой ученых РАН под руководством академика Д. В. Рундквиста.

² См., напр.: Шушкевич Ю. А. Футурология кризиса. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2011.

при этом окружающую среду. Вместе с тем, Китай – страна малообеспеченная в ресурсном отношении, а принимая во внимание численность населения и одну из самых мощных армий мира – обладающая значительным потенциалом экспансивности. В то же время логичным будет предположить рост экспансии Китая в сторону ближайших государств, в первую очередь России, с целью завладения ее богатейшими природными ресурсами.

Причем по прогнозу многих специалистов¹, от войны за ресурсы не спасет даже переход на альтернативные материалы и источники энергии, поскольку неизбежно останутся государства, не вошедшие в эру новых технологий, да и окончательно и бесповоротно отказаться от использования прежних ресурсов вряд ли удастся.

Единственным же ресурсом, который способна производить мировая экономика в больших объемах, является капитал, а точнее доллар. Учитывая монополию на его эмиссию, это ставит США в исключительное положение по отношению к другим членам мирового сообщества.

¹ Там же.

Глава 2. Современная эволюция терроризма

1. Факторы, формирующие террористические угрозы

Глобализация сегодня сопровождается массированным наступлением западного цивилизационного проекта, грозящим культурным нивелированием. Как массово исчезают языки, так же массово начинают исчезать и культуры. Об этом очевидном факте давно говорили философы; достаточно вспомнить о Хайдеггере и его «Черных тетрадах». При этом исчезновение культуры – это не обязательно ее уничтожение; исчезновение может проходить и в форме внешнего сохранения. Важно отметить, что в этом случае культура маргинализируется и начинает пониматься исключительно как бытовое своеобразие, но не как стержень мировоззрения, определяющий самоосознание человека и его отношение к другому человеку, обществу и миру. Культура при этом превращается в музей особых форм приготовления пищи, одежды, музицирования (уже в ходу термины: этно-кухня, этномузыка и т. п.).

Интересно отметить, что феномены европейской культуры обычно лишены приставки «этно», видимо, им уготована участь общечеловеческой культуры (еще один способ маргинализации незападных культур), она перестает играть роль своего рода стержня, который формирует человека в его целостности. Предполагается, что в эпоху глобализации устоять может только та культура, которая опирается на собственный цивилизационный проект.

Но чтобы она эффективно сопротивляться исчезновению и маргинализации, проект этот должен быть привлекательным. В данном ключе исламский мир как раз подобный проект предлагает.

Через несколько лет Иран будет отмечать 40-ю годовщину исламской революции, которая ознаменовала, как теперь уже можно с большой долей уверенности говорить, новую эпоху в истории современных исламских стран – эпоху попыток практического осуществления исламского цивилизационного проекта.

В суннитском мире можно говорить о двух основных направлениях подобных попыток. Во-первых, это традиционные исламские режимы Аравийского полуострова, которые сегодня проводят определенные реформы и стремятся показать миру привлекательное лицо исламского цивилизационного проекта. Ни для кого не секрет, что эти страны стремятся распространить свое влияние далеко за пределы Аравийского полуострова с тем, чтобы и на других территориях осуществить на практике свое видение цивилизационного устройства. Во-вторых, это – пресловутое Исламское государство. Показательно-жестокое деяния Исламского государства к тому же известны всем, и для современного общества совершенно оче-

видно, что они не вписываются ни в каком смысле не только в рамки цивилизованности, но и в рамки варварства.

Но проблема заключается в том, что феномен Исламского государства неоднозначен: Исламское государство не только давно потеряло бы массовую поддержку, но и вряд ли возникло бы в том виде, в котором возникло, если бы самым беспардонным и беспощадным образом не эксплуатировало то массовое психологическое состояние, которое характеризует, начиная со второй половины 20 века исламские общества, а именно феномен, который в научной литературе обычно обозначают термином «исламское сознание» (сахва исламиййа). Лучше всего значение данного термина можно было бы передать такими эпитетами как «чуткость», «способность обостренно воспринимать» и т. п.

Это – массовый психологический феномен, своего рода «коллективное бессознательное», характерное для исламских стран. «Исламское сознание» выражается, прежде всего, во внешних проявлениях – желании носить исламскую одежду, поддерживать исламский внешний вид, следовать исламским нормам в быту, в повседневном общении и т. д. Вместе с тем, «исламское сознание» предполагает не только копирование внешних форм организации жизни классического исламского общества, оно нацелено на большее – на осуществление всей системы классического исламского жизнеустройства, поскольку вся система исламского вероучения и мировоззрения создает у мусульманина стойкое убеждение, что ислам обеспечивает наилучшее, более успешное, нежели у соседей-иноверцев, устройство как повседневной, так и потусторонней жизни.

Что же касается успехов ислама в устройстве земной жизни, то среди ряда ученых¹ есть такие точки зрения, что исламский цивилизационный проект привлекателен в силу простоты управления широкими массами и при условии дальнейшего синтеза способен претендовать на звание возможной модели мирового развития.

В то время, как классический ислам предложил комплексный цивилизационный проект, основанный на разработанной идеологической системе, определяющей во всех значимых деталях мировидение и мироощущение мусульманина, который в свою очередь включал разработанную этику, подчеркивающую необходимость продуманного и сугубо индивидуального решения мусульманина, которое служит движущей силой фактически любого его поступка.

Такое понимание резко противопоставляло исламский цивилизационный проект в части этики джахилийному (доисламскому) коллективистскому проекту. Исламская этика детально разработана как система предписаний, регулирующих отношения человека с другим человеком и человека

¹ См., напр.: Шушкевич Ю. А. Футурология кризиса. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2011.

с Богом, при этом зачастую она напрямую сращена с исламским правом, хотя далеко не тождественна ему. Одновременно исламское право представляло собой важнейший регулятор жизни классического исламского общества.

Социальные взаимоотношения, экономика и особые экономические формы, характерные для ислама, наконец, политика и формы политического устройства, – всё это было детально разработано в классических исламских науках и находило своё воплощение в практике жизни исламского государства и общества. Об исторической привлекательности исламского цивилизационного проекта свидетельствует высказывание, принадлежащее известному христианскому автору IX века, жившему в Кордове, Альвару Павлу: «...Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться, как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное Писание? Кто среди них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы...» Исламская модель исторически доказывала свою состоятельность и позже, когда вплоть до эпохи европейского Возрождения оставалось очевидным культурное и экономическое превосходство исламских стран над Европой.

И несмотря на то, что в мусульманском мире знали о тех удивительных открытиях и достижениях европейской мысли, которыми европейская культура была обязана эпохе Возрождения и последовавшему за ней научному и техническому взлёту, в целом на уровне массовой психологии прежняя уверенность в успешности исламского цивилизационного проекта, порождавшая своего рода успокоенность исламских интеллектуальных кругов, сохранялась по инерции еще многие века.

Своеобразный перелом наступил, как на это часто указывают исламские авторы, после экспедиции Бонапарта в Египет (1798–1801). Когда европейцы по своему усмотрению принялись хозяйничать на исламских землях, сохранять прежнюю спокойную уверенность в собственной успешности стало фактически невозможным. XIX и XX век – это эпоха отрезвле-

ния, когда исламский интеллектуальный мир начинает искать ответ на вопросы «кто виноват в нашей цивилизационной отсталости?» и «что делать, чтобы эту отсталость преодолеть?». Освобождавшиеся от колониальной и полуколониальной зависимости арабские и исламские страны в XX веке опробовали различные модели государственного устройства и социально-экономического развития.

Однако в любом случае это были модели, привнесенные извне – различные варианты европейского цивилизационного проекта, будь то вестернизация или социалистическая ориентация.

Упразднение халифата в результате кемалистской революции в Турции в начале XX века стало серьезным шоком для традиционного исламского сознания. Хотя в реальности халифат как единственно верное политическое устройство исламской мировой уммы, если и существовал, то разве что в эпоху первых четырех праведных халифов, однако для исламского сознания он всегда продолжал играть роль идеала, без которого немыслима вся система исламского мироощущения. Несмотря на то, что ещё в классические времена халифат превратился скорее в символ, но для культуры и для массового сознания символы порой обладают большей реальностью и большей мощью, нежели фактически существующее. Реакция на упразднение халифата последовала незамедлительно.

Абд ар-Разик и ряд его последователей выступили с теорией светского характера ислама как сугубо духовного феномена, утверждая, что политическая и социальная жизнь должна быть организована без всякой оглядки на ислам как систему идеологии. Однако их было не так много. Значительная часть исламских интеллектуалов сформулировала целый ряд теорий, которые сегодня принято обозначать общим термином «политический ислам». Их суть сводится к тому, что ислам – это комплексный феномен, в котором социально-экономическая и политическая стороны неотъемлемы от мировоззренческой и духовной.

Таким образом, массовый рост исламского сознания, который прослеживается на уровне общественной психологии, коллективного бессознательного, подкрепленный идеологическим обеспечением в виде целого спектра исламских политических теорий, утверждающих комплексный характер ислама как системы цивилизационного устройства – это реальность второй половины XX века и начала века текущего. Именно этот массовый феномен и эксплуатируют идеологи Исламского государства.

Однако, в целях правильной и объективной оценки характера процессов, которые привели к появлению Исламского государства, необходимо учитывать этот колоссальный массовый психологический процесс, который шел на протяжении XX века в исламских странах и который был вызван стремлением прийти к собственному, исламскому цивилизационному проекту.

Однако современным исламистским теориям, чтобы стать цивилизационным проектом, не хватает двух фундаментальных вещей: экзистенциальной составляющей и проработки вопроса о рациональности.

Современные теории исламского жизнеустройства не случайно именуют политическим исламом, т.к. их авторы ограничивают себя едва ли не полностью обсуждением вопроса о том, какие именно формы исламского политического правления должны быть реализованы в жизни современных государств. По сути это – лишь попытка реанимировать старые формы политического устройства, не обращая внимания на их подлинное цивилизационное содержание. И совсем не случайно, что там, где в суннитских странах проповедники этих теорий получали возможность осуществить их на практике, они терпели фиаско или, по меньшей мере, вызывали массовое неприятие со стороны большей части исламского мира, будь то недолгое правление исламистов в Египте после отстранения от власти Хосни Мубарака или Исламское государство в ряде современных арабских стран. Уродливость попыток осуществить исламский цивилизационный проект в тех формах, в каких мы эти попытки наблюдаем, вытекает именно из данного обстоятельства – отсутствия цивилизационного содержания.

Вместе с тем, наряду с такой концептуальной раздробленностью исламской цивилизационной модели наблюдается стремительная экспансия западных ценностей, которая в свою очередь подвигает некоторых исламских идеологов в сторону от разработки собственной концептуальной модели к концентрации усилий по противодействию распространению западной культуры.

Глобализация и революция в сфере информационных технологий распространили влияние современной, и прежде всего западной, культуры и ее ценностей на регионы мира с существенно иными культурными и религиозными традициями. В некоторых из таких регионов экстремисты используют присутствие западной культуры и ее влияние в политических целях, создавая враждебную среду для иностранного бизнеса и даже для его продукции и услуг (например, образовательных и интерактивных, в которых происходит общение с потребителями).

Новая волна терроризма и экстремизма во многом возникла вследствие столкновения культур, поскольку гражданские ценности, права человека и справедливость зачастую противоречат доминирующей религии. Новая волна терроризма и экстремизма во многом возникла вследствие столкновения культур. Как правило, такие конфликты происходят в регионах и государствах, где религия долгие десятилетия была неотделимой от государства.

Именно поэтому такие конфликты носят незначительный характер в преимущественно мусульманской Турции, где в 1924 году политический и военный лидер Кемаль Ататюрк создал прочные основы светского государственного строя. Фактически это означало закрытие исламских судов и

исламской образовательной системы и адаптацию к местным реалиям швейцарской модели кодекса гражданского права (Swiss Civil Code).

Вместе с тем, западные ценности – это далеко не единственная причина конфликтов, связанных с деятельностью представителей зарубежных стран в регионах, не разделяющих западные культурные традиции. В некоторых странах любой зарубежный бизнес или даже присутствие такового встречаются враждебно – пусть и небольшими, но ожесточенными группами и движениями. Именно поэтому есть все основания утверждать, что конфликты, провоцируемые экстремистами и используемые террористами, в любой стране не являются выражением мнения большинства населения.

Помимо культурных разногласий Запада и Востока, имеют место и другие корни существования терроризма, наиболее серьезные из них – бедность и нелегальная иммиграция.

Большинство террористов, совершивших атаки 11 сентября 2001 года, как известно – выходцы из Саудовской Аравии. Этот факт подтверждается словами известного саудовского журналиста Абида Хазиндара: «...без развития невозможно уничтожить корни терроризма; они произрастают из бедности, безработицы, которые, в свою очередь, являются следствием недостаточного количества мест в наших университетах для нашей молодежи...»¹

При стратегической оценке этого тренда, становится очевидным, что уровень бедности связан с уровнем образования, но, вместе с тем стратегический анализ не позволяет утверждать, что бедность всегда порождает терроризм.

В Саудовской Аравии, например, средний уровень неграмотности составляет 21 %, а количество учащихся начальных школ от всех детей этого возраста – 59 %²; это, конечно же, приведет к росту неграмотности среди взрослого населения. Вместе с тем уровень грамотности не начнет повышаться до тех пор, пока образование не будет высоко оцениваться общественным мнением. Парадоксально, что в такой богатой природными ресурсами стране, как Саудовская Аравия, такой низкий уровень образовательной системы. Большое количество террористических атак, направленных на гражданское население в Ираке, также во многом является следствием того, что уровень неграмотности в этой стране составляет 26 %³.

¹ Khazindar, Abid (2003, October 19). The Roots of Terrorism // Arab News. Retrieved February 21, 2008 from <http://www.arabnews.com/?page=13§ion=0&article=33849&d=19&m>.

² UNICEF. At a Glance: Saudi Arabia. Retrieved February 15, 2008. URL: http://www.unicef.org/infobycountry/saudiarabia_statistics.html.

³ UNICEF. At a glance: Iraq. Retrieved February 15, 2008. URL: http://www.unicef.org/infobycountry/iraq_statistics.html.

Любые трансграничные стратегии, не учитывающие традиции, культурные и религиозные ценности страны, в которой осуществляются инвестиции, обречены на неудачу и неприемлемо высокие риски.

В то же время стратегический анализ указывает, что корни терроризма могут быть и в среде очень богатых и хорошо образованных людей. Профессор Принстонского университета Алан Крюгер (Alan B. Krueger) выразил мнение, что «...в противоречие с популярным стереотипом ... необразованные, доведенные до нищеты массы не имеют склонности к участию в политических процессах с помощью легальных или нелегальных способов... Наоборот, как следует из многих научных и правительственных исследований, вместо того, чтобы набираться из бедных слоев населения, террористы зачастую являются образованными представителями семей среднего и высокого достатка...»¹

Вместе с тем, этот аспект данного тренда стратегически не противоречит постулату о связи между бедностью и терроризмом, поскольку террористы или симпатизирующие им представители среднего класса и очень богатых семей зачастую используют бедных, предлагая им деньги за участие в террористических атаках.

Причем данную тактику используют и государственные спонсоры терроризма: к примеру, Саддам Хусейн предлагал содержание нуждающимся семьям завербованных террористов. В соответствии с докладом Национальной комиссии США по террористическим атакам на Соединенные Штаты (National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States), «Терроризм не вырос в бедности»². Правильность этого утверждения не вызывает сомнения, но в то же время стратегически верно и утверждение о том, что бедность – уязвимая среда для разлагающего влияния террористических денег и террористической идеологии.

Еще один корень терроризма, напрямую связанный с бедностью – нелегальная иммиграция. Именно вследствие крайней нищеты граждане готовы покинуть свой дом, чтобы стать нелегалами в чужой стране. Цитата из доклада независимой исследовательской организации, Центра изучения иммиграции (Center for Immigration Studies): «...строгая реализация иммиграционного законодательства – в зарубежных консульствах США, в портах въезда в страну и внутри Соединенных Штатов – должна быть интегрированной частью наших усилий по предотвращению будущих атак на территорию США...»³

¹ Krueger, Alan B. (2007). What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 3.

² The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Up-on the United States. (2004). New York: Norton & Company. P. 378.

³ Kephart, Janice L. (September 2005). Immigration and Terrorism: Moving Beyond the 9/11 Staff Report on Terrorist Travel. Executive Summary. Center for Immigration Studies. Retrieved March 1, 2008. URL: <http://www.cis.org/articles/2005/kephart.html>.

Тем не менее даже легальные иммигранты могут прибыть в Америку с далеко не мирными целями¹, да и собственные граждане США, как показывают события двух последних лет, способны к весьма показательным вооруженным акциям.

Одновременно терроризм и экстремизм окончательно оформились в мощную негативную глобальную закономерность, что стало очевидным даже для большинства обывателей.

Тем не менее, данный феномен с большим трудом поддается анализу. Несмотря на практически повсеместное осуждение терроризма как позорного и бесчеловечного явления, он довольно противоречив по своей природе. Министерство обороны США дает следующее определение терроризму: «...Терроризм – это незаконное использование силы (либо угроза такого использования) или насилие по отношению к людям или собственности в целях принуждения, либо запугивания правительств или общества, часто преследующее политические, религиозные либо идеологические цели...»². Вместе с тем, даже такое четко очерченное определение не всегда принимается каждой международной или многонациональной организацией и каждым национальным правительством. По состоянию на 2016 год никто еще не дал определения терроризма, приемлемого в глобальном масштабе.

Лига Наций (League of Nations) была первым международным институтом, попытавшимся разработать общепринятое определение терроризма в 1937 году при подготовке Конвенции по предотвращению и наказанию терроризма (Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism). С тех пор ООН так и не смогла достичь общей позиции в формулировании этого термина, хотя и были подготовлены различные конвенции.

Некоторые из них относятся к сфере международного бизнеса – такие как Конвенция по блокированию финансирования терроризма (Convention for Suppression of Financing of Terrorism) (1999) и Протокол о противодействии незаконным актам, направленным против безопасности стационарных платформ на континентальном шельфе (Protocol for Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf) (1988) и др.

На сегодняшний день неясность дефиниции терроризма, отсутствие его общепринятой формулировки является едва ли не главным препятствием в подготовке общеустановленных мер по противодействию терроризму. В 1999 году, за два года до террористических атак 11 сентября 2001 года, ООН приняла резолюцию, строго осуждавшую терроризм как незаконную

¹ Federation for American Immigration Reform. Immigration and National Security. Retrieved February 25, 2008. URL: <http://www.fairus.org/site/PageServer?pagename=iic_immigrationissuecentersb1c7>.

² US Code of Federal Regulations 28 C.F.R. Section 0.85.

практику, не имеющую никаких оправданий. 28 сентября 2001 года Совет Безопасности ООН (UN Security Council) принял резолюцию 1373, которая не только осудила атаки 11 сентября, но также образовала Контртеррористический комитет (Counter Terrorism Committee). Этот комитет, состоящий из всех 15 членов Совета Безопасности ООН, отслеживает претворение принципов данной резолюции в жизнь. Неспособность ООН прийти к соглашению по определению термина «терроризм» не защитила эту организацию и всех ее стран – членов от влияния этой глобальной негативной закономерности: уже в августе 2003 года грузовик, начиненный взрывчаткой, взорвал штаб-квартиру ООН в Ираке; были убиты 17 человек и ранены 100.

С точки зрения стратегов бизнеса терроризм может быть понят как неспровоцированная целенаправленная атака на невооруженных граждан и цели невоенного назначения. Такой подход к оценке данной угрозы подразумевает, что целями террористов могут быть любые возможные объекты экономики и элементы инфраструктуры. При этом практически любые стратегии международного характера, учитывающие угрозы терроризма и экстремизма, не позволяют полностью взять под контроль связанные с этими явлениями риски.

Наряду с некоторыми другими важными причинами отсутствие четкой дефиниции терроризма привело к тому, что законодательные системы и правоохранительные органы большинства стран не смогли эффективно противостоять террористическим организациям.

Атака 11 сентября 2001 года (9/11) (в России общепринятое название этого события «11 сентября») стала краеугольным камнем в теории правового регулирования и правоприменительной практике борьбы с терроризмом. 11 сентября стало катализатором разработки антитеррористических стратегий международным бизнесом, правительствами и многонациональными организациями.

Одним из первых и наиболее значительных шагов по противодействию глобальному терроризму стал так называемый Патриотический акт USA (USA Patriot Act) (это аббревиатура, и расшифровывается она как «Объединение и усиление Америки с помощью соответствующих методов, необходимых для пресечения и противостояния терроризму» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism)), который был подписан президентом Джорджем Бушем-младшим (George W. Bush) 26 октября 2001 года. В целях защиты международных каналов поставок от сокрытия и контрабанды оружия для террористов правительство США также разработало программу Таможенного и торгового сотрудничества против терроризма (Customs-Trade Partnership against Terrorism – C-TPAT). Ориентированные на импорт и экспорт компании, участвующие в этой программе, могут ускорить про-

цесс таможенной проверки своего товара и проходить меньше таможенных проверок¹.

Естественно, любые мероприятия по обеспечению национальной безопасности или же действия бизнес-структур по обеспечению личной безопасности могут быть рассмотрены с двух точек зрения. С одной стороны, они снижают уровень международного взаимодействия и увеличивают затраты бизнеса, но, с другой стороны, они дают людям основание считать, что они защищены в большей степени. Именно примером таких мероприятий и может служить «Патриотический акт USA», в основе своей нацеленный на организацию систем предотвращения и оповещения о подозрительных финансовых транзакциях, которые могут иметь отношение в числе прочего и к отмыванию денег. «Патриотический акт USA» требует претворения в жизнь систем превентивного мониторинга. Данное требование сразу же повысило роль проверки и перепроверки (*due diligence*), а также качество подготовки профессионалов для этой сферы. Несколько правительственных агентств США специализируются на предотвращении отмывания денег (*money-laundering activities*). Среди них – Бюро по надзору за алкоголем, табачной продукцией и огнестрельным оружием (*Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives – ATF*), Секретная служба США (*United States Secret Service – USSS*), Служба внутренних доходов (*Internal Revenue Service – IRS*), Агентство по контролю за иммиграцией и таможней (*Immigration and Customs Enforcement Agency – ICE*), Бюро таможенного и пограничного контроля (*Customs and Border Protection Agency – CBP*). В результате деятельности этих организаций крупные суммы денег, которые могли пойти на финансирование терроризма, осели в казначействе американского правительства.

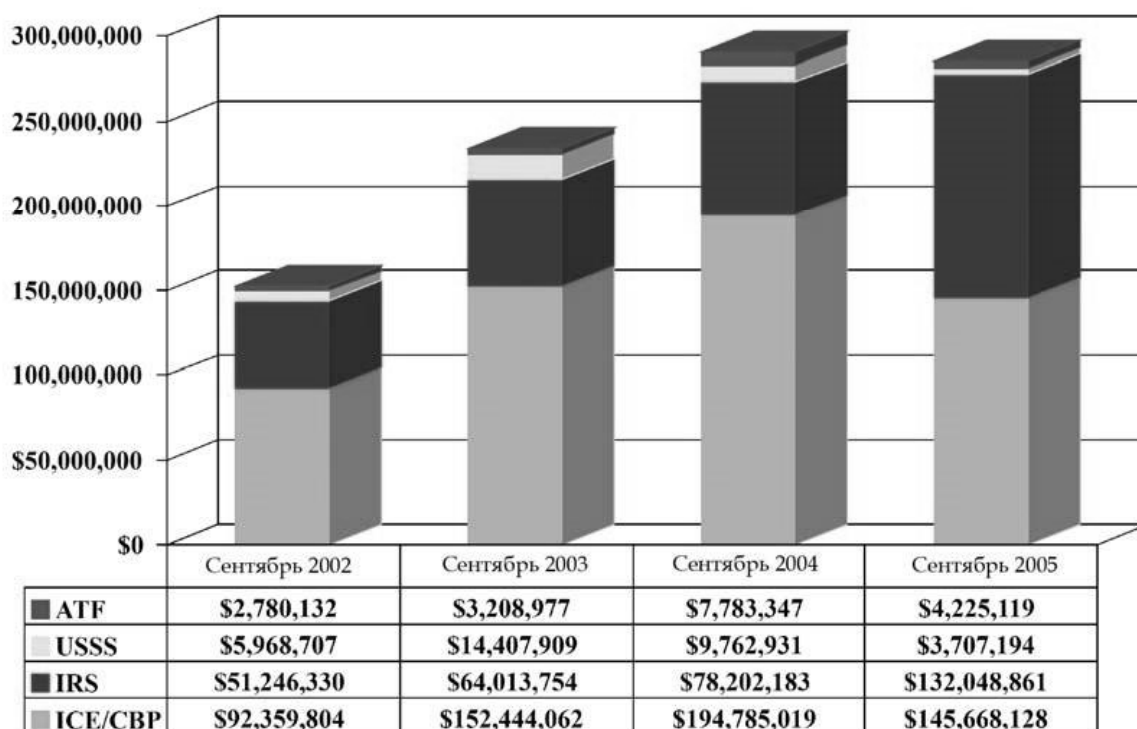
Чем лучше взаимодействуют правительства и частный сектор, тем с большим успехом страна может минимизировать экономический ущерб, наносимый терроризмом. Питер Дженнингс (*Peter Jennings*), директор Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute*) считает, что «...лучший способ побороть терроризм состоит в перенимании правительством и бизнесом образа действий друг друга: правительства должны научиться быть более открытыми и гибкими, тогда как бизнес должен развивать у себя стратегическое планирование и действовать в какой-то мере, как на военных учениях...»²

Основываясь на опыте, проиллюстрированном рисунком 1, правительство США поручило министерству финансов, министерству юстиции

¹ US Customs and Border Protection (November 2004). *Securing the Global Supply Chain: Customs Trade Partnership Against Terrorism Security Plan*. Retrieved February 21, 2008. URL: http://www.cbp.gov/linkhandler/cgov/import/commercial_enforcement/ctpat/what_ctpat/ctpat_strategicplan.ctt/ctpat_strategicplan.pdf.

² Jennings, Peter (2004, February 16). *Terrorism and Australian Business*. Strategic Insights Australian Strategic Policy Institute. P. 1.

и министерству внутренней безопасности в 2007 году разработать Национальную стратегию противодействия отмыванию денег (National Money Laundering Strategy)¹.

Примечание: ATF, USSS, IRS, ICE/CBP - государственные ведомства и агентства США.

Рисунок 1. Конфискация активов государственными агентствами США (долл. США), 2002–2005 гг.²

Если размышлять стратегически, атаки 11 сентября – это больше, чем нападки на США – это атака на все глобальное рыночное пространство. Это явилось первым наглядным значимым свидетельством масштабов воздействия терроризма на глобальное рыночное пространство и угроз этого явления в будущем. Однако при стратегической оценке терроризма аналитики должны учитывать, что местные и региональные группировки террористов и гангстеров опасны почти так же, как международные террористические сети как для глобального рыночного пространства, так и для всей цивилизации в целом.

¹ US Department of Treasury (2007). National Money Laundering Strategy. P. 105. Retrieved February 14, 2008. URL: <http://www.treas.gov/press/releases/docs/nmls.pdf>.

² Там же.

Фактически местные бунтовщики и заговорщики представляют собой особую проблему для бизнеса, несмотря на то, что их воздействие может быть менее широко распространено. «Местных» террористов труднее отслеживать, а значит, труднее предотвращать их атаки. Тому примером трагедии, случившиеся в июле 2011 года в Норвегии и в марте 2016 в Брюсселе.

Вместе с тем, сегодня приходится констатировать быстрое усиление общего экономико-стратегического влияния терроризма на глобальное рыночное пространство. Оно выражается в таких формах, как нарушение функционирования финансовых и валютных рынков, глобальной транспортной системы и инфраструктуры, искажение мировых цен на ключевые товары (и прежде всего на сырье) – и это только начало.

Одновременно беспрецедентный рост расходов на безопасность приводит некоторые компании к банкротству, в то время как расходы на поддержание коммерческих и корпоративных объектов транспорта и жилищно-коммунальных коммуникаций, самолетов и портов стремительно растут в результате противостояния терроризму и вызванного этим злом увеличения расходов на безопасность.

Естественно, что терроризм – это не только угроза физическим объектам, слабо защищены от атак такие системообразующие элементы глобального рыночного пространства, как Интернет и телекоммуникационная инфраструктура, – террористы могут использовать один из сотен тысяч различных вирусов, не говоря о возможности других кибер-атак, чтобы нанести вред сети Интернет и миллионам персональных компьютеров. Интернет-вирусы особенно опасны, так как они делают возможным похищение и последующее незаконное использование персональных данных, дистанционное управление системами жизнедеятельности и инфраструктуры.

Помимо прочего, терроризм стал одной из самых главных детерминант и индикаторов политических рисков инвестирования. Как свидетельствует международная практика, даже потенциальная возможность угрозы террористической атаки останавливает многие потенциальные международные транзакции, которые могли бы способствовать росту уровня жизни в странах глобального рыночного пространства. В одних только США прямой экономический урон от атак 11 сентября составил 75 млрд долларов, иначе говоря, привел к сокращению ВВП в 2002 году на 0,75 процента¹.

США потребовалось семь лет, чтобы сумма прямых иностранных инвестиций вновь достигла того же уровня, что и до 11 сентября, и США снова стали лидером по поступлению и одновременно лидирующим ис-

¹ Citation of the IMF in Jennings, Peter (2004, February 16). Terrorism and Australian Business. Strategic Insights Australian Strategic Policy Institute. P. 3.

точником таких инвестиций за границу, как это и было в 2007-м, когда глобальный отток инвестиций достиг рекордной отметки в 1,82 трлн долларов США¹. Наиболее пострадавшими от 11 сентября секторами стали индустрия туризма, транспортный сектор (особенно авиаперевозки), страховой сектор.

В то же время за один месяц после 11 сентября безработица выросла быстрее, чем за предыдущий 21 год, и было сокращено 415 000 рабочих мест, из них только в гостиничном бизнесе было сокращено 46 000 рабочих мест, в торговой промышленности – 81 000. Волна безработицы и упадок вышеназванных секторов экономики стали результатом более настороженного отношения со стороны потребителей, а также резкого снижения уровня доверия со стороны инвесторов. В течение года после террористических атак уровень национальных потребительских расходов в США упал на 6 процентов, а в Нью-Йорке – на 11 процентов. Внутренние расходы упали на 9 процентов, международные – на 13 процентов².

Воздушное пространство США было закрыто на два дня сразу же после атак 11 сентября, что вылилось в ежедневные потери в размере 330 млн долларов США. В течение следующей недели потери составили, по различным оценкам, от одного до двух млрд долларов. Сразу после террористических атак количество посещающих Нью-Йорк сократилось на 15 % по сравнению с числом гостей города за предыдущий год (на 10 % упал уровень посещаемости туристами и на 29 % – посещающими бизнесменами). Число приезжающих из-за рубежа снизилось в Нью-Йорке на 54 %. Посол Фрэнсис Тейлор, координатор по контртеррористической деятельности США, оценил убытки по продажам в Нью-Йорке в 1,7 млрд долларов США, по аренде – в 1,75 млрд за период между атаками 11 сентября 2001 и концом 2003 года³.

Количество пассажирских миль на внутренних рейсах упало по сравнению с сентябрем 2000 года на 32 процента, а на международных рейсах – на 29 процентов. Следствием этого в октябре 2001 года явилось сокращение авиаперелетов по сравнению с октябрём 2000-го на 18 процентов, что в свою очередь привело к временным увольнениям как минимум 140 000 человек. В течение двух дней также были почти полностью закрыты морские порты Нью-Йорка и Нью-Джерси, в результате чего фрахт снизился на 9 процентов, были практически закрыты границы США с Канадой

¹ Foreign Direct Investment (2008, July 3). The Economist. Retrieved July 15, 2008. URL: http://www.economist.com/markets/indicators/displaystory.cfm?story_id=11670637.

² NYC Visit.com. NYC Statistics. Retrieved February 29, 2008. URL: <http://www.nycvisit.com/content/index.cfm?pagePkey=57>.

³ Taylor, Francis (2002, March 14). The Impact of Global Terrorism. Remarks to Executives Club of Chicago Leadership Symposium. Retrieved March 14, 2002. URL: <http://www.state.gov/s/ct/rls/rm/8839.htm>.

и Мексикой, что произвело огромное негативное влияние на экономику обеих соседних стран.

Например, «компания Ford Motor Company не была прямой целью атак 11 сентября, но потеряла 30 млн долл. США вследствие нарушения цепи поставок, когда граница между США и Канадой была закрыта после атак»¹.

Чтобы уровень негативного экономического воздействия после закрытия границы между США и Канадой стал более наглядным, нужно отметить тот факт, что ежедневно эту границу пересекают около 500 000 автотранспортных средств.

В то же время мировой сектор страхования в результате атак 11 сентября потерял 50 млрд долларов США². Правительство США через «Акт о страховании террористических рисков» (Terrorist Risk Insurance Act), подписанного в 2002 году, ввело следующие ограничения: страховщики должны выплачивать первые 5 млн долларов ущерба в полном объеме; если же сумма потерь находится между 5 млн и 100 млрд долларов США, они выплачивают только франшизу, то есть только ту часть стоимости застрахованного, которая безусловно предусмотрена страховым договором к оплате. От оставшейся суммы страховщик выплачивает только 10 процентов, а правительство США – остальные 90 процентов.

Только Центр Международной Торговли (World Trade Center) в Нью-Йорке «понес огромные убытки вследствие многочисленных индивидуальных выплат, таких как компенсация работникам, составившая в общей сложности 3,5 млрд долл. США. Убытки авиации достигли 4 млрд долл. США из-за потери собственности, а потери бизнеса из-за перерыва в предпринимательской деятельности и уничтожения собственности составили 18,5 млрд долл. США; выплаты по страхованию жизни составили 2,7 млрд»³.

Небезынтересен также и тот факт, что с точки зрения стратегических перспектив бизнеса компании, специализирующиеся на перестраховании (reinsurance), считают терроризм риском, не подлежащим страхованию, - это объясняется тем, что ставки по рискам терроризма довольно трудно рассчитать, а также трудно как определить вероятные прибыли, так и возможные максимальные убытки. В то же время компании, специализирующиеся на перестраховании обычно объясняют свою позицию непредсказу-

¹ Jennings, Peter (2004, February 16). Terrorism and Australian Business. Strategic Insights Australian Strategic Policy Institute. P. 3.

² Taylor, Francis (2002, March 14). The Impact of Global Terrorism. Remarks to Executives Club of Chicago Leadership Symposium. Retrieved March 14, 2002. URL: <http://www.state.gov/s/ct/rls/rm/8839.htm>.

³ Hoggins, Kenneth. A Look at Terrorism and its Effect on the Insurance Industry. William Gallagher Associates. Retrieved February 24, 2008. URL: <http://www.wgains.com/Assets/WhitePapers/Terror702.PDF>.

емостью террористических атак и вероятностью возникновения слишком крупного ущерба или разрушений.

Однако, несмотря на относительно высокую степень непредсказуемости, необходимо все же анализировать возможные риски и потери. В частности, один из ведущих экспертов в этой области Кеннет Хоггинз, вице-президент Группы собственности и несчастных случаев «Ассоциации Виллияма Галлахера» (William Gallagher Associates Property and Casualty Group), предлагает достаточно практичные методы минимизации подверженности компании террористическим рискам, такие как «увеличение использования видеоконференций вместо путешествий, ограничение количества сотрудников одной компании на одном рейсе, а также более детальная проверка партнеров и сотрудников»¹.

Одновременно следует подчеркнуть, что одной из важнейших стратегических целей борьбы международного бизнеса с терроризмом является «отсечение денежных потоков от террористов»². Большинство денежных средств, попадающих в террористические организации, приходит к ним под прикрытием легальных транзакций. По данным Генерального контрольно-учетного офиса США (United States General Accounting Office), контрабанда нефти и всевозможные незаконные наценки, составляющие от 25 до 50 центов за баррель от законных нефтяных продаж, давали средства на поддержание режима Саддама Хусейна³. Изменение экспорта и импорта стран ОЭСР по причинам терроризма представлено в таблицах 2 и 3.

¹ Hoggins, Kenneth. A Look at Terrorism and its Effect on the Insurance Industry. William Gallagher Associates. Retrieved February 24, 2008. URL: <http://www.wgains.com/Assets/WhitePapers/Terror702.PDF>.

² Weidenbaum, Murray (May 2002) // USA Today Magazine, Volume 130, No 2684. P. 26.

³ Cohen, Ariel and O'Driscoll, Gerald P. Jr. (2003, January 22). Privatization and the Oil Industry: A Strategy for Postwar Iraqi Reconstruction // In The National Interest. Retrieved February 26, 2008. URL: <http://www.inthenationalinterest.com/Articles/Vol2Issue3/Vol2Issue3CohenDriscoll.html>.

Таблица 2.

Изменения в объеме экспорта некоторых стран – членов ОЭСР¹

	Процентное изменение к соответствующему месяцу предшествующего года			Процент годового изменения		
	Сентябрь 2001	Октябрь 2001	Ноябрь 2001	2000	2001	2002
Австралия	-0,5	-1,4	..	10,6	9,7	7,3
Канада	-7,4	-10,1	-9,8	8,7	-3,4	0,6
Дания	-8,3	-2,2	-0,5	..	..	..
ЕС-15	-9	-1	-8	..	..	..
Германия	1,3	0,7	-4,5	12,5	3,9	3,1
Япония	-11	-9	-9,2	9,4	-10	-1,3
Южная Корея	-17,7	-20,7	-17,1	21,6	2,1	4,7
Новая Зеландия	7,9	-0,6	-3,4	5,6	5,2	3,4
Швеция	-10,2	-3	-8,5	..	..	..
Швейцария	-9	4,5	-3,4	..	..	..
США	-17,6	-13,6	-14,2	11,3	-5,2	-3

Источник: Статья «The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities», ОЭСР (OECD), 2002 г.

Примечание: данные, указанные в таблице характеризуют непосредственные изменения экспорта после теракта 11 сентября и в силу своей показательности не требуют обновления.

¹ OECD Secretariat (March 2010). The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities. P. 17. Retrieved February 16, 2008. URL: [http://www.oilis.oecd.org/oilis/2002doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp\(2002\)9-final](http://www.oilis.oecd.org/oilis/2002doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp(2002)9-final).

Таблица 3.

Изменения в объеме импорта некоторыми странами – членами ОЭСР¹

	Процентное изменение к соответствующему месяцу 2000 года			Процент годового изменения		
	Сентябрь 2001	Октябрь 2001	Ноябрь 2001	2000	2001	2002
Австралия	-10	-0,8	..	7,5	3,8	6,3
Канада	-7,1	-7	-9,3	9,5	-4,4	2,3
Дания	-8,9	-5,6	-7,1	..	..	..
ЕС-15	-14	-10	-15	..	..	..
Германия	-3,5	-3,6	-7	10,2	1,8	3,9
Япония	-7,8	-4,6	-7,9	10,9	-3,7	- 10,4
Южная Корея	-11,9	-18,3	-18,3	20	-3,6	7,2
Новая Зеландия	-11,6	2,7	-4,5	3,6	0,7	2,5
Швеция	-16,3	-4,3	-8,5	..	..	..
Швейцария	-6,3	-1,5	-12,6	..	..	..
США	-15,8	-10,5	-13,8	13,5	-3,7	-1,9

Источник: Статья «The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities», ОЭСР (OECD), 2002 г.

Примечание: данные, указанные в таблице характеризуют непосредственные изменения экспорта после теракта 11 сентября и в силу своей показательности не требуют обновления.

¹ Там же.

Приведенная статистика в свете последних лет несколько не утратила своей актуальности, в то же время отмеченные тенденции касаются не только США: влияние на экономику Испании взрыва поезда в Мадриде 11 марта 2004 года и террористической атаки в Лондоне 7 июля 2005-го нанесло вред не только этим странам, но всей Европе и всей мировой экономике.

Даже Норвегия, находящаяся довольно далеко от США, испытала негативное влияние атак 11 сентября. Рынок капитала Норвегии терпел убытки в размере примерно 25 процентов в течение первых 11 дней после атаки. Рынок акций Норвегии восстановился только через 107 дней – это второе место по длительности восстановительного периода мировых рынков акций после биржи в Йоханнесбурге, восстанавливавшейся в течение 162 дней¹. В Мумбаи, Индия, система общественного транспорта была атакована террористами дважды. Только 11 июля 2006 года в результате атаки погибли 174 человека, а ранены были 464².

Несмотря на значительный экономический ущерб и длительные последующие потери бизнеса, наиболее негативный эффект от терактов – психологический, так как террористические акты создают в умах людей барьеры против глобализации, либерализации и открытости национальных границ, подрывают доверие к национальной политике. В то же время террористические акты влекут за собой и потери туристического бизнеса, особенно международного туризма, которые являются прямым результатом психологического воздействия терроризма.

После репортажей о террористических атаках, случившихся на другом конце света, туристы и бизнесмены из других стран задумаются о необходимости посещения таких привлекательных мест, как Мадрид и Лондон, по крайней мере в течение определенного промежутка времени после атак. Кризисный комитет Всемирного совета по туризму и путешествиям (World Travel and Tourism Council's Crisis Committee) провел в Лондоне встречу сразу после терактов, и было подсчитано, что из 31 млн человек, ежегодно посещающих Соединенное Королевство, около 588 000 не приедут: таким образом будет потеряно 1,9 процента туристов по сравнению с прогнозом на 2005 год³. Только британские авиаперевозчики потеряли около 475 млн долларов США из-за того, что 2500 рейсов, запланированных на вылет из лондонских аэропортов, были отменены в следую-

¹ Chen, Andrew H. and Siems, Thomas F. (June 2004). The Effects of Terrorism on Global Capital Markets // *European Journal of Political Economy*, Vol. 20, No 2. Pp. 349–366.

² CNN (2006, July 11). At Least 174 Killed in Indian Train Blasts. Retrieved February 12, 2008. URL: <http://www.cnn.com/2006/WORLD/asiapcf/07/11/mumbai.blasts>.

³ Ruggles-Brise, Olivia (2005, July 8). World Travel and Tourism Council Crisis Committee Issues Estimate of London Bombing Impact. Hotel Online. Retrieved February 26, 2008. URL: http://www.hotel-online.com/News/PR2005_3rd/July05_LondonImpact.html.

щую за атаками неделю¹. Аэропорты Лондона понесли эти убытки в дополнение к падению пассажиропотока на 26 процентов после атак 11 сентября, которые оказали воздействие и на Великобританию, и на все ГРП.

Однако в 2005 году британское правительство отреагировало быстрее и смогло немедленно выделить 4 млн фунтов стерлингов для проведения маркетинговой кампании Лондонской туристической группой (London Tourism Action Group). Эти средства были предназначены для театральных представлений, спортивных состязаний, скидок для низкобюджетных туристов; естественно, этим объемы доходов туристического бизнеса и в целом сферы услуг были поддержаны в самое трудное послекризисное время.

Нечего говорить о тех странах, где туризм является основным источником формирования доходной части национального бюджета – ярким примером негативного экономического эффекта является сегодня Египет: в десятки раз сократился поток туристов, снизилась доля транспортных потоков, упала посещаемость объектов культурно-исторического наследия.

В то же время психологические барьеры, вызванные действиями террористов, стали настоящим препятствием для ведения бизнеса компаниями из этих государств, когда они пытаются инвестировать в активы, связанные с государственной безопасностью в развитых странах. Так, в 2006 году компания Dubai Ports World, которой владеет правительство эмирата Дубай, купила британскую компанию Peninsular & Oriental Steam Navigation.

Несмотря на то, что в течение долгих лет эта организация со штаб-квартирой в Лондоне была одним из главных операторов многих портов в США, сразу же после того как ее владельцем стала DP World, Конгресс США выразил свою обеспокоенность этим, даже несмотря на то, что эмират Дубай является одним из наиболее либеральных исламских государств на Ближнем Востоке и одним из основных торговых хабов мира². Разрешение данной проблемы DP World было достигнуто путем передачи управления портами США американской компании.

В целях стратегического понимания проблемы терроризма важно подчеркнуть, что исходит он не только из стран исламского мира. Существует много террористических течений, оказывающих негативное влияние на международную безопасность.

После того как террористы, движимые исключительно внутренними причинами Федеративной Республики Нигерия, атаковали нефтяной танкер в этой западноафриканской стране, являющейся восьмым по величине производителем нефти в мире, глобальный экспорт нефти немедленно сни-

¹ Taipei Times (2006, August 17). Business Counts Cost of Terrorism. P. 10. Retrieved February 17, 2008. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/worldbiz/archives/2006/08/17>.

² CNN (2006, February 22). Bush, Congress Clash Over Ports Sale. Retrieved February 19, 2008. URL: <http://www.cnn.com/2006/POLITICS/02/21/port.security>.

зился на 20 процентов¹. Вследствие этой атаки Shell Oil Company отозвала 330 «экс-патриотов» – иностранных сотрудников, работающих в Нигерии, что обернулось падением ежедневного производства нефти в этой стране на 226 000 баррелей². Подобная ситуация наблюдается и в сфере грузовых и пассажирских морских перевозок у побережья Сомали, печально известного нападениями пиратов.

Обычно террористы стремятся наносить удары по развитым странам, но фактически, более успешными бывают террористические акты в странах третьего мира, то есть в тех местах, где террористы легче находят исполнителей терактов, проводят свою пропаганду и имеют возможность получения правительственной поддержки (национальной, региональной или по крайней мере местной). В свою очередь, страны третьего мира обычно являются основным местом размещения террористами своих производств оружия и сбора средств. В большинстве случаев правительства таких стран являются светскими, и террористы используют этот факт для пропаганды экстремизма с целью трансформации религиозных законов в законы конституционно-светских государств.

При этом у террористических организаций обычно существуют два искусственно отделенных друг от друга крыла – одно занято сугубо политической борьбой против правительства, другое – помимо этого военными мятежами против того же правительства. В своих попытках создания общественных беспорядков, очагов нестабильности, усиления или порождения антизападных настроений и ослабления светских правительств главной целью террористов зачастую становится бизнес, и в особенности международные компании.

Это происходит в том числе в таких преимущественно мусульманских странах, как Ливан, Пакистан, Бангладеш, Индонезия и Турция, где террористы стремятся противодействовать сотрудничеству в сфере бизнеса, науки и культуры и совершают отчаянные попытки предотвратить распространение процветания. Присутствие иностранных компаний, особенно их филиалов из развитых стран, для террористов и экстремистов всегда является своего рода символом «предательства» их правительств, которые позволяют это иностранное присутствие.

Определенные отрасли промышленности, такие как туризм – самая крупная индустрия с точки зрения вклада в объем мировой экономики (он составляет приблизительно 11 процентов), – являются наиболее привлекательными целями для террористов. Эта индустрия предоставляет работу

¹ Nigeria Militants Fight Military (2006, March 9). *BBC News*. Retrieved February 19, 2008. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4789274.stm>.

² Shell's Nigeria Output Cut by 20% (2006, January 13). *BBC News*. Retrieved February 19, 2008. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4789274.stm>.

207 млн человек по всему миру, что составляет 8,2 процента от общей занятости на глобальном рыночном пространстве¹.

В небольших государствах, таких как Марокко, Ливан, Хорватия, Албания, и малых островных государствах туризм – главная отрасль национальной экономики. Террористические атаки или даже их угроза отрицательно воздействуют на туризм, сокращая количество туристов и толкая туриндустрию на различные защитные шаги, включая инвестирование туристическими компаниями большого капитала в безопасность, что ведет к сокращению прибыли и дефициту иностранных инвестиций. Весной 2006 года из-за террористических актов и их угроз Турция потеряла около 4–5 млрд долларов, и количество туристов, посещающих эту страну, сократилось на 20 процентов². Согласно исследованию Австралийского института стратегической политики (Australian Strategic Policy Institute), «...в Индонезии падение на 2,2 процента в 2002 году – частично вызванное взрывами бомб на Бали (Bali) – принудило аналитиков финансового рынка предсказать однопроцентное сокращение национального валового внутреннего продукта...»³

В XXI веке лидеры таких стран как Алжир, Пакистан, Россия и Китай, а также лидеры стран, только приступающих к формированию рынка, таких как Саудовская Аравия, и развивающихся стран, как Афганистан и Узбекистан, вкладывают существенные ресурсы в борьбу с терроризмом. Законы, направленные против терроризма, так же, как и законы, предотвращающие отмывание денег и финансирование террористической деятельности, принимаются повсеместно. Например, у Содружества Независимых Государств (СНГ), организации, состоящей из 10 (полных и не полных) членов из 15 бывших советских республик, есть формальное соглашение по отслеживанию и предотвращению финансовых преступлений.

Развитие современных технологий и увеличение экономической интеграции позволили экстремистам и террористам действовать в зарубежных странах и развивать сети глобального масштаба, что без сомнения явилось одним из самых негативных следствий глобализации.

На сегодняшний день необходимо учитывать, что терроризм стал основным фактором политического риска инвестиций, более того он является основной угрозой развитию формирующегося глобального миропорядка.

В стратегическом аспекте, терроризм как социальная манифестация зла, требует полного уничтожения. Террористы однозначно интерпрети-

¹ World Travel and Tourism Council. Home. Retrieved February 15, 2008. URL: <http://www.wttc.travel/index.php?LANG=eng>.

² Drakos, Konstantinos, Drakos and Kutan, Ali (2003). Regional Effects of Terrorism on Tourism in Three Mediterranean Countries // Journal of Conflict Resolution. Vol. 47, No. 5.

³ Jennings, Peter (2004, February 16). Terrorism and Australian Business // Strategic Insights Australian Strategic Policy Institute. P. 3.

руют снисхождение к ним как слабость – подобные методологии делают неэффективной борьбу с их жестокостью, – поиски и заключение компромисса с террористами только усиливают их мотивацию к ведению войн против человечества, что усиливает социальные кризисы, способствует росту напряженности в мире, а также увеличивает экономические потери общества.

Ниже на рисунке 2 приведены факторы превращения терроризма в глобальную проблему.

Рисунок 2. Факторы превращения терроризма в глобальную проблему.

Также терроризм продолжает быть очень затратной и значимой угрозой бизнесу в XXI веке, но вместе с тем увеличение экономической интеграции можно считать и одной из стратегий бизнеса против терроризма: развитие национальных частных фирм в арабских странах и интеграция этих фирм на глобальном рыночном пространстве, несомненно, играет значительную роль в борьбе против терроризма. Эта стратегия приносит пользу не только деловым кругам этих стран, но и обществу в целом.

Существование терроризма и экстремизма оттягивает на себя часть ресурсов, крайне необходимых, например, для охраны окружающей среды, борьбы с голодом или освоения новых технологий. Более того, террористы, обладающие современным оружием, способны привести весь мир к глобальной катастрофе.

Но глобальное рыночное пространство в целом продемонстрировало силу в предотвращении новых волн терроризма. Быстрая реакция глобального сообщества помогла выработать более строгие законы, инструкции и подзаконные акты, позволяющие осуществлять превентивные меры и вво-

дить новые технологии фактически в каждой отрасли экономики во всех регионах глобального рыночного пространства. И несмотря на высокую затратность этих мер, в течение первых пятнадцати лет XXI века глобальное рыночное пространство продемонстрировало рост и некоторое повышение уровня жизни населения глобального сообщества.

Тем не менее человечество остро нуждается в детальной разработке и реализации стратегии предотвращения дальнейшей глобализации терроризма, в действенных методах борьбы, правоприменения и преследования по закону терроризма и экстремизма, в экономических стратегиях, стратегиях социального восстановления и ликвидации последствий террористических атак, вероятность и опасность которых в обозримом будущем пока только повышается.

2. Терроризм по принципам сетевого маркетинга

Если оценивать глобальные трансформации и тенденции развития терроризма можно различить пугающую тенденцию: терроризм из территориальных протестных движений, таких как, скажем ИРА – Ирландская республиканская армия, ЭТА – организация басков и проч. все чаще становится разветвлённой структурой, имеющей «филиалы» и «отделения» в различных странах, зачастую существенно географически отдаленных. Одной из первых глобальных сетевых террористических организаций «Аль-Каида» создала разветвленную сеть террористических организаций по всему миру, она же превратила свое название в своего рода бренд. Данная сеть, равно как и принципы сетевой организации были переданы в последующем Исламскому государству как основному преемнику «Аль-Каиды».

На схеме 1 на примере запрещенной в России организации ИГИЛ показан принцип сетевой структуры.

Схема 1. Структура группировки запрещенной в России организации ИГИЛ.

Мы видим множество формирований с определенной национальной спецификой, но с общими целями, стратегией и под общим «знаменем». И в настоящее время запрещенная в России организация Исламское государство

ство продолжает расширять свою сеть, призывая другие националистические, радикальные и экстремистские организации вступать под свои знамена.

По сути если следовать юридической терминологии, запрещенное в России Исламское государство действует по правилам франшизы, т. е. предоставляет технику, специалистов, обучает членов националистических, радикальных и экстремистских организаций, а те в свою очередь публично заявляют о принадлежности к Исламскому государству.

Имена наиболее известных террористов (Шамиля Басаева, Салмана Радуева, Хаттаба, Усамы Бен Ладена и ряда других) тоже стали раскрученными брендами, под которые спонсоры терроризма выделяют деньги, а сами террористы и их ближние связи осуществляют прибыльный бизнес, основанный на совершении целого ряда противоправных деяний, таких как: торговля краденными ресурсами с подконтрольных территорий, оружием, наркотиками, заложниками.

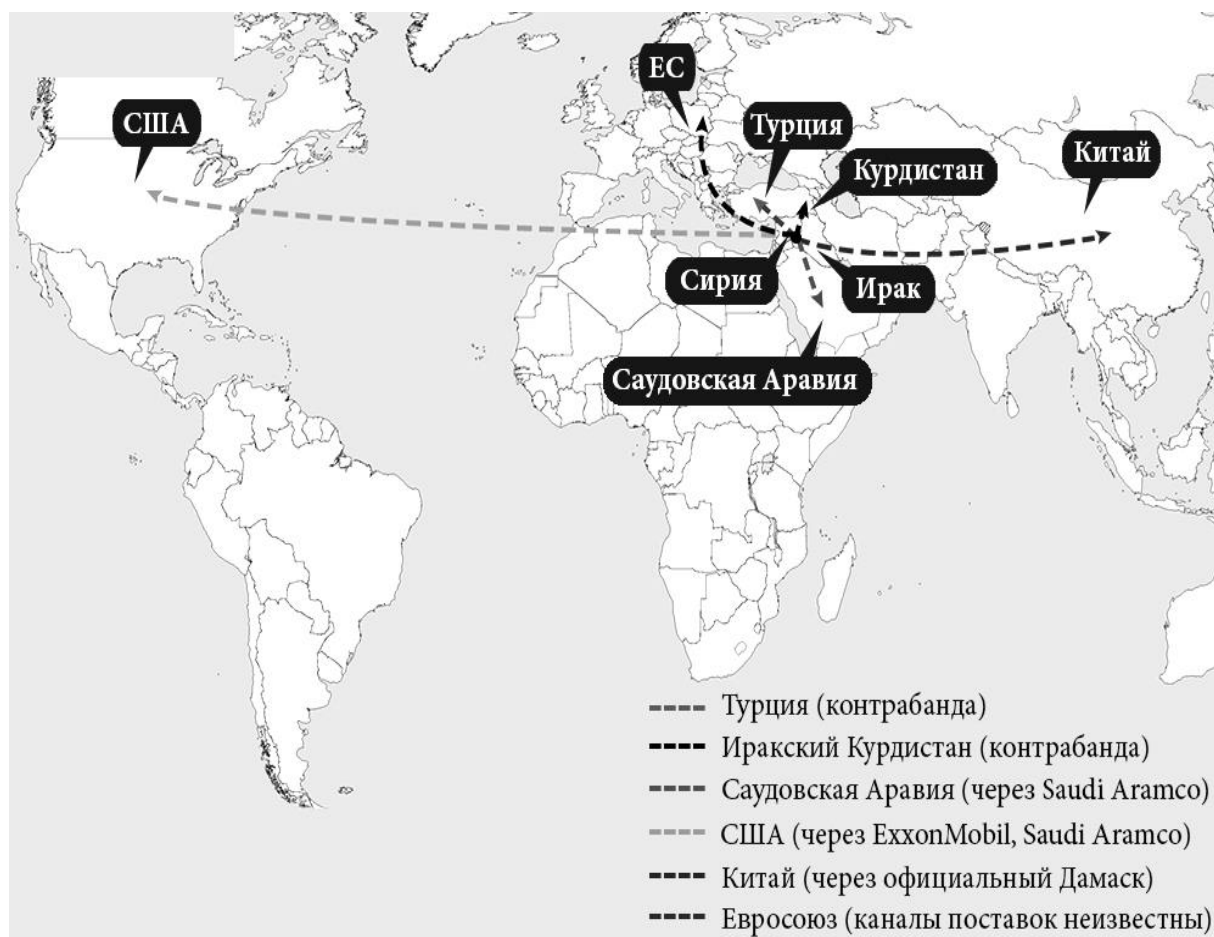

Схема 2. Предполагаемые каналы поставок нефти террористов запрещенной в России организации ИГИЛ.

На схеме 2 показаны предполагаемые каналы поставок нефти террористов запрещенной в России организации ИГИЛ имеющие как мы видим также сетевой характер, поскольку предполагает наличие с каждой стороны как минимум одного трейдера.

Сетевая структура делает терроризм поистине глобальным, транснациональным явлением, террористическая организация становится гибче, адаптивнее, мобильнее и жизнеспособней по мере расширения. Также в рамках сетевой структуры происходит укрупнение капитала, движение специалистов, техники, технологии, достигается более широкий пропагандистский эффект.

Более того, лица, прошедшие подготовку и воевавшие на территории Исламского государства, в особенности из числа иностранных наемников возвращаются рано или поздно на родину, неся ростки идеологии Исламского государства, внедряя их среди своего окружения: родных, знакомых и т. д. Таким образом, если не предпринять своевременных мер фильтрационного характера, – терроризм будет неизбежно расползаться по планете.

3. Профессионализация терроризма

В настоящее время наряду с глобализацией и диверсификацией терроризма серьезную озабоченность вызывает его профессионализация. Террорист сегодня – не экзальтированный юноша с «адской машиной», а хладнокровный профессионал, подготовленный и владеющий навыками диверсионной деятельности. И пути, по которым такие профессионалы приходят в террористические организации – тоже различны: это может быть и среда религиозных фанатиков, и ветераны локальных конфликтов, военнослужащие по различным причинам (экономическим, социальным, политическим), оставшиеся «не у дел», далее особую группу источников составляют профессиональные террористы, подготовленные спецслужбами для ведения подрывной и диверсионной деятельности.

Ярким примером последнего является Усама бен Ладен, подготовленный и профинансированный для противодействия группировке советских войск в республике Афганистан, создавший «Аль-Каиду», наследником которой стало Исламское государство.

Ядро же Исламского государства как раз и составили военные-баасисты вкупе с религиозными фанатиками, задав основанную на ваххабизме и военной дисциплине идеологию, умело использующие все минусы западной цивилизации – бездуховность, потребительство, отсутствие национальной идентичности, гомосексуализм, пренебрежение семейными ценностями. Известно, что Исламское государство широко привлекает в свои ряды ученых исламских государств с целью разработки нового эффективного оружия массового поражения – «бомбы Джихада».

Уже сегодня аналитики ряда Европейских государств говорят о высоком профессиональном уровне терактов последних лет – в Париже, Каннах, Брюсселе, Лондоне, Калифорнии.

Пропаганда в соцсетях, вербующая «невест джихада» из числа жительниц других стран, также ведется профессиональными психологами, учитывающими все нюансы личности будущей «невесты».

Помимо традиционных вербовок с использованием социальных сетей сегодня ИГИЛ запущен новый «проект» — размещение в интернете учебных курсов-программ по формированию автономных ячеек террористов. Это учебники, инструкции, видеоматериалы по изготовлению самодельных взрывных устройств, приобретению на черных рынках оружия и т. п.

«Предполагается, что вербовка может вестись альтернативными методами: либо новый боевик проходит подготовку в полевых лагерях ИГИЛ, либо он самостоятельно готовится онлайн и действует в составе небольшой ячейки по месту своего проживания», – говорит эксперт.

Также схожи мнения военно-политических аналитиков в отношении переворота на Украине: массовые беспорядки 2014 года были профессио-

нально срежиссированы и исполнены: толпой на Майдане и общественным мнением в соцсетях профессионально управляли, заставляя действовать в нужном направлении.

Виды и формы терроризма:

- *по методам воздействия:*

с использованием физического насилия;

с уничтожением материальных объектов;

с уничтожением информационных средств и информационных баз данных;

с применением морально-психологического насилия;

- *по характеру влияния:*

внутренний (государственный терроризм; терроризм правительственный; терроризм оппозиционный; религиозный терроризм; межпартийный терроризм);

международный (государственный; негосударственный);

- *по средствам:*

традиционный;

технологический;

высокотехнологический;

- *по целям:*

спланируемый;

демонстрационный;

конфронтальный;

провокационный;

религиозный;

экономический;

информационный.

Отдельного внимания заслуживает пропаганда суицида в среде подростков путем создания групп в социальных сетях (например, группы «Голубой кит» и им подобных), подталкивающих подростков к суициду. Собранные родителями погибших подростков доказательства уже показывают, что создатели этих групп – профессиональные психологи, разбирающиеся в особенностях подростковой психологии, разбивающих территорию страны на зоны действия, или, как они их цинично называют, на профессиональном сленге – «зоны выкоса». В данном случае можно смело говорить о социальном терроре, поскольку направлен он против наименее защищенных и трудно социализируемых членов общества – подростков, а учитывая стратегический аспект – против будущего нашего общества.

В ближайшие годы человечество будет чувствовать себя в значительно меньшей безопасности, чем сегодня, а «Аль-Каиду» сменят более разветвленные, но не менее радикально настроенные группировки террористов. Число и характер ключевых факторов, порождающих мировой террор в современном мире, не изменится в ближайшие 15 лет. Основная

часть террористических группировок будет состоять из радикально настроенных исламистов. Возрождение исламской идентификации приведет к созданию широкой сети распространения идеологии ислама в Восточной Европе, а также в Центральной и Юго-Восточной Азии. Эти процессы будут сопровождаться углубляющейся солидарностью среди мусульман, которые ведут борьбу в Палестине, в Чечне, в Ираке, в Кашмире, на Филиппинах или в южном Таиланде.

Процессы, происходящие в мусульманских странах, приход в некоторых государствах ислама радикальных лидеров и консолидация мусульман в противостоянии странам «золотого миллиарда» делают реальной возможность создания единого арабского халифата.

Глобальная борьба с террором и развитие информационных технологий вынудят террористов существенно изменить организационные формы своей деятельности. К 2020 году, мировой терроризм будет представлять собой эклектичное множество группировок, ячеек и индивидуальных боевиков. К этому времени отпадет необходимость в централизованном планировании и руководстве террористическими акциями. Боевики террористических групп будут получать учебные материалы, руководящие указания, технологии изготовления и финансовые средства для проведения акций через интернет и через другие самые совершенные электронные системы будущего. Ядро лидеров «Аль-Каиды» практически перестанет существовать. Однако региональные группировки террористов, организации левого толка, вдохновленные примером «Аль-Каиды», и индивидуальные боевики, которых называют моджахедами или бойцами джихада, будут объединены общей враждебностью по отношению к демократическим и умеренным государствам. Именно они будут совершать террористические акты в будущем. Эти группы будут активно выступать против идеи глобализации мира и направят свои усилия на создание традиционных исламских сообществ. Сегодня боевики «Аль-Каиды», большая часть которых прошли подготовку в Афганистане, являются кадровой основой многих террористических формирований. На смену им придут экстремисты другого толка. Новый класс боевиков будет рассматривать свою деятельность как профессию. Они будут категорически отрицать политические методы борьбы за свои идеалы, поскольку для них, как для профессионалов, это будет означать только одно – конец. Базой для вербовки боевиков станут Ирак, Сирия, Ливия, Йемен и другие страны, в которых будут возникать конфликты подобного рода. На их территориях расположатся лагеря военной и языковой подготовки рекрутов терроризма.

Террористы-индивидуалы намерены проводить акции на территории любых мусульманских государств, которые будут оккупированы или, по их разумению, подвергаются давлению со стороны «неверных». Они не всегда будут активными сторонниками террора и боевиками в полном смысле этого слова. Однако именно в террористических акциях бойцы

джихада будут видеть смысл своей поддержки исламских единомышленников. Широкое распространение биологических и других технологий уничтожения людей значительно расширит возможности проведения акций людьми, которые не ассоциируют себя с террористами.

Даже в том случае, если общее количество террористических группировок и численность боевиков сократятся, уровень террористической угрозы не снизится. При необходимости группы боевиков смогут очень быстро сплотиться для проведения совместных акций. Для этой цели они будут использовать интернет и другие технологии беспроводной связи будущего. Вполне вероятно, что консолидация боевиков будет происходить не только на широко региональном, но даже и на глобальном уровне и эти процессы будет крайне сложно отследить¹.

¹ Профессионализация террора в перспективе 2018–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fssb.su/block-strategicheskoy-bezopasnosti/smi-monitor-safety/3082-professionalizaciya-terrora-v-perspektive-2018-2022-gg.html>.

4. Терроризм как альтернативная форма войны

В общепринятой практике терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Вместе с тем терроризм очень часто используется спецслужбами различных государств как акция прикрытия различных операций, в которых не могут быть задействованы вооруженные силы данного государства, либо террористы финансируются извне с целью дестабилизации обстановки, ведения подрывной и диверсионной деятельности, склонения к принятию выгодных политических и экономических решений. Таким образом многие государства сегодня рассматривают терроризм как альтернативную форму войны.

Для более глубокого понимания феномена рассмотрим эволюцию терроризма.

В эволюции терроризма выделяют пять этапов:

- от античности до 40-х гг. XIX в. – заложены основы терроризма, возникли первые организованные сообщества, использующие террористические методы борьбы;

- от 40-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. – выработаны основные формы и методы террористической деятельности, под терроризм подведена теоретическая база, сформировались образцы стратегии и тактики террористов;

- начало 20-х – конец 50-х гг. XX в. – терроризм становится фактором политической жизни. Постепенный переход от индивидуального к преимущественно массовым видам терроризма. Появляются новые методы террористической деятельности;

- начало 60-х – конец 80-х гг. XX в. – возникновение крупных террористических группировок, их интернационализация, рост изощренности и жестокости. Превращение терроризма в глобальный фактор международной политики;

- с начала 90-х гг. XX в. до н. в. – трансформация терроризма из глобального фактора международной политики в глобальную проблему современности.

Террор как способ достижения политических целей насильственными средствами существует с момента зарождения человеческой цивилизации. По сути дела, терроризм является постоянным спутником человечества. Слово «террор» произошло от латинского terror – «страх», «ужас» и стало употребляться в современном значении в конце XVIII века, во времена Великой французской революции.

В 1792 г. пришедшие к власти якобинцы выдвинули лозунг «Да будет день подчинен террору!»

В России о терроризме начали говорить, начиная со второй половины XIX века, когда часть населения приняла на вооружение террор как средство борьбы за социальную справедливость. «Первооткрывателями» эпохи европейского «левого» политического терроризма в России стали народовольцы. В XX в. мотивы террора существенно изменились.

Так, если народовольцы представляли террор как средство самопожертвования на благо общества, то для итальянских «Красных бригад» он уже служил способом и средством самоутверждения. У современного терроризма одна цель: захват власти, и ни о каком «благе общества» здесь говорить не приходится.

Контуры современного терроризма возникли в начале 60-х гг. прошлого столетия после распада ведущих колониальных империй. Борьба за национальное освобождение нередко велась военными средствами, и террористические акции являлись одной из форм партизанских действий. Однако по мере изменения геополитической обстановки в мире стал претерпевать коренные изменения и терроризм. К концу XX в. масштабные террористические акты превратились в распространенное средство достижения политических целей.

Значительно изменились характер и тактика террористической деятельности. Так, если в 60-х годах XX в. наибольшее распространение в мире получили захваты воздушных судов, то в 70-х число захватов самолетов резко сократилось. Террористы стали чаще прибегать к тактике совершения взрывов, похищений людей и убийств государственных деятелей.

В начале XXI в. снова участились случаи использования воздушных судов с целью совершения террористических актов.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались появлением нового социально-политического течения – религиозного экстремизма в форме мусульманского фундаментализма. Он развивался под лозунгом возрождения идеального исламского общества и построения государства, основанного на строжайшем соблюдении законов шариата.

В конце XX в. современный мусульманский фундаментализм способствовал формированию обширной зоны политической, социальной, национальной и военной нестабильности, простирающейся от Филиппин в Азии до Косово в Европе.

Активнейшее участие в процессах дестабилизации с помощью террористических акций принимали фундаменталистские (исламистские) организации, движения, группировки и режимы. Тем не менее нельзя отождествлять ислам и терроризм, поскольку террористы для оправдания своих преступлений используют искаженное толкование этой религии.

В XXI в. просматривается тенденция к расширению масштабов и географии террористической деятельности. Увеличивается число террористических актов, совершаемых с целью личного обогащения. Растет число террористических актов на почве политического противоборства различ-

ных сил, а также на почве межэтнических и межконфессиональных противоречий.

Эксперты-террологи выделяют около 200 видов современной террористической деятельности. В контексте рассмотрения терроризма как альтернативной формы войны можно выделить: политический терроризм, националистический терроризм, религиозный терроризм, криминальный терроризм.

Политический терроризм – это тактика политической борьбы, заключающаяся в применении (или в угрозе применения) субъектами политики организованного насилия в целях коренного или частичного изменения конституционного строя либо экономических порядков в стране. Направлен на предотвращение или принятие каких-либо решений, относящихся к государственному устройству.

Политический терроризм может существовать только при опоре хотя бы на минимум поддержки и сочувствия со стороны общественного мнения. В условиях полной социально-политической изоляции он обречен на скорое поражение. При этом террористы основную ставку делают на прессу.

Субъектами политического терроризма, как правило, выступают радикальные политические партии, отдельные группировки внутри партий или общественных объединений, экстремистские организации, отрицающие легальные формы политической борьбы и делающие ставку на силовое давление (например, «Красные бригады» (Италия), «Фракция красной армии» (Германия), «Аксон директ» (Франция), «Японская красная армия» (Япония), «эскадроны смерти» в Латинской Америке и др.).

Националистический терроризм выражается в утверждении превосходства определенной нации или расы, направлен на разжигание национальной нетерпимости, дискриминацию представителей иных народов и преследует цель путем устрашения вытеснить другую нацию, избавиться от ее власти.

Националистический терроризм органически связан с сепаратизмом, направленным на изменение существующего государственного устройства, правового статуса национально-государственных или административно-территориальных образований, нарушение территориального единства страны, выход тех или иных территориальных единиц из состава государства, образование собственного независимого государства.

Осуществляется организациями этносепаратистской направленности с целью ликвидации экономического и политического диктата инациональных государств (например, «Ирландская республиканская армия» (Северная Ирландия), «Рабочая партия Курдистана» (Турция), «Батасуна», «ЭТА» (Испания), «Фронт национального освобождения Корсики» (Франция), «Фронт освобождения Квебека» (Канада), «Вооруженные силы наци-

онального освобождения» (Пуэрто-Рико, США), «Тигры освобождения Тамил Илама» (Шри-Ланка), «УНИТА» (Ангола) и др.).

Религиозный терроризм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо непримиримом противоборстве в рамках одной конфессии. Зачастую используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одного из вероучений. Наиболее ярые экстремисты ставят своей целью создание отдельного государства, правовые нормы которого будут заменены нормами одной, общей для всего населения религии.

С начала 80-х годов XX в. религиозный терроризм связывается в общественном сознании, прежде всего, с радикальным исламом. Терроризм, прикрывающийся исламскими лозунгами, стал результатом исламизации социального и национального терроризма на Ближнем и Среднем Востоке. Сегодня он представляет собой мощное интернациональное сообщество, охватывающее все исламские регионы планеты.

С религиозным терроризмом тесно ассоциирован ряд сепаратистских движений – в штате Кашмир (Индия), на Филиппинах, в Чеченской Республике. Примеры: «Аль-Каида», движение «Талибан» (Афганистан), «Братья-мусульмане» (Египет), «Абу-Сайяф» (Филиппины), «Ансар аль-Ислам» (Ирак), «Асбат аль-Ансар», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (Ливан), «Аум Синрикё» (Япония) и другие.

Криминальный терроризм заключается в использовании уголовными преступниками методов насилия и устрашения, заимствованными из практики террористических организаций.

Основными субъектами криминального терроризма являются организованные преступные сообщества национального характера, которые используют устрашение и насилие как главное средство воздействия на представителей власти, на своих конкурентов по бизнесу в целях перераспределения сфер влияния, собственности и финансовых потоков. Формы проявления: заказные умышленные убийства, разборки между конкурирующими преступными группировками, вымогательство и т. п.

Со своей стороны, террористические организации все чаще обращаются к преступной деятельности как к альтернативному источнику для финансирования политического терроризма.

Политическая организация, взявшая на вооружение террористические методы борьбы, со временем перерождается в преступную группировку, прикрывающуюся политическими лозунгами.

Наиболее опасен технологический терроризм, заключающийся в применении или угрозе применения ядерного, химического и бактериологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических, биологических веществ, а также угрозе захвата ядерных и иных промышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья

людей. Как правило, технологический терроризм имеет под собой политические цели.

По степени разрушительности выделяется ядерный терроризм, состоящий в умышленных действиях отдельных лиц, групп или организаций и даже некоторых государств, направленных на создание чувства страха у людей, появление недовольства властями или другими субъектами, связанными с использованием (угрозой использования) сверхопасных свойств ядерного оружия, ядерных материалов, радиоактивных веществ. Такие действия проводятся в интересах достижения политических, военных, экономических, социальных и других целей террористов.

Отмечается рост опасности кибертерроризма – действий по дезорганизации автоматизированных информационных систем, создающих опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба или наступления иных общественно опасных последствий.

Основной формой кибертерроризма является информационная атака на компьютерную информацию, вычислительные системы, аппаратуру передачи данных, иные составляющие информационной структуры, что позволяет проникать в атакуемую систему, перехватывать управление или подавлять средства сетевого информационного обмена, осуществлять иные деструктивные воздействия.

Наиболее опасны атаки на объекты энергетики, телекоммуникации, авиационные диспетчерские системы, финансовые электронные системы, правительственные информационные системы, а также автоматизированные системы управления войсками и стратегическим оружием.

Кибертерроризм представляет серьезную угрозу для человечества, сравнимую с ядерным, бактериологическим и химическим оружием, причем степень этой угрозы в силу своей новизны до конца еще не осознана и не изучена.

Новой тенденцией стало сращивание уголовного терроризма с политическим, националистическим и религиозным. Как правило, руководители всех современных террористических группировок, помимо достижения национальных, религиозных, территориальных, политических целей, стремятся к получению материальных выгод или обеспечению доступа к власти.

В последнее время происходит политизация криминального терроризма, что проявляется в стремлении преступных авторитетов влиять на принятие государственных решений в целях ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, которые не выгодны преступной среде, и даже в действиях, направленных на вхождение преступных авторитетов или их покровителей в органы законодательной и исполнительной власти. В результате проявилась тенденция сращивания властных и уголовных структур, особенно наглядно представленная в таких государствах Латинской Америки, как Колумбия и Боли-

вия. Данная тенденция также органически присуща современному терроризму, как и другая – тенденция глобализации терроризма. В этом случае можно говорить о международном терроризме.

Под международным терроризмом сегодня понимают преступные посягательства на международный правопорядок или объекты, пользующиеся международной защитой, а также отдельные, индивидуально направленные террористические акции, которые распространяются на территорию более чем одного государства.

XXI век принес миру новые вызовы и угрозы, среди которых особое место занимает международный терроризм.

Международный терроризм проявляется в осуществлении террористической деятельности, направленной на нанесение ущерба международной безопасности и международному правопорядку.

Расширение международных контактов и упрощение перемещений между странами, в сочетании с сохраняющейся политической раздробленностью мира, объективно способствовали усилению международной составляющей в поддержке терроризма.

Формирование современного международного терроризма связано с процессами глобализации, приводящими к консолидации любых, в том числе преступных структур, действующих по всему миру.

Глобализация терроризма привела к появлению международных и транснациональных террористических группировок, расширению деятельности которых способствовала поддержка некоторыми государствами откровенно террористических организаций.

В условиях окончания «холодной войны» острие террористических действий оказалось направленным на Россию, США и ряд европейских стран, ставших единственным препятствием в борьбе террористов за глобальное влияние и власть в отдельных государствах. Этими обстоятельствами и предопределены основные направления борьбы с международным терроризмом.

В настоящее время в мире действуют свыше 500 террористических организаций и групп различной направленности. За последние десять лет ими совершено свыше 6500 актов международного терроризма, в результате которых погибли и получили ранения более 25 тысяч человек.

Международный терроризм – существенный элемент международного преступного сообщества. Особую опасность представляет срастание международного терроризма с государствами, поддерживающими террористов. При этом союз террористов и государства обеспечивается не коррупцией (как в случае с преступностью), а сознательным политическим выбором правящих режимов. Политика государств, направленная на оказание прямой или косвенной поддержки террористическим организациям, позволяет квалифицировать их действия в качестве такой разновидности терроризма, как государственный терроризм.

Противостояние государства и отдельной террористической организации развивается по определенному сценарию. В большинстве случаев между возникновением активной террористической организации и ее разгромом в среднем проходит 3-5 лет. Иначе говоря, террористическая структура сама по себе всегда проигрывает государству.

Однако если за спиной этой организации стоит другое государство или район, неподконтрольный властям и управляемый антиправительственными силами, то такая террористическая активность может продолжаться весьма длительное время (например, в Колумбии более 40 лет длится борьба правительства с Революционными вооруженными силами (ФАРК), которые контролируют до 20 % территории страны).

В среднем активная деятельность террориста составляет три года, затем он или погибает, или попадает в тюрьму.

Для постоянного воспроизводства разрушаемой инфраструктуры терроризма нужны значительные организационно-технические и финансовые ресурсы. Необходимы базы, инструкторы, вербовщики, оружие, боеприпасы, медикаменты. Требуется фальшивые документы, разведывательные данные, поддержка в государственных силовых структурах и т. д. Таким образом, в наше время эффективная террористическая деятельность не может осуществляться без полновесной поддержки из-за рубежа.

После рассмотрения общетеоретических вопросов, касающихся терроризма как альтернативной формы войны, следует рассмотреть данный аспект процесса эволюции терроризма более детально.

Исторически сложилось так, что более пятисот лет мир был европоцентричным, то есть практически судьбы всех народов мира решал «концерт великих держав», в который входила и Россия и к которому в XX веке примкнули США.

Стремительное экономическое развитие, обогащение стран Западной Европы, способствовавшее общему подъему западной цивилизации, происходило за счет ограбления стран Африки, Азии и Латинской Америки, многие из которых были превращены в колонии или вассальные территории. Также Запад достиг могущества благодаря значительному техническому и технологическому превосходству над другими цивилизациями. Это способствовало своего рода эйфории, даже появилась теория «конца истории» – в 1992 г. Ф. Фукуяма принес в мир «благую весть» о конце истории в связи с победой либеральной демократии, что в его видении знаменует окончание «исторических» конфликтов между государствами.

Одновременно глобализация вкупе со стремительным распространением информационных технологий способствовали ускорению модернизации и иных цивилизаций, активно шел процесс подъема развивающихся стран, которые к тому времени различными путями освободились от власти метрополий и встали на путь экономической и политической трансформации. Сегодня процесс трансформации геополитического простран-

ства продолжается, идет формирование полицентричной международной системы, отвечающей реалиям и потребностям XXI века, в целом меняется вектор мирового развития. Беспрецедентные масштабы и скорость изменений становятся базовой детерминантой современной глобализации – на авансцену мировой политики выходят новые государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, способностью к изменению баланса сил, вовлечению в историческое творчество миллионов людей.

Исторический ренессанс переживают страны Юго-Восточной Азии (в особенности Индия и Китай), выходящие в эпицентр глобального развития. Особенно нагляден пример Китая, где бурным темпами идет процесс модернизации, причем, что особенно важно, не по западной модели, а собственным уникальным путем, на базе традиций и философии конфуцианской цивилизации, что позволяет эффективно мобилизовать все население и осуществить рывок в наращивании экономического потенциала.

Также модернизацию переживает исламский мир, Африка и Латинская Америка. Важно, что там этот процесс во многом происходит уникальным национальным путем, а не в форме вестернизации. При условии успешной реализации данных проектов (к чему кстати существуют все предпосылки) Запад утратит роль дирижера мирового развития. Сегодня дописываются последние страницы в летописи доминирования Запада и мир вступает в новую эру, ибо миллионы людей, чья пассионарность освобождена, приобщаются, по выражению К. Н. Брутенца, к историческому творчеству¹.

Помимо прочего, глобализация вызвала резкий скачок урбанизации: в 1979–1990 годах мегаполисы выросли в три раза, одновременно стремительное развитие технологий приводит к замене живой рабочей силы машинами, оборачивается ростом безработицы даже в развитых странах, обострением социальных проблем в результате падения уровня жизни. При этом особую опасность представляет резко выросший разрыв между бедными и богатыми слоями населения в отдельных странах и в мире в целом, о чем красноречиво свидетельствуют данные статистики. Так, в докладе «Международное объединение организаций по борьбе с бедностью» (ОКСФАМ), опубликованном 18 января 2016 года, указывается, что с 2010 года состояние самых богатых людей мира увеличилось на 0,5 трлн долларов и составило 1,76 трлн. За этот же период наименее обеспеченная часть человечества обеднела на 1 трлн долларов, потеряв 41 % своего состояния.

Суммарно 62 самых богатых человека планеты владеют таким же количеством имущества, как 3,6 млрд наиболее бедных людей. Одним из источников такого перекоса называют распространение офшорных зон, благодаря которым сверхбогатые уходят от налогов.

¹ Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция: промежуточные итоги // Международная жизнь. 2015. № 12.

В период с 2000 по 2014 гг. количество инвестиций в оффшорах увеличилось в четыре раза, 9 из 10 мировых концернов представлены хотя бы в одном «налоговом раю». В результате страны Африки теряют примерно столько денег, сколько их хватило бы на решение на этом континенте проблемы детского голода. Неудивительно, что на последнем (январь 2016 г.) форуме в Давосе на этом вопросе, как никогда ранее, было заострено внимание, поскольку возможно, в глобальном масштабе созрело понимание опасности последствий этого феномена.

Чтобы удержать свое ускользающее от них господствующее положение, западные державы в условиях многополярного мира начинают прибегать к самым разным способам — от давления и шантажа, угроз и подкупов до прямых вооруженных интервенций. Однако принципиально новым методом стали попытки использовать в своих корыстных интересах такое мировое зло, как терроризм. И надо сказать, начало XXI века весьма богато примерами такого рода.

На протяжении всей истории к террору прибегали, когда не удавалось добиться цели более простыми средствами или для того, чтобы быстрее и легче ее достичь. На протяжении XX века, особенно его второй половины, это явление начало быстрыми темпами разрастаться, наполняться новыми формами и ныне превратилось в новую, альтернативную форму войны, угрожающей жизни людей и целых народов. К слову «терроризм» часто добавляют эпитет «международный», подчеркивая глобальный характер терроризма и его разветвленные связи, не стесненные государственными границами. При вступлении в XXI век борьба с терроризмом (наряду с комплексом экономических, финансовых, энергетических, экологических проблем) стала первоочередной задачей, ибо он представляет прямую угрозу всему человечеству.

На сегодня в мире практически нет точки, свободной от терроризма, он перестал быть периферийной опасностью, охватив все континенты. Это явление приобрело черты пандемии — эпидемии, принявшей массовый и повсеместный характер. Симптомы этой пандемии — нападения, зверские убийства, взрывы, захваты заложников, в итоге сотни погибших и раненых, причем в основном среди гражданского населения, страшные разрушения, утрата объектов культурного наследия, свержение отдельных государств в пучину средневековья. При этом на сегодняшний день прогнозы неутешительны: практически невозможно просчитать, где и когда произойдет очередной взрыв или нападение, каковы будут их последствия. Так же, как и при лечении любой болезни, прежде всего надо выявить источники или причины возникновения.

По мнению некоторых ученых, терроризм конца XX — начала XXI века коренным образом отличается от того, который имел место до сих пор — и целями, и методами, и средствами, и типом исполнителей. Это диктует необходимость выработки иных методов борьбы.

Современный террор сформировался в значительной степени под воздействием двух процессов — современной глобализации и демографического взрыва. В настоящее время большое воздействие помимо нарастания после 2008 года общемирового экономического кризиса, оказывает и демографический фактор. В настоящее время население планеты увеличилось до 7 млрд человек прежде всего за счет роста населения в странах Африки и Азии.

Именно подобный фактор, наряду с экономическим, во многом объясняет причины происходящего на планете крупнейшего переселения народов (первое масштабное планетарное переселение было 40 тыс. лет тому назад).

В развитых регионах мира налицо тенденция депопуляции, вырождения, которая достигнет максимума к 2030 году. У многих европейских семей либо вовсе нет детей, либо один ребенок. В то время как в ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки, в мусульманском мире нарастает другая тенденция — к увеличению рождаемости. Там 7-8 детей в семье — это норма.

Прежде всего это касается Африки, где численность населения уже превышает миллиард и прогнозируется его дальнейший ежегодный прирост в 4 %, в результате чего к 2050 году население континента удвоится (больше всего в Нигерии — до 290 млн чел., Эфиопии — до 174 млн чел., Конго — до 128 млн чел., Египте — до 130 млн чел.).

В то время как в Китае население (1,4 млрд человек) и Индии (1,6 млрд человек), по прогнозам, будет увеличиваться медленнее, чем сегодня. Общий рост населения в развивающихся странах влечет за собой неспособность государств обеспечить людей социальными услугами, продовольствием, работой. При этом следует учитывать, что группы людей в возрасте от 15 до 25 лет составляют там половину населения, и именно среди них нарастает недовольство своим материальным положением — низкой зарплатой, плохим питанием, жилищными условиями, транспортом, здравоохранением, экологией, отсутствием работы по специальности. Значительная их часть, даже те, кто сумел получить образование и профессиональные навыки, не имеют работы и, как следствие, средств к существованию. Более того, снижается вероятность улучшения их положения в будущем. Градус этого недовольства растёт, поскольку все имеют возможность видеть уровень жизни Запада и сравнивать с собственным положением. Подобное сравнение, как правило, не в пользу их страны.

При этом огромная армия безработной молодежи из стран третьего мира становится постоянно пополняющимся резервом террористических групп, которыми легко манипулируют агенты оружейных монополий, получающих сверхприбыли.

В числе средств для вербовки и мобилизации молодежи в террористические группы, помимо материальных, активно используется религиоз-

ный фактор, обработка сознания малограмотных молодых людей в принципе не представляется сложной. Им прививается представление о возможности легкой добычи, они деградируют как личности и превращаются в послушное орудие выполнения чужой воли. Сегодняшний мир, особенно с учетом коммуникационной революции, больше всего страдает от дефицита справедливости. Особенно остро это ощущают граждане развивающихся стран. Практически во всех обществах растет поляризация: люди все меньше доверяют «истеблишменту». Поляризация приводит к маргинализации и, как следствие, радикализации больших масс людей. Отчаяние и бессилие против несправедливости толкают потерявших надежду на крайние меры, таким образом они реализуют протестные настроения и привлекают внимание мирового сообщества к своему тяжелому положению и страданиям, которые они вынуждены испытывать.

Роль катализатора в росте недовольства играют бесцеремонные и жесткие попытки Запада навязать свое восприятие мира, свои ценности, традиции, образ мышления и поведения, а также насильственным насаждением государственного строя и устройства, модели демократии западного образца, неолиберальной модели развития.

И все же основной движущей силой, как уже отмечалось выше, является явное неприятие диктата извне народам и государствам неприемлемых схем политического и экономического устройства, чуждой философии, поведенческой модели, образа мышления. Именно поэтому кризис идеологии, культуры и религии западной цивилизации сопровождается распространением и ростом влияния ислама в его политизированном, радикальном виде, причем не только в странах, традиционно приверженных мусульманским ценностям, но и во всем мире.

В то же время спецификой современного терроризма является то, что он распространяется по собственной, трудно предсказуемой логике и, носит демонстративный характер, преднамеренно осуществляясь в виде устрашающих варварских акций. При этом существует реальная опасность использования террористами «грязной» атомной бомбы, биологического и бактериологического оружия, внедрения в системы коммуникаций и инфраструктуры.

Наряду с этим существенный деструктивный потенциал таят в себе попытки Запада различными способами использовать терроризм в своих корыстных интересах путем разжигания конфликтов, столкновения между собой этнических, национальных и религиозных групп. Именно из-за подобных действий западных держав, и прежде всего США, появилось такое образование, как Исламское государство.

Никогда до этого террористы не обладали столь значительными финансовыми ресурсами и не брали под контроль столь обширные территории.

Нельзя не согласиться с авторами недавно вышедшей в Российском институте стратегических исследований книги «ИГИЛ как угроза международной безопасности». Основная опасность этой структуры заключается не столько в количестве боевиков и наличии у них современного вооружения, сколько в притягательности для многих мусульман идеи создания халифата, который они воспринимают как практическую реализацию мечты о «справедливом» государстве, построенном в противовес тоталитарным коррупционным правительствам Востока и чуждым мусульманскому миру идеалам и ценностям Запада. Именно поэтому невозможно победить «Исламское государство» и радикальный исламизм только военной силой¹.

Как и следовало полагать, возникновение Исламского государства и последовавшие за ним геополитические и экономические процессы обнажили фундаментальные различия между Западом и другими цивилизациями.

Здесь уместным будет вспомнить о концепции «столкновения цивилизаций» американского историка С. Хантингтона. Согласно его теории, в исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм и т. п. Минувшие два десятилетия наглядно доказали, что концепция С. Хантингтона по существу предполагала окончание эры безраздельного господства Запада и наступление эпохи, когда ему будет противостоять не один главный противник в лице Советского Союза и стран социалистического лагеря, а много новых центров силы с выходом на авансцену мировой политики новых цивилизаций, которые ранее играли если не второстепенную, то подчиненную роль. С. Хантингтон кратко сформулировал это состояние: «Запад против остальных» и высказал прогноз, что на острие этой конфронтации будет находиться ислам как самая молодая монотеистическая религия, число адептов которой в мире постоянно и быстро увеличивается. Интересно, что и сингапурский профессор Кишор Махбубани еще два десятилетия тому назад делал аналогичный прогноз, отмечая, что осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром»².

В последнее время политические круги Запада при помощи СМИ снова стали акцентировать внимание на концепции С. Хантингтона, параллельно навязывая идею разрушительной силы ислама, угрозу роста его популярности, возрождения исламского фундаментализма и как неизбежного следствия - столкновения христиан и мусульман.

Вместе с тем западные авторы теории модернизации утверждали, что научно-техническая революция приведет к утрате доверия к традиционным ценностям. Народам Востока предлагалось отбросить опыт собствен-

¹ См.: ИГИЛ как угроза международной безопасности. М.: РИСИ, 2015. С. 6.

² Mahbubani K. The West and the Rest // National Interest. 1992. Summer. P. 3–13.

ного исторического пути и усваивать парадигмы «подлинной» цивилизации. Навязывание подобной системы ценностей, однако на практике приводит к противоположному эффекту – у целевой аудитории срабатывает инстинкт самосохранения, возрастает сопротивление попыткам унификации, защита идентичности – религиозной, национальной, языковой, стремление к сохранению традиционных ценностей. При этом практически в каждой культуре и среде есть своя собственная система координат, различное понимание человека, его прав и свобод.

Запад и не-Запад могут иметь разные видения, различные определения добра и зла, конфликта и сотрудничества. Подобное противоречивое – диалектическое единство, оно и есть целостность мира, оно определяет его жизнеспособность как сложной динамической системы, что подтверждает тезис о том, что богатство мира – именно в его многообразии.

Сегодня практически во всем мире рост экономического и политического влияния новых геополитических сил наталкивается на активное противодействие США и Европы, пытающихся отстоять свое доминирующее положение в мире. При этом западные элиты не лишены представления перспектив подобного роста – Генри Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» признает снижение геополитической и экономической роли Европы и подчеркивает, что это отрицательно сказывается на возможностях Запада в целом на мировой арене: «...США, лишенные контакта с Европой в политике, экономике и обороне, превратятся в остров у берегов Евразии, а сама Европа может сделаться придатком Азии и Ближнего Востока...»¹

В то же время мировой экономический кризис приобретает цивилизационный характер: он уже не просто отражает противоречия между глобализацией капитала и национальным суверенитетом государства, но и практически обозначает новый виток межэтнических и геополитических столкновений, в основе которых лежит неприятие западного образа жизни новыми динамично развивающимися цивилизациями.

Противостояние между капитализмом и социализмом в XX веке в какой-то мере отодвинуло на задний план культурно-цивилизационные различия, до этого длительное время определявшие ход мировой истории. После распада Советского Союза и стран социалистического лагеря в западных державах росла уверенность в том, что доминирование Запада, и прежде всего Соединенных Штатов как единственной на этом этапе сверхдержавы, будет абсолютным и продолжительным. При этом западные страны свое господство с учетом их исторического опыта управления колониями обеспечивали посредством проверенной политики «разделяй и властвуй» – путем ослабления иных цивилизационных объединений, создания контролируемых конфликтных ситуаций.

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: AST Publishers, 2015. С. 130.

Вместе с тем, по словам С. Хантингтона, для перехода страны в иную цивилизационную общность необходимы три условия:

во-первых, чтобы политическая и экономическая элита поддерживала такой шаг;

во-вторых, народ должен согласиться, пусть неохотно, на принятие новой идентичности;

в-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного».

После победы, как считают на Западе, в холодной войне западные державы, тем не менее, решили сохранить свой военный потенциал, прежде всего блок НАТО, для обоснования целесообразности этого требовалось найти образ нового врага.

В качестве такового в конце XX века смог выступить переполненный конфликтами, бурлящий и нестабильный исламский мир, в котором анти-западные тенденции набирали силы. Уже в 1994 году бывший тогда генеральным секретарем НАТО Вилли Клас заявил, что «основную угрозу Западу представляет ислам».

Несмотря на то, что 11 сентября 2001 года именно в США был совершен крупнейший в истории современного мира террористический акт, ставший зловещим предзнаменованием для XXI века, убежденные в своей исключительности и неуязвимости Соединенные Штаты фактически торпедировали все инициативы, которые были призваны способствовать налаживанию реального партнерства цивилизаций. Именно под их прямым или закулисным нажимом была провалена концепция «Диалога цивилизаций», выдвинутая иранским президентом М. Хатани в 1999 году, а также испано-турецкий проект «Альянса цивилизаций», который был представлен в 2004 году.

О мотивации такого подхода красноречиво свидетельствует такой факт: премьер-министр Италии С. Берлускони, не заметив, что микрофоны остались включенными, он размышлял о невозможности равноправного диалога между Западом и другими странами, потому, что Запад представляет собой высшую цивилизацию, а все остальные – низшую.

В этих условиях американская политика предотвращения появления любого нового конкурента, равного США по экономической, финансовой и военной мощи начала реализовываться в раздувании и поддержании конфликтов внутри основных цивилизаций, оказание давления, шантаж, угрозы. Ради сохранения своего безусловного лидерства Вашингтон привел в действие все средства, в том числе арсенал спецслужб в части взаимодействия и поддержки протестных движений в различных государствах, военный и политический потенциал. Уместным также будет отметить, что военный бюджет Соединенных Штатов превышает расходы на оборону всех остальных государств земного шара. Профессор Э. Васевич, автори-

тетный в США военный эксперт, признает: «...Соединенные Штаты в последнее десятилетие не довольствуются обороной, а стремятся применять силу для расширения влияния и власти...»¹

А профессор Ф. Бамп составил список, хотя и не полный, американских военных интервенций в последнее время. За 21 год, начиная с вторжения в Панаму в 1989 году, США ежегодно осуществляли авианалеты или вторжение как минимум в одну страну. В период с 1991 по 2003 гг. американцы регулярно бомбили Ирак, называя это «патрулированием бесполетной зоны». В период президентства Клинтона периодически наносились ракетные удары по Ираку, а в 1998 году – удары по Судану и Афганистану. США предприняли злополучную попытку «государственного строительства в Сомали», которая завершилась гибелью 18 американцев, вторглись на Гаити, чтобы снова навязать свергнутого президента, бомбили сербов в ходе боснийской и косовской интервенции. При этом основной целью США и других западных стран было ослабление потенциала Китая и России, в усилении которых они усматривают основную угрозу мировому господству Америки. В рамках политики противодействия развитию Китая – поддержка сепаратистских устремлений Тайваня, попытки создать проблемы в Гонконге, разжигание конфликтов между КНР и ее соседями и т. п. При этом главное направление в противодействии развитию России – спровоцировать обострение ее отношений с бывшими республиками СССР. Реализация данного направления включает поощрение русофобских настроений в странах Балтии, поддержание напряженности между Тбилиси и Москвой, подстегивание Нагорно-Карабахского конфликта, перетягивание Украины в «европейскую семью» — не ради блага украинского народа, а прежде всего, чтобы разрушить вековые экономические связи с Россией, подтянуть военные базы поближе к российской границе.

В этом свете примечательно мнение нынешнего лидера Лейбористской партии Джереми Корбина, изложенное в марте 2014 года в статье, подготовленной для коалиции «Останови войну», в которой он прямо критикует «лицемерие Запада» и в качестве основной причины кризиса на Украине назвал «попытку НАТО окружить Россию»².

В то же время, наиболее наглядно и масштабно нынешний дискурс внешней политики США на создание новых конфликтных ситуаций и разжигание религиозной и национально-этнической розни проявляется на Ближнем и Среднем Востоке. Ни для кого не секрет, что ответственность за обострение шиитско-суннитских противоречий лежит именно на Соединенных Штатах. В целом до недавнего времени отдельные разногласия между суннитами и шиитами быстро и мирно улаживались, и адепты обеих конфессий добрососедствовали и взаимодействовали в решении даже

¹ Лос-Анджелес таймс. 2014. 14 янв.

² Таймс. 2016. 19 янв.

сложных экономических вопросов, например, в том, что касается цен на нефть, ограничения действий западных нефтяных монополий. «...На Ближнем Востоке практически все разделяют уверенность в том – утверждал политический аналитик телеканала «Аль-Джазира» Марван Бишара в своем комментарии 19 января 2016 года – что беды арабов происходят от интервенции Запада и манипуляции им арабской молодежью, что в конечном счете приводит к росту разрушительных идей. И при этом на Западе повторяются уже набившие оскомину клише: арабы безнадежны, ислам несовместим с демократией».

Для того чтобы не потерять рычаги управления мировыми процессами, утвердить свое превосходство, вовлечь в зависимость экономики, а также навязать свои нормы морали и нравственности, свои правила поведения, западные державы, прежде всего США, прибегают к самым неблагоприятным, а зачастую и незаконным средствам. Запад манипулирует военным и финансовым потенциалом международных организаций. Более того, США и их союзники в своих целях беззастенчиво используют террористические организации, не заботясь о последствиях, к которым приводят такие действия, а это означает еще большее обострение и затягивание конфликтов, провоцирование вражды и подозрительности между отдельными народами и группами населения и появление новых очагов экстремизма.

Однако в последнее время реализация данного курса наталкивается на растущее сопротивление, причем реакция принимает различные формы, например, такую, как намерение КНДР создать собственное ядерное оружие с целью оградить страну от западного проникновения. К числу таких форм можно отнести и стремление исламистских радикалов создать свое мощное антизападное объединение (Халифат) по правилам VII века – тоже своего рода ответ на претензии США на мировую гегемонию.

Сегодня активно набирает силу новая тенденция – формирование противовеса Западу путем укрепления собственного военного и экономического потенциала, консолидации внутренних сил, развития сотрудничества со странами, не входящими в Западный клуб. Прежде всего, речь идет о процессе модернизации на основе сохранения традиционных ценностей и институтов, обеспечения собственных интересов, а не за счет подстраивания под западную модель. Достаточно перспективными в этом плане представляются созданные недавно объединения: Евразийский экономический союз, БРИКС, ШОС. При этом финансово-экономический кризис сыграл роль своего рода катализатора и форсировал процесс перераспределения влияния, способствуя росту потенциала незападных центров силы (Китая, Индии, Бразилии и России), у каждого из которых определенно появились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние.

Вместе с тем, кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран осуществлять эффективное глобальное

управление и справляться с вызовами эпохи. Как признают многие, даже западные ученые, налицо ослабление влияния и экономический упадок стран Запада, в первую очередь США. Об этом в своей недавней монографии «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» написал Збигнев Бжезинский, последовательный сторонник ослабления России, придя логически к выводу, что «...сегодня мало кто видит Европу серьезным политическим игроком в ближайшем будущем...»¹

Вместе с тем, человечество сегодня сталкивается с огромным количеством общепланетарных проблем, прежде всего с международным терроризмом, который стал основной угрозой и все больше приобретает глобальный характер.

Поэтому очевидно, что главное направление действий – борьба с террористами всех мастей. Противостояние этому злу – задача комплексная, требующая консолидации усилий ведущих держав, в тесной координации с правительством стран-доноров терроризма, развивающихся стран, роль которых неуклонно возрастает.

Сегодня нельзя придерживаться когда-то популярного тезиса, что насилие является повивальной бабкой истории, насилие сегодня, помноженное на современные технологии, современное вооружение, вполне способно уничтожить все живое на нашей планете.

Таким образом, если рассматривать терроризм не столько с формально-юридической точки зрения как уголовно-наказуемое деяние, а с позиций военно-политических подходов, то следует признать, что терроризм является сегодня результатом трансформаций военных технологий.

По результатам специальных исследований² можно судить о характере современных террористических акций: в каждом втором случае террористические акты прямо связаны с боевыми действиями. Это обстоятельство само по себе указывает на доминирование в террористическом арсенале именно военных технологий.

Все чаще специалисты рассматривают терроризм, как особую форму войны.

Известно, что Военная доктрина Российской Федерации среди угроз военной безопасности особо выделяет следующие угрозы террористического профиля:

- ✓ международный терроризм;
- ✓ противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015.

² См. подробнее: Стратегическая оценка прогресса в борьбе с террористической угрозой. Государственный департамент США: Управление по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]. URL: usinfo.state.gov.

целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране;

- ✓ создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных формирований;

- ✓ незаконное распространение (оборот) на территории РФ оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;

- ✓ организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Анализ этого документа позволяет утверждать, что с точки зрения военно-политической безопасности современное государство рассматривает терроризм как угрозу военного характера.

5. Развитие форм и способов финансирования терроризма и экстремизма

Ни для кого не секрет, что для любой деятельности необходимы финансовые вложения. Для того чтобы вести террористическую деятельность, необходимо иметь серьёзные средства (не говоря уже про то, чтобы устраивать диверсии на серьёзных объектах или заниматься международным терроризмом).

Конкретные цели и задачи террористов в финансовой сфере состоят в следующем:

1) оплата расходов на пропаганду радикальных учений, включая финансирование соответствующих учебных заведений, издание и распространение пропагандистских материалов;

2) содержание легальных структур, представляющих интересы террористических организаций (например, благотворительные фонды, информационные агентства);

3) внедрение в государственные структуры, оплата услуг специалистов и чиновников;

4) финансирование подготовки боевиков, в том числе вербовки и содержания тренировочных лагерей, создание и поддержание в боевой готовности «спящих ячеек» террористов;

5) приобретение и изготовление средств совершения террористических акций (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и т. п.);

6) расходы на подготовку террористических актов (приобретение средств связи и транспорта и т. д.);

7) выплата вознаграждений непосредственным участникам террористических операций и компенсаций членам семей погибших террористов.

По оценкам некоторых изданий, бюджет запрещенной в России организации ИГИЛ сопоставим с бюджетами таких стран, как Кыргызстан и Таджикистан¹. Иметь такую сумму без посторонних вливаний, очевидно, невозможно.

В данной главе автор предпримет попытку проанализировать свободно обращающуюся в открытых источниках информацию и сделать выводы – какими же всё-таки способами мировой терроризм получает средства. Хотелось бы так же дополнить, что под финансированием терроризма подразумевается не только предоставление боевикам денежных средств в каком-либо виде, но также и поставка оружия, обмундирования, торговля с террористами и прочая деятельность, материально способствующая деятельности террористов.

¹ URL: <http://islamreview.ru/news/kakaa-zarplata-u-boevikov-igil-dannye-financial-times/> (<http://goo.gl/YsWWci>).

«Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Эта фраза гласит нам о том, что никогда нельзя угадать к чему приведёт твой следующий шаг. Например, ранее созданная США запрещенная в России террористическая организация Аль Каида. Вот только степень участия и виновности США в данном вопросе умалчивается. Существует большое количество точек зрения:

Многие специалисты сходятся в том, что данная организация была создана властями США в ходе операции по вооружению афганских моджахедов во время Афганской войны (1979–1989) «Циклон» против контингента советских войск в Афганистане. США предоставили два транша экономической помощи и военных контрактов для поддержки Пакистана как перевалочной базы в войне против советских войск на территории Афганистана. Первый шестилетний транш (1981–1987) размером в \$3,2 миллиарда, был поровну поделен между экономической помощью и военными контрактами. Кроме того, в период с 1983 по 1987 год Пакистаном было закуплено у США 40 самолётов F-16 на сумму \$1,2 миллиарда. Размер второго шестилетнего транша (1987–1993) составлял \$4,2 миллиарда. Из них \$2,28 миллиарда были выделены на экономическую помощь в виде грантов или ссуд под низкий процент (2-3 %). Остальная часть суммы (\$ 1,74 миллиарда) была предоставлена в форме кредита на военные закупки. Таким образом, стране было предоставлено примерно от 3 до 20 миллиардов долларов США на подготовку и снабжение отрядов афганских моджахедов различного рода вооружением, включая переносные ракетно-зенитные комплексы «Стингер».

Из года в год финансирование программы последовательно увеличивалось благодаря активной поддержке некоторых американских политиков и госслужащих, таких как, конгрессмены Чарльз Уилсон и Гордон Хамфри, директор ЦРУ Уильям Кейси и заместитель министра обороны по политике Фред Айкл. Соответственно логически следует, что после финансирования «борьбы за независимость» вооружённые повстанцы вышли из-под контроля и приобрели привычные нам сейчас очертания. Однако есть мнение, что во время проведения операции «Циклон» в действие уже существовала такая группировка, как Аль Каида, но она имела малый вес и играла небольшую роль в «борьбе за независимость», а также сильно зависела от других, более сильных группировок, например, таких как «Египетский исламский джихад»¹.

Таким образом, фактически США создали одну из крупнейших террористических организаций, снабжая их оружием, техникой и деньгами. И несмотря на всю очевидность происходящего США отрицают их причастность к созданию Аль Каиды. Вместе с тем, при действующей в то время

¹ Burke J. Al-Qaeda: Casting a Shadow of Terror. Tauris, 2003. P. 9.

аналитической системе США ошибок быть не могло, разве что данная деятельность несколько вышла из-под контроля.

Вместе с тем, оружие к террористам может попадать и другим путем. Пример – опять же США, в ходе скандальной операции «Fast and Furious». Целью данной операции являлась слежка за мексиканскими бандформированиями и наркокартелями. Спецслужбы США использовали большое количество стрелкового оружия и взрывчатки (около 2 тыс. единиц), чтобы проследить за транспортировкой контрабанды и закрыть основные каналы поставки запрещённых товаров из США в Мексику. Операция, однако, с треском провалилась и сотни автоматов, пистолетов, револьверов, штурмовых винтовок и взрывчатки попали в руки картелей Sinaloa и La Familia. Впоследствии оружие, потерянное американскими спецслужбами, неоднократно использовалось на территории Мексики и Соединённых штатов. В частности, из него было ранено и убито несколько правительственных агентов и полицейских. Из инспекторского доклада следует, что вина за провал операции «Fast and Furious» полностью лежит на Бюро по контролю за табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами (Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives – ATF). Также инспектор критикует работу практически всех должностных лиц, курировавших операцию¹.

В дальнейшем, данное оружие использовалось наркокартелями и террористами в преступных целях. Так, например, 14 декабря 2010 года во время проведения операции в Ногалесе, штат Аризона, агент Пограничной службы США Брайан Терри был застрелен при попытке арестовать пять человек. Две единицы оружия, найденных на месте происшествия, были связаны с операцией «Fast and Furious». Минусы на этом не заканчиваются, дальнейшая судьба «потерянного» оружия печальна – по сообщениям Могоссон DST (силы внутренней безопасности Марокко), что оружие, потерянное в ходе данной операции, было обнаружено в королевстве Марокко на пути к вооружению повстанцев в Алжире. В частности, Смит-Мекк утверждает, что оружие, винтовки, гранаты, гранатометы, приборы ночного видения, специальная тактическая униформа, а также установки военной техники были задействованы в данной операции².

Данный факт (утрача оружия и его попадание на Восток) нельзя назвать полностью случайным, т. к. в том же интервью подполковник Смит-Мекк подозревает, что агента Терри, возможно, убили за «рытье» слишком глубоко в операции «Fast and Furious». Следовательно говорит, что он (Терри) подал заявление в полицию после того, как 22 марта 2015 года произошёл инцидент, в котором кто-то подошел к нему около 10 часов вечера, когда он выгуливал своих собак, сбил его с ног, ударил ногой в ниж-

¹ URL: <http://russian-bazaar.com/ru/mnews/101528.htm> (<http://goo.gl/IlGsQl>).

² URL: <http://www.prisonplanet.com/breaking-fast-and-furious-was-secret-program-to-ship-arms-to-middle-east-terrorists.html> (<http://goo.gl/8tNDwi>).

нюю часть спины и сказал: «Вы, очевидно, не получили сообщение. Держите рот на замке»¹. Так же даёт повод для сомнений тот факт, что после утери части оружия США продолжало поставки для данной операции, что не может не показаться странным.

Так же одним из способов поддержки терроризма является политика протекционизма. По нашему мнению, примером связи и протекционизма с террористами является недавнее объявление о строительстве турецкой военной базы в Катаре². По мнению многих экспертов, Катар является про-американским государством. По большому счету Катар – это одна большая американская военная база. И для Америки, кстати, она является самой крупной в мире. В 1992 г. Катар подписывает с США соглашение по вопросам обороны и безопасности. Оно предусматривает в чрезвычайной ситуации оказание прямой американской военной помощи, предполагает координацию военных усилий двух государств, проведение совместных военных учений и предоставление Соединенным Штатам права размещения на территории эмирата баз хранения вооружения, военной техники и снаряжения для ВС США и создания американских военных баз в стране. Также США получили доступ к катарским портам и аэродромам. С 1995 г. на территории эмирата на базе в Эс-Сайлия складированы бронетехника, артиллерия, средства ПВО, стрелковое оружие, средства связи, различное снаряжение и имущество для бронетанковой бригады армии США. С этой целью построена специальная база хранения – одна из крупнейших на Ближнем Востоке. С 2002 г. на этой же базе размещен передовой командный пункт (КП) Объединенного центрального командования (ОЦК) ВС США, который, по оценке американцев, имеет «жизненно важное значение» для Соединенных Штатов». С КП в Эс-Сайлие в 2003 г. уже осуществлялось общее руководство американской военной операцией против Ирака.

Также одним из крупнейших военных объектов США за рубежом является военно-воздушная база (ВВБ) Эль-Удейд, расположенная южнее столицы Катара Дохи. Эта база использовалась во всех действиях авиации США против Ирака, а с 2001 г. по настоящее время является мостом для обеспечения боевых действий войск западной коалиции в Афганистане.

В 2003 г., когда Саудовская Аравия потребовала от американцев вывести со своей территории Центр управления воздушными операциями ОЦК, этот объект был передислоцирован в Катар на базу Эль-Удейд. Наряду с базой ВМС на Бахрейне после вывода американских войск из Ирака ВВБ Эль-Удейд остается одной из ключевых опор военного присутствия США в зоне Персидского залива. По информации СМИ, в начале 2012 г. на Эль-Удейд базировались шесть стратегических бомбардировщи-

¹ URL: <http://goo.gl/8tNDwi>.

² URL: <http://www.vz.ru/news/2015/12/16/784171.html> (<http://goo.gl/T49WxG>).

ков

В-1В, военно-транспортные самолеты типа С-17 и С-130, самолеты-заправщики КС-135 и КС-10, базовые патрульные самолеты ВМС Р-3С «Орион», самолет Е-8С радиолокационной разведки и целеуказания объединенной разведывательно-ударной системы «Джистарс»¹.

Стоит отметить, что и самому Катару были предъявлены претензии по поводу его сотрудничества с террористами и террористическими организациями², такими как: Аль-Каида, Братья мусульмане, Талибан, Хамас, Исламское государство и Джабат-эль-Нусра. Разве можно подумать, что США, имеющие огромное влияние на Катар, допустило бы сотрудничество Катара с террористами, при действительной борьбе с терроризмом, объявленной США?

Глядя на взаимодействие Турции с запрещенной в России организацией ИГИЛ и финансированию его посредством закупки нефти, а также уничтожение российского самолёта, также возникает множество вопросов. А вследствие того, что Турция строит военную базу на территории «Американской военной базы» Катара, напрашиваются определённые выводы о том, что Турция – это очередная ветка влияния США для борьбы с Россией, как это было, например, с тем же «Циклоном» в Афганистане.

Другим, достаточно изощренным способом финансирования террористов, являетсякрытие передачи денежных средств и материальных ценностей под прикрытием благотворительных фондов и организаций.

Примером данного вида помощи является недавнее происшествие в Италии: Международная группа по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма (FATF) обнаружила неожиданный источник дохода «Исламского государства». Это благотворительная организация в Италии, куда тысячи человек со всей Европы перечисляли деньги для помощи сирийским детям. Данные средства переправлялись в Турцию, а затем попадали в руки террористов. В Италии организовать такую аферу легче, чем в других европейских странах, так как НКО в этой стране не обязаны отчитываться за движение средств на своих банковских счетах. Исполнительный секретарь FATF Дэвид Льюис считает, что государства прилагают недостаточно усилий, чтобы перекрыть экстремистам доступ к денежным потокам. FATF: «Информацию по делу нам предоставили власти Италии, одного из первых и наиболее активных членов FATF. Эти данные подтверждают, что некоммерческие и благотворительные организации умышленно или непреднамеренно могли участвовать в финансировании терроризма»³.

¹ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/71228/> (<http://goo.gl/ku9Lr8>).

² URL: <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/170442#.VEFQAvmSyX8>; <https://lenta.ru/news/2014/03/07/decree> (<https://goo.gl/yKVQOE>).

³ URL: <http://pravdoryb.info/v-italii-obnaruzheny-blagotvoritelnye-fondy-finansiruyuschie-ig-77715.html> (<http://goo.gl/ZdNbqA>).

Работа этой схемы была достаточно проста: тысячи физических и юридических лиц со всей Европы переводили средства на счёт благотворительной организации в итальянском банке. Далее деньги отправлялись в Турцию, а там их снимал со счёта вербовщик «Исламского государства», который с помощью НКО собирал средства для террористической группировки.

В то же время в непрямом пособничестве мировому терроризму можно предъявить обвинения большому количеству стран: многие из них приняли законы, создали учреждения и органы финансовой разведки для борьбы с терроризмом и проведения расследований, но при этом не занимаются эффективной реализацией предложенных мер, особенно это касается заморозки активов. По исследованию FATF оказалось, что две трети стран, входящих в список членов ООН, ещё не заморозили средства террористов. Те же государства, которые реализуют эти меры, действуют не слишком оперативно – в большинстве случаев оперативное реагирование затягивается на срок от двух дней до месяца, в то время как на эффективный ответ нужны считанные часы. Излишне говорить, что за это время активы могут исчезнуть без следа, а необходимые операции могут быть произведены.

Ещё одним, но достаточно старым примером, может служить благотворительный фонд Benevolence International Foundation. Энаам Арнаут, американец сирийского происхождения, возглавляющий мусульманскую благотворительную организацию Benevolence International Foundation, признал себя виновным в финансировании боевиков в Чечне и Боснии. Об этом сообщает BBC. Арнаут признался: на деньги фонда покупались сапоги и военная форма для боевиков. Взамен американское правосудие сняло с него обвинения в помощи «Аль-Каиде». Вместе с тем представители правосудия отмечают, что они в любой момент смогут доказать, что Арнаут финансировал террористическую сеть бен Ладена, и окончательно от этой идеи не отказались.

Benevolence International Foundation был основан в 1992 году и с тех пор успел потратить на «благотворительные» цели 20 млн долларов. 14 декабря 2001 года фонд был закрыт, а его средства заморожены в рамках кампании по борьбе с финансированием терроризма¹.

Пожалуй, еще одним примером может выступать относительно недавний случай в Великобритании. Наблюдательные органы за благотворительной деятельностью подозревают, что пожертвования британцев в благотворительные фонды, могли быть присвоены исламистами и направлены в Ирак и Сирию для финансирования боевиков. Из 86 благотворителей 37 собирали денежные средства в Великобритании и отправляли их в виде

¹ URL: [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fw0Rv_PsmkoJ:mirror581.graniru.info/Events/Terror/m.22459.html+&cd=24&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; http://goo.gl/0X0YA4\); https://en.wikipedia.org/wiki/Benevolence_International_Foundation.](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fw0Rv_PsmkoJ:mirror581.graniru.info/Events/Terror/m.22459.html+&cd=24&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; http://goo.gl/0X0YA4); https://en.wikipedia.org/wiki/Benevolence_International_Foundation.)

гуманитарной помощи в Сирию. По мнению Уильяма Шоукросса, председателя Комиссии по благотворительности при правительстве Великобритании, часть благотворительных взносов была направлена боевикам террористической группировки «Исламское государство»¹, запрещенной в России.

Следующий способ, достаточно актуальный в настоящее время – прямое сотрудничество с террористами. Согласно имеющимся сведениям, представители запрещенной в России организации ИГИЛ при содействии турецких спецслужб создали на территории г. Анталя разветвленную сеть вербовки лиц, прибывающих в Турцию из государств постсоветского пространства, для задействования в сирийском конфликте и возможной переброски в Россию. В марте 2014 г. глава МИТ Турции (Национальная разведывательная организация) Х. Фидан координировал перемещение крупного формирования запрещенной в России организации ИГИЛ, возглавляемого ливийцем Махди Ал-Харати. Заброска боевиков осуществлялась морским путем из Ливии в Сирию через пограничный пункт пропуска «Барсай» на турецко-сирийской границе.

С конца декабря 2015 г. при содействии турецких спецслужб организован воздушный канал переправки боевиков запрещенной в России организации ИГИЛ из Сирии через Турцию в Йемен с использованием военнотранспортной авиации Турции. Альтернативным способом доставки боевиков является морской транспорт, направляемый в йеменский порт г. Аден. Известно о предоставлении в приграничных с Сирией районах Турции мест для отдыха и лечения раненых боевиков запрещенной в России организации ИГИЛ.

В Газиантепе в 2014 г. на реабилитации находилось не менее 700 боевиков, и в Газиантепе же летом 2016 года произошел чудовищный даже по меркам Ислама теракт на свадьбе.

Вместе с тем, согласно имеющимся сведениям, с 2015 г. из г. Анталя в г. Эскишехир при участии турецких спецслужб передислоцирована т. н. «татарская деревня». В ней размещаются боевики и пособники террористической группировки «Джабхат Ан-Нусра», запрещенной в России из числа бывших жителей татарской национальности республик Татарстан, Башкортостан и Мордовия. Некоторые из них, наряду с российским, имеют также турецкое гражданство. Известно, что 21 сентября 2015 г. в сирийском населённом пункте Тель Рыфат представителями сирийской оппозиции, прошедшими военную подготовку в лагере на территории Турции в г. Кыршехир, осуществлена передача оружия боевикам из «Джабхат Ан-Нусра», запрещенной в России.

Согласно имеющимся сведениям, продолжают поставки оружия террористическим группировкам в Сирии с использованием возможностей

¹ URL: <http://mk-london.co.uk/news/u508/2014/11/02/5379> (<http://goo.gl/OlqqDg>).

базирующихся в Турции фондов «İnsan Hak Ve Hürriyetleri Ve İnsani Yardım Vakfı» (ІНН), «İmkander» и «Oncu Nesil İnsani Yardım Derneği». Поставки различных видов оружия, военной техники и боеприпасов осуществляются из ряда зарубежных стран в турецкий порт Искендерун. Из порта военно-технические средства вывозятся через провинцию Хатай (КПП «Онджюпынар») в сирийские районы городов Алеппо и Идлиб грузовым автотранспортом, принадлежащим фондам ІНН и «İmkander», «Oncu Nesil» и имеющим турецкие государственные номера: 33 SU 317, 06 DY 7807, 33 SU 540, 33 SU 960, 42 GL 074, 31 R 5487.

На территории Сирии оружие и боеприпасы распределяются туркоманским бандгруппам и формированиям «Джабхат Ан-Нусра», запрещенной в России. 15 сентября 2014 г. из турецкого г. Бурса через КПП «Джейланпынар» (район Рейханлы) представители ІНН автотранспортом отправили оружие и медикаменты на территорию Сирии для формирований запрещенной в России организации ИГИЛ. Указанный груз по территории Турции следовал в сопровождении автомобилей сотрудников МІТ¹. Очевидно, что действия Турции направлены на прямое сотрудничество с запрещенной в России организацией ИГИЛ. Одновременно Турция под прикрытием антитеррористической операции ввела войска в северные районы Сирии, открыто ведет боевые действия против курдского ополчения, которое согласно международным соглашениям принято считать «умеренной оппозицией» и которые как раз активно ведут боевые действия в отношении формирований боевиков Исламского государства. Вместе с тем США заявили о поддержке позиции Турции, включив ее негласно в состав антитеррористической коалиции и одновременно запретив почему-то пролет самолетов российских ВКС в зоне ответственности блока антитеррористической коалиции, возглавляемого США. Данные факты свидетельствуют как минимум о наличии двойных стандартов в отношении борьбы с запрещенным в России Исламским государством, а если смотреть шире, то и законспирированной поддержке последнего.

Так же существует точка зрения, что возможны тайные связи Британии с правительствами и фирмами, стоящими за продажей нефти запрещенным в России организации ИГИЛ. При этом вкратце стоит объяснить, что Британию и её компанию обвиняют в сотрудничестве с запрещенной в России организацией ИГИЛ (в плане реализации нефтяных месторождений). Британская энергетическая компания с серьезной поддержкой со стороны влиятельных политических кругов Соединенного Королевства управляет нефтяным месторождением, которое снабжает Базианский нефтеперерабатывающий завод, принадлежащий группе Noka. Нефтеперерабатывающий завод, принадлежащий группе Noka, грузовики которой были замечены перевозящими нефть запрещенной в России организации

¹ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/109437/> (<http://goo.gl/fGvqrH>).

ИГ по курдской провинции ранее в этом году, снабжается с месторождения «Так Так» Регионального правительства Курдистана.

Данное нефтяное месторождение дает в целом около 100000 баррелей нефти в день, большая часть этого объема отправляется на местные нефтеперерабатывающие заводы. Британско-турецкая фирма Genel Energy владеет 45 %-й долей в месторождении «Так Так». Genel Energy была создана в результате слияния британской фирмы Vallares Plc и турецкой компании Genel Enerji на сумму 2,1 миллиардов долларов в 2011 году. Фирмой управляет Тони Хэйворд, бывший президент «British Petroleum» (BP). На вопрос о позиции Genel в отношении работы с организациями, которые якобы замешаны в финансировании терроризма запрещенной в России организации ИГИЛ, Эндрю Бенбоу, представитель англо-турецкой компании, заявил: «Это все вопросы, которые следует задавать Всепартийной парламентской группе, а не нам».

Годом ранее Всепартийная парламентская группа (ВПП) по иракскому Курдистану обнародовала доклад своей миссии по выяснению положения в провинции, рекомендовав, чтобы специальный комитет по иностранным делам провел расследование. В рамках этой миссии британский член парламента от партии консерваторов Надим Захави, сопредседатель ВПП по Курдистану, посетил в ноябре 2013 года нефтяное месторождение «Так Так», которым управляет Genel Energy. У Захави имелись акции Genel Energy, согласно Регистру владений Палаты общин, который показывает, что он задекларировал свою связь с Genel в июне 2013 года. Согласно Захави, он продал свои акции в компании Genel 30 апреля 2014 года. Позднее Захави был назначен Дэвидом Кэмероном в Управляющий совет премьер-министра с особой ответственностью за бизнес и экономику.

К июню 2014 года Захави был назначен членом специального комитета по иностранным делам и играл ключевую роль в его расследовании политики правительства. «Это, конечно, очень серьезные обвинения, о которых я ранее не знал, и которые не предоставлялись для расследования специальным комитетом», – сказал Захави по поводу письма посла Уоллеса группе Nokan Group. Он объяснил, что комитет проведет расследование источников финансирования запрещенной в России организации ИГИЛ в дальнейшем. Захави также отрицал, что он знает о внутреннем расследовании в Региональном правительстве Курдистана поддержки терроризма запрещенной в России организации ИГИЛ, а также об обвинениях касательно отношений компании Genel с группой Nokan. «Как бывший индивидуальный акционер», – объяснил он, – «у меня не больше информации о деталях их работы, чем у любого другого индивидуального акционера или рядового гражданина. Я бы посоветовал передать ваши свидетельства и вопросы напрямую компании Genel».

Всепартийная парламентская группа (ВПП) по иракскому Курдистану тесно связана как с управляемым партиями ПСК (патриотический союз

Курдистана) – ДПК (демократическая партия Курдистана) правительством, так и с западными нефтяными интересами в провинции. Гэри Кент, являющийся директором «Лейбористских друзей Ирака», напрямую получает деньги от компании Gulf Keystone Petroleum, которая осуществляет значительные инвестиции в нефтяные активы Регионального правительства Курдистана, за услуги секретаря ВПГ. Региональное правительство Курдистана и его британское представительство также обеспечивают «административные услуги» для ВПГ, включая «обеда для парламентариев», ежегодные приемы и финансирование групповых делегаций в провинцию.

Предоставленные данные дают повод полагать о связи Великобритании с запрещенной в России организации ИГИЛ в качестве пособника по реализации нефтяной продукции наряду с Турцией.

Министерство обороны России обвинило президента Турции Реджепа Эрдогана в покупке нефти у запрещенной в России организации «Исламское государство». По данным ведомства, существует три маршрута доставки нефти из Сирии в Турцию. Как сообщает заместитель министра обороны Анатолий Антонов, террористы используют не менее 8,5 тысяч автомобилей-наливняков и перевозят до 200 тысяч баррелей нефти в сутки. Он подчеркнул, что в продажу нефти «вовлечено высшее политическое руководство страны, президент Эрдоган и его семья». «Доходы от продажи нефти являются одним из важнейших источников деятельности террористов в Сирии. Они зарабатывают около 2 миллиардов долларов ежегодно, расходуя эти средства на наем боевиков по всему миру, оснащение их оружием, техникой, вооружением»¹. Стоит отметить, что доказательства о связи Турции с запрещенной в России организации ИГИЛ предоставлены были², однако Эрдоган, вопреки своим обещаниям³, пост президента Турции не покинул.

Появление виртуальных валют привлекло инвестиции в платёжную инфраструктуру, основанную на протоколах их программного обеспечения. Такие платёжные механизмы предназначены для предоставления нового способа перевода стоимости через Интернет. В то же самое время, платёжные продукты и услуги на основе виртуальной валюты представляют риски отмывания денег и финансирования терроризма. ФАТФ осуществила предварительную оценку таких рисков в своём отчёте «Виртуальные валюты – ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ».

В рамках используемого ею поэтапного подхода ФАТФ также подготовила Руководство, в котором главным образом рассматриваются центры, в которых пересекаются различные виды деятельности и обеспечива-

¹ URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1698397.html> (<http://goo.gl/SEL2a4>).

² URL: <http://izvestia.ru/news/597986>.

³ URL: http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151201_erdogan_resignation_pledge (<http://goo.gl/GmXIel>).

ется возможность доступа к регулируемой финансовой системе, в частности – к провайдерам услуг по обмену конвертируемых виртуальных валют.

С одной стороны, виртуальные валюты, такие как биткоин, открывают широкие возможности для инноваций в финансовом секторе. Но они также привлекают внимание различных преступных группировок и могут представлять риски. Эта технология позволяет осуществлять анонимные переводы денежных средств в международном масштабе. Хотя факт исходного приобретения валюты может быть установлен (например, в банковской системе), трудно выявить все последующие переводы виртуальной валюты. По наблюдениям Секретной службы США, преступники ищут и находят виртуальные валюты, которые обеспечивают анонимность как пользователей, так и операций; позволяют быстро переводить незаконные доходы из одной страны в другую; характеризуются невысокими колебаниями обменных курсов, что снижает риски обменных операций; широко принимаются в уголовном мире; характеризуются доверием. Правоохранительные органы также обеспокоены использованием виртуальных валют террористическими организациями. Они отмечали случаи использования сайтов, связанных с террористическими организациями, для содействия сбору пожертвований в биткоинах.

Широкая доступность и анонимность Интернета и быстрое распространение социальных сетей используется террористическими группировками для сбора денежных средств у сочувствующих им людей во всём мире, представляя слабое место в плане финансирования терроризма. Террористические организации широко используют социальные сети для ведения пропаганды терроризма и установления контактов с сочувствующими им людьми. Многие иностранные боевики-террористы из Европы и Запада в целом активно используют социальные сети для документального фиксирования в режиме реального времени своих отдельных акций и деятельности в целом в зонах конфликтов. Вместо использования официальных аккаунтов, предоставляемых террористическими группировками, большинство этих иностранных боевиков-террористов обращаются и получают информацию о конфликте от так называемых «распространителей», которые формально не связаны с террористическими организациями, но при этом благожелательно относятся к их идеологии и вносят значительный вклад в эскалацию конфликтов. Данное обстоятельство значительно снизило возможности степени контроля информации со стороны террористических группировок. Таким образом, частные лица стали оказывать большее влияние на восприятие конфликта его участниками.

Помимо прочего, социальные сети используются также для координации усилий по сбору денежных средств. В крупномасштабных и хорошо организованных схемах по сбору денежных средств в целях финансирования терроризма могут участвовать до нескольких тысяч «спонсоров» и, как следствие, возможно осуществление сбора значительных сумм наличных

денег. На сегодняшний день террористические организации могут вести информационно-пропагандистскую работу среди огромной аудитории, используя двустороннюю горизонтальную связь, которая начинается в чатах и на форумах, продолжается в социальных сетях (таких как Фейсбук, Твиттер и Инстграм) и иногда поддерживается с помощью приложений для средств мобильной связи (таких как «WhatsApp» и Viber) или более защищённых сетей связи (таких как «Surespot» и «VoIP»). Именно с данным фактом связаны попытки официальных властей блокировать работу таких мессенджеров, как Periscope и Telegram.

Помимо потенциальных иностранных боевиков-террористов, жертвователи также являются важной целевой аудиторией в социальных сетях. Например, в 2013 году один из участников группы, обсуждавшей рецепты для женщин в Фейсбуке, разместил объявление о сборе денежных средств. В сообщении был упомянут боевик, имя которого не было названо, воюющий в Сирии, и срочно нуждающийся в «снаряжении, продуктах питания и лекарствах». В объявлении также были указаны сроки сбора и отправки денежных средств, при этом названный участник указал реквизиты счёта в немецком банке, на который следовало перечислять средства. Не удалось доказать, был ли автор размещённого в Фейсбуке объявления инициатором этого начинания. В то время как владелец аккаунта являлся новообращённым сторонником террористов и подозревался в координировании размещения этого призыва.

Использование методов организованного «краудфандинга»¹ (сбора средств от общественности) также представляет один из методов финансирования терроризма.

Являясь способом, позволяющим компаниям, организациям или частным лицам осуществлять сбор денег через Интернет за счёт пожертвований или инвестиций, поступающих от большого количества людей, краудфандинговые сайты в Интернете в то же время позволяют легко открывать страницы для сбора денежных средств и получать пожертвования. Часто краудфандинг может использоваться в целях сокрытия истинной цели кампании по сбору средств.

Лица и организации, пытающиеся осуществить сбор средств для целей поддержки терроризма и экстремизма, могут утверждать, что они занимаются законной благотворительной или гуманитарной деятельностью, и даже создавать некоммерческие организации в этих целях. В некоторых случаях жертвователи не знали о конечном использовании денежных средств, собранных путём краудфандинга и в социальных сетях. Помимо собственно сбора средств в целях финансирования терроризма, методы

¹ Новые риски финансирования терроризма [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/fatf/Emerging-Terrorist-Financing-Risks_Russian.pdf.

краудфандинга могут также использоваться для неконтролируемого со стороны финансовых учреждений перевода денег за рубеж.

К примеру, канадское подразделение финансовой разведки сталкивалось со случаями, когда лица, в отношении которых проводились расследования за совершение преступлений, связанных с терроризмом, в том числе за попытки выезда из страны в целях осуществления террористической деятельности за рубежом, использовали краудфандинговые сайты в Интернете до выезда или перед попыткой выезда из Канады.

В одном случае после получения информации от правоохранительных органов о том, что человек выехал из Канады, подотчётное учреждение провело анализ счёта этого человека и направило сообщение о подозрительных операциях в канадские правоохранительные органы.

В сообщении содержалась подробная информация относительно краудфандингового сайта, который был описан в сети Интернет как международный краудфандинговый сайт, позволяющий людям легко и просто открывать краудфандинговые страницы и осуществлять сбор пожертвований. В частности, Коммерческий банк охарактеризовал компанию как «профессионального провайдера услуг». Большинство пожертвований декларировались как собираемые на цели оказания помощи людям, пострадавшим от конфликтов в странах Ближнего Востока.

Часто подставные некоммерческие организации пользуются теми же методами, что и легитимные и благотворительные организации, например, запуская так называемые «вирусные кампании» в социальных сетях в целях привлечения сторонников и обращения с призывами к жертвователям.

Более подробно этот вопрос рассматривается в отчёте ФАТФ, посвящённом запрещенной в России организации Исламское государство. При этом собираемые денежные средства зачастую идут на оказание материальной поддержки иностранным боевикам-террористам (оплата за мобильную связь, авиабилетов, а также за различные товары и услуги, заказываемые через Интернет) или на подготовку террористических актов.

Однако некоторые примеры показывают, что жертвователи в социальных сетях и на краудфандинговых сайтах не знали о конечном использовании пожертвованных ими средств. Например, в настоящее время продолжаются расследования, касающиеся мошеннических краудфандинговых кампаний, организованных активными членами экстремистских и террористических организаций в качестве прикрытия для получения денежных средств.

Как правило, объявления о сборе средств размещаются в социальных сетях и на тематических веб-сайтах, а также в специализированных сетях, закрытых форумах в Интернете, и рассылаются в частных сообщениях. Для сокрытия истинных целей сбора средств и во избежание блокировки в таких объявлениях часто не указывается напрямую о том, что средства собираются для финансирования терроризма.

Вместо этого используются расплывчатые формулировки или указывается, что средства собираются якобы на благотворительные и гуманитарные цели. Объявления о сборе средств и реквизиты могут размещаться не в текстовой форме (например, в виде картинки или видео), что делает невозможным выявление такого рода объявлений с помощью стандартных поисковых систем, а также затрудняет определение сайтов, на которых размещаются такие объявления. Помимо прочего, это значительно усложняет поиск указанных объявлений с помощью известных реквизитов. При этом большинство используемых террористами социальных сетей неумышленно предоставляют террористическим группировкам и их сторонникам платформу для финансирования терроризма.

Следует подчеркнуть, что компании, организующие и поддерживающие подобные социальные сети сами по себе, могут не участвовать в такого рода преступной деятельности, а напротив во многих случаях сотрудничают с компетентными органами, предоставляя им информацию и закрывая или блокируя такие аккаунты.

Более того, во второй половине 2014 года такие социальные сети, как Твиттер, активизировали усилия по блокировке аккаунтов, играющих ключевую роль в пропаганде терроризма. В целях привлечения как можно большего количества людей организаторы онлайн-кампаний по сбору средств могут использовать самые разные платёжные системы и инструменты для получения денег, которые популярны среди различных групп потенциальных «спонсоров». Например, лица, связанные с запрещенной в России организации Исламское государство, разместили в Твиттере призыв делать пожертвования и предложили жертвователям связываться с ними по «Скайпу».

Установив связь по «Скайпу», эти лица просили жертвователей покупать международные предоплаченные карты (кредитные карты для мобильных телефонов, либо «Apple» или другие программы, либо кредитные карты для оплаты игр в Интернете) и передавать им номера таких предоплаченных карт по «Скайпу». После это человек, занимавшийся сбором средств, пересылал номера предоплаченных карт одному из своих сторонников в соседней с Сирией стране, который продавал эти номера карт по заниженной цене и передавал полученные наличные деньги запрещенной в России организации Исламское государство¹.

Наиболее привлекательными для террористов и их сторонников платёжными системами, которые незаконным образом используются в целях финансирования терроризма, являются системы, предусматривающие высокую степень конфиденциальности и возможность удалённого управления счётами. Члены террористических сетей могут получить доступ к регулируемой финансовой системе, зарегистрировав платёжные инструмен-

¹ Там же.

ты на имя третьих лиц. По причине простой процедуры регистрации и относительно высокого уровня анонимности указанные лица часто пользуются системами онлайн-платежей. Во избежание обнаружения, организаторы и пособники таких схем обеспечивают «смену» платёжных реквизитов (электронных кошельков, кредитных карт, номеров мобильных телефонов и т. д.), размещая информацию о соответствующих изменениях на соответствующих ресурсах Интернет. В меньшей степени используются в такого рода схемах новые способы платежей, такие как электронные кошельки. При этом наряду с указанными системами онлайн-платежей продолжают использоваться известные и традиционные способы платежей.

В качестве примера крупномасштабной схемы краудфандинга с использованием электронных кошельков можно привести следующий: группа лиц под руководством г-на «А» (Группа «А») организовала схему по сбору денежных средств через социальные сети и Интернет. Эта группа лиц зарегистрировала множество электронных кошельков, кредитных карт и номеров мобильных телефонов. Реквизиты были размещены в Интернете (в том числе в социальных сетях) под предлогом сбора пожертвований для сирийских беженцев, людей, нуждающихся в медицинской и финансовой помощи, а также на строительство мечетей, школ и детских садов. В формулировках содержались косвенные намёки на то, что деньги предназначались в качестве финансовой поддержки террористической деятельности. На самом деле деньги направлялись в качестве помощи террористам и их семьям, а также на поддержку террористической деятельности. Деньги направлялись либо на счета кредитных карт, либо на электронные кошельки. После ряда переводов собранных средств они снимались наличными для дальнейшей перевозки курьерами. Управление платёжными инструментами осуществлялось через Интернет, в том числе с использованием мобильных устройств.

Также отмечены случаи, когда наличные деньги вновь аккумулировались на других счетах. Целью таких схем является разрыв цепочки и сокрытие источника денег и их конечных получателей.

Одновременно во избежание подозрений деньги также направляются через несколько юрисдикций или посылаются через транзитные страны. При этом неоправданно подозревать все компании, организующие и поддерживающие социальные сети, которые зачастую сами не являются прямыми соучастниками финансирования терроризма и в целом сотрудничают с властями, предоставляя информацию и даже закрывая или блокируя такие аккаунты. Более того, при наличии подозрений в нарушениях провайдеры услуг и операторы краудфандинговых сайтов по приёму платежей могут предоставить следствию ценную информацию. В большинстве случаев информация, предоставленная в ходе судопроизводства, включала персональные идентификационные данные, сведения об операциях, IP адреса и информацию о счетах.

К примеру, благодаря социальным сетям, благотворительная организация была привлечена к ответственности за финансирование терроризма¹. Данная благотворительная организация была создана в 2012 году с целью сбора средств для гуманитарных проектов на палестинских территориях и в Сирии. В августе 2013 года после проведения кампании по сбору пожертвований эта благотворительная организация отправила в Сирию два автомобиля скорой помощи с медицинским оборудованием для строительства больницы. В Фейсбуке были размещены соответствующие фотографии для подтверждения реальных результатов проекта и связи с жертвователями. Спустя месяц эта благотворительная организация разместила в социальных сетях новое объявление о сборе средств, указав, что три члена организации планируют перевести собранные деньги в Турцию. Сотрудники таможни во французском аэропорте обнаружили, что каждый из этих трёх человек перевозил с собой 9 900 евро, что было ниже суммы, требующей обязательного декларирования. Однако только 6000 евро предназначались на гуманитарные нужды, а остальные деньги планировалось передать иностранным боевикам-террористам. В январе 2014 года административным распоряжением были заморожены активы этой благотворительной организации и четырёх её членов. В ноябре 2014 года организация была ликвидирована, а два её члена были арестованы за финансирование терроризма и преступный сговор в связи с террористической деятельностью. В качестве доказательств правоохранные органы использовали публичные сообщения и фотографии, размещённые в Фейсбуке.

Также имеется ряд взаимосвязанных проблем в области противодействия финансированию терроризма, связанных с использованием социальных сетей для сбора денежных средств. Часто невозможно отличить сочувствующих лиц, людей, оказывающих поддержку, и реальных террористов. По причине ложного указания целей, на которые собираются средства, компетентные органы сталкиваются с серьёзными трудностями при выявлении людей, сознательно или неумышленно предоставляющих денежные средства. Часто возникают сложности и с получением доказательств использования денежных средств, в случае их перевода через глобальную сеть Интернет.

Некоторые специалисты предлагают (если это позволяет законодательство, и с учётом соблюдения неприкосновенности частной жизни и прав человека) рассмотреть возможность мониторинга, блокирования или удаления сайтов в целях недопущения их использования.

Также возможно рассмотреть вопрос о включении краудфандинговых сайтов и других компаний в категорию подотчётных организаций, а также о внесении соответствующих изменений в законы и нормативные акты, применительно к новым способам платежей.

¹ Там же.

Одним словом, для обеспечения более эффективного использования информации в социальных сетях для проведения расследований и представления её в качестве доказательств в суде ещё многое предстоит сделать. При этом компетентные органы, используя для этого установленные законные каналы, могли бы предоставлять подотчётным организациям дополнительную стратегическую информацию.

В этой связи компетентным органам следует рассмотреть возможность более тесного сотрудничества с частным сектором для получения доступа к дополнительным данным и проведения более глубокого анализа, что, помимо прочего, может включать внесение изменений в требования о предоставлении информации из Интернета.

По мере изменений технологий или умышленных попыток обхода мер, принимаемых правоохранительными органами в целях противодействия финансированию терроризма способы финансирования терроризма, также продолжают развиваться и совершенствоваться.

Электронные и онлайн платежи, а также новые способы платежей представляют собой уязвимое место, которое в ближайшем будущем может стать серьёзной проблемой в связи с ростом общих масштабов использования таких систем. Многие из этих систем доступны во всём мире и используются для быстрого перевода денежных средств. Помимо этого, ряд систем онлайн платежей, а также цифровые валюты, сами по себе обеспечивают анонимность, что делает их привлекательными для финансирования терроризма, особенно если платежная система находится в юрисдикции с относительно слабым режимом правоохранительной деятельности.

Многие новые способы схожи с методами отмывания денег, используемыми организованными преступными группировками, и основаны на новых технологиях, получающих всё более широкое распространение. В период с 2006 по 2010 годы ФАТФ опубликовала ряд типологических исследований. В них рассматривалось возможное незаконное использование преступниками новых платёжных продуктов и услуг. Также были выявлены факторы риска, которые значительно отличаются в зависимости от функциональных возможностей того или иного платёжного продукта или услуги. Кроме того, в указанных отчётах исследовались меры, которые могут быть специально разработаны в целях снижения специфических рисков, представляемых конкретными новыми продуктами или услугами.

Еще в 2013 году ФАТФ выпустила руководство по применению риск-ориентированного подхода в отношении предоплаченных карт, мобильных платежей и систем платежей через Интернет.

В свою очередь, появление виртуальных валют привлекло инвестиции в платёжную инфраструктуру, основанную на протоколах их программного обеспечения. Такие платёжные механизмы предназначены для предоставления нового способа перевода денежных средств через глобальную сеть Интернет. Вместе с тем, помимо прочего, платёжные продукты и

услуги на основе виртуальной валюты представляют собой действенный и достаточно эффективный инструмент отмывания денег и финансирования терроризма.

Иллюстрируя данный тезис можно привести следующие данные¹: 28 августа 2015 года Али Шукри Амин был приговорён к 11 годам тюремного заключения с последующим пожизненным нахождением под надзором полиции. Данный приговор был вынесен ему за деятельность в Интернете, направленную на оказание материальной поддержки и предоставление ресурсов запрещенной в России организации ИГИЛ. Подозреваемый 11 июня 2015 года признал себя виновным и признался, что использовал Твиттер для консультирования и воодушевления запрещенной в России организации ИГИЛ и его приспешников. При этом, Амин, используя ник @Amreekiwitness, давал инструкции о том, как использовать виртуальную валюту биткоин для маскировки предоставления денежных средств запрещенной в России организации Исламское государство, а также советы его сторонникам, желающим отправиться в Сирию для участия в боевых действиях на стороне запрещенной в России организации ИГИЛ. Также обвиняемый признал, что оказал содействие подростку из Вирджинии, который в 2015 году собрался отправиться в Сирию для вступления в ряды запрещенной в России организации ИГИЛ. Этому подростку 10 июня 2015 года в Восточном округе Вирджинии были предъявлены обвинения в сговоре с целью оказания материальной поддержки террористам, в сговоре с целью предоставления материальной поддержки запрещенной в России организации ИГИЛ, а также в сговоре с целью убийства и нанесения телесных повреждений людям за рубежом.

Доказано, что Твиттер-аккаунт Амина посетили более 4 000 сторонников, разместив при этом свыше 7 000 сообщений в поддержку запрещенной в России организации ИГИЛ. На данном ресурсе обвиняемый, в частности, использовал этот аккаунт для обсуждения в Твиттере способов оказания финансовой поддержки запрещенной в России организации ИГИЛ с использованием онлайн- валюты, такой как биткоин, а также методы создания безопасной системы сбора пожертвований или финансирования запрещенной в России организации ИГИЛ.

К примеру, Амин разместил в Твиттере ссылку на написанную им статью под названием «Bitcoin wa' Sadaqat al-Jihad» (Биткоин и благотворительная деятельность для джихада). В данной статье рассматривались способы использования биткоинов, а также возможность использования этой валюты джихадистами для целей финансирования своей деятельности. При этом в данной статье достаточно подробно разъяснялось, что представляет из себя биткоин, как функционирует эта система виртуальной валюты, а также предлагалось использовать новый биткоиновый ко-

¹ Там же.

шелёк – Dark Wallet, обеспечивающий анонимность пользователя биткоинов. Кроме того, в статье содержались указания о том, как создать анонимную систему сбора пожертвований для отправки денег моджахедам с использованием биткоинов.

Также серьезную обеспокоенность правоохранительных органов вызывает использование террористическими организациями виртуальных валют. Правоохранительные органы различных государств отмечали случаи использования сайтов, связанных с террористическими организациями, для содействия сбору пожертвований в биткоинах.

Помимо этого, правоохранительные органы выявили случаи, когда экстремисты обсуждали в Интернете возможность использования виртуальных валют для приобретения оружия, а также возможность обучения менее подкованных в техническом плане экстремистов способам использования виртуальной валюты. Например, пост в блоге, связанном с запрещенной в России организации ИГИЛ, предлагал использовать биткоины для финансирования международной экстремистской деятельности.

Также для целей финансирования терроризма широко используется такой финансово-кредитный инструмент, как предоплаченные карты.

Предоплаченные карты представляют собой карты, в которых данные записаны непосредственно на самой карте или хранятся удалённо, и на которые положена определённая сумма электронных денег или стоимости. Несмотря на большое количество самых разнообразных предоплаченных карт, наибольшую озабоченность вызывают карты многоэмитентных (открытых) систем, с которых денежные средства могут сниматься через банкоматы во всём мире. В их число входят платёжные карты так называемых «фирменных» сетей, позволяющие совершать операции с любой торговой точкой или поставщиком услуг, входящих в сеть (например, Visa или MasterCard). Так называемые перезагружаемые предоплаченные карты (GPR) являются финансовыми продуктами, которые клиенты могут заказывать через Интернет или приобретать в различных розничных сетях.

Такие карты активируются потребителями позднее по телефону или по Интернету. Данные продукты функционируют как любые другие дебетовые карты, эмитируемые банками. Предоплаченные карты постепенно приходят на смену дорожным чекам в качестве средства перемещения денег за рубеж.

С точки зрения рисков финансирования терроризма, такие карты могут пополняться на родине с использованием наличных денег или электронными способами, не требующими отчётности, а затем незаметно выводиться за рубеж без какого-либо декларирования их трансграничной перевозки. После того, как такая карта оказывается в стране, использующей-

ся для транзита денег, предназначенных для финансирования терроризма, деньги обналичиваются путём снятия их с карты через расположенные за рубежом банкоматы, при этом единственным ограничением является сумма разового снятия наличных денег через банкомат. Как только карта с положенными на неё деньгами вывезена за рубеж, денежные средства оказываются доступными с минимальным шансом того, что это будет обнаружено. Данная ситуация еще усугубляется тем, что на провайдеров предоплаченных карт, суммы на которых не превышают пороговое значение, установленное в целях противодействия финансированию терроризма, не распространяются требования о надлежащей проверке клиентов. В этой связи установление по карте личности приобретшего её человека может быть затруднено.

Более того, некоторые из этих систем предусматривают возможность распоряжаться одной и той же суммой денег с помощью нескольких карт. К примеру, стороннее лицо может положить деньги с помощью одной карты, а получатели за рубежом могут получить доступ к этим деньгам с помощью другой «связанной» карты.

Помимо этого, любой человек может получить доступ к денежным средствам, хранимым на таких картах, с помощью прилагаемого PIN кода, что позволяет отправлять карты третьим лицам более просто и безопасно, нежели наличные деньги. Наконец, некоторые предоплаченные карты обеспечивают возможность проведения переводов между физическими лицами.

Многие крупные солидные компании регистрируют соответствующие данные и ведут учёт, аналогичный тому, который осуществляется в отношении кредитных карт или расходных операций. В таких случаях компании могут предоставлять эти данные компетентным органам в принудительном порядке, например, в соответствии с судебным распоряжением. Такие данные могут включать информацию о самой карте, в том числе:

- Дату активации карты;
- Информацию о держателе карты, к примеру, номер телефона и адрес электронной почты;
- Информацию об осуществлённых операциях;
- Данные о времени и месте проведения операции;
- IP адрес, использованный при входе в систему.

Например, в Австралии имеется продукт, позволяющий владельцу в течение 24 часов класть на карту 5 000 австралийских долларов путём электронного перевода этих денег и хранить на такой карте до 20 000 австралийских долларов в течение 21 дня¹. Постоянное пополнение карты на сумму 5 000 австралийских долларов в сутки путём внутренних электронных переводов денег позволяет скрыть такие деньги и даёт возможность

¹ Там же.

более простого перемещения этих средств за рубеж, избегая тщательной проверки, которая имела бы место при попытке вывести из Австралии аналогичную сумму наличными деньгами. Такие карты имеют чип и PIN код, и после их вывоза за рубеж деньги могут быть сняты в любом месте, где принимают карты MasterCard.

При помощи глобальной сети Интернет системы онлайн платежей предоставляют клиентам доступ к предоплаченным счетам, которые в свою очередь могут быть использованы для перевода электронных денег или ценностей, хранящихся на этих счетах, другим лицам или предприятиям, у которых также будут к этому моменту открыты счета у того же провайдера. Предоплаченные счета, которые используются клиентами для платежей на виртуальных аукционах, являются одними из наиболее распространенных среди таких платежных услуг. Получатель может как зарегистрироваться, так и не регистрироваться у провайдера платёжных услуг для получения денежного перевода. В некоторых случаях финансирования терроризма фигурировали лица, подозреваемые в переводе небольших сумм денег через системы онлайн платежей, таких как PayPal.

Однако не до конца ясно, в какой степени эти операции использовались в целях финансирования терроризма. К примеру, имели место случаи, когда лица, подозреваемые в терроризме, использовали несколько счетов, как «верифицированных» (verified accounts), так и «не верифицированных» (guest accounts), для осуществления онлайн платежей. При этом зачастую платежи эти были связаны с приобретением через Интернет снаряжения и одежды перед отъездом людей в зоны конфликтов, а не с прямыми переводами денежных средств сообщникам в целях финансирования террористической деятельности. Использование систем онлайн платежей для осуществления таких закупок является ничем не примечательным явлением с учётом возраста большинства лиц, подозреваемых в терроризме, и их знакомства с практикой покупок через Интернет, что позволяет максимально скрыть цели подобных закупок, особенно, если в них не фигурирует оружие.

Примерно в половине всех сообщений о подозрительных операциях, возможно связанных с финансированием терроризма, фигурировали клиенты в возрасте от 21 до 35 лет, так что использование систем онлайн платежей для содействия финансированию терроризма скорее отражает широкое распространение таких платёжных систем в рамках более масштабной финансовой системы, нежели указывает на большую уязвимость систем онлайн платежей с точки зрения финансирования терроризма.

К примеру, председатель благотворительной организации, созданной в 2010 году, специализировался в области электронного маркетинга. На сайте этой благотворительной организации было размещено объявление о сборе пожертвований, которые могли вноситься с помощью кредитных

карт, платёжной системы PayPal, перевода наличных денег, а также чеками.

На банковские счета этой благотворительной организации в течение полутора лет н поступило большое количество пожертвований в виде чеков и электронных переводов на суммы менее 500 евро. При этом из общей суммы собранных пожертвований, составившей 2 миллиона евро, 600 000 евро были переведены через систему PayPal из другой страны. Также личные счета в платёжной системе PayPal использовались для сбора денежных средств, которые затем обналичивались или переводились на другие счета.

Другим наглядным примером может послужить платёжная система CashU. Правоохранительные органы выявили случаи использования счетов платёжной системы CashU для анонимного осуществления операций в незаконных целях. CashU представляет собой систему предоплаченных карт для проведения интернет-платежей и оплаты посредством мобильного телефона в странах Ближнего Востока и Северной Африки – регионах с большим процентом молодого населения и весьма ограниченным доступом к кредитным картам. Именно по этой причине CashU стала одним из самых популярных альтернативных способов оплаты для молодых арабов, увлекающихся играми в Интернете, а также для тех, кто делает покупки через Интернет. Система CashU была создана в 2003 году компанией Martoob, расположенной в Аммане, Иордания. Однако после того, как Yahoo! приобрела компанию Martoob в ноябре 2009 года, владельцем CashU стала компания Jabbar Internet Group. На сегодняшний день офисы CashU расположены в Дубаи, Аммане и на Кипре. Для инкассации наличных денег, получаемых от клиентов, CashU использует компанию по перевозке наличности. Система CashU используется главным образом для оплаты онлайн-игр, телекоммуникаций, технологий VoIP, ИТ-услуг, транзакций по форексу и скачивания музыки и программного обеспечения. В системе CashU действует жёсткая политика, согласно которой в обслуживании отказывается провайдером, предлагающим азартные игры и порнографию. В CashU также имеется функция родительского контроля, позволяющая родителям ограничивать и контролировать трату денег в Интернете своими детьми.

Быстрое развитие, высокая функциональность и значительный рост использования новых платежных методов и услуг по всему миру создает определенные трудности для стран и организаций частного сектора в обеспечении того, чтобы эти продукты и услуги не использовались для отмывания денег и финансирования терроризма и экстремизма. На сегодня, несмотря на известные уязвимости, неясен реальный масштаб и уровень использования этих технологий террористическими группировками и их сто-

ронниками, что безусловно остается пробелом в имеющейся информации и знаниях, который необходимо заполнить¹.

Существует ещё достаточно способов помощи террористам. Среди них: вымогательство у местного населения, диаспор и предпринимателей, похищения с целью получения выкупа, законная коммерческая деятельность и т. д.

¹ Там же.

Глава 3. Ответ на террористический вызов современной экономике

1. Противодействие финансированию терроризма

В настоящее время одним из основных источников угроз глобальной безопасности в целом и национальной безопасности Российской Федерации в частности признается террористическая деятельность организаций, группировок и отдельных лиц.

Столь высокая степень общественной опасности данной угрозы, в первую очередь, обусловлена масштабностью последствий террористических актов и значительным количеством пострадавших в результате их совершения. Растущая опасность террористической деятельности для глобальной безопасности вызвана четко просматривающимися тенденциями создания крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой внутри страны и за рубежом, повышения уровня организованности террористической деятельности, усиления взаимодействия террористической и организованной преступности, в том числе транснациональной, а также попытками использования террористической деятельности для достижения геополитических целей путем вмешательства во внутренние дела государства. При этом интенсивность террористической деятельности напрямую зависит от уровня ее финансирования и материально-технической оснащенности.

В этой связи одним из важнейших инструментов борьбы с международным терроризмом представляется перекрытие каналов финансирования террористической деятельности и замораживание активов террористических организаций.

При этом необходимо понимать, что задача борьбы с терроризмом, (и это признано во всем мире), не сводится исключительно к выявлению и пресечению отдельных актов терроризма, а ставится гораздо шире – пресечь саму террористическую деятельность, важное значение для которой, как уже было замечено, имеет ее финансовая база, дающая возможность терроризму, подпитываемым его людским и материальным ресурсам воспроизводиться и наращивать силу.

Именно финансовая самостоятельность терроризма, как показывает опыт мирового сообщества по борьбе с террористической деятельностью, является одной из наиболее острых проблем, возникающих при противодействии ему со стороны правоохранительной системы. Важно также учитывать, что источниками финансирования террористической деятельности выступают как нелегальные источники (незаконный оборот наркотиков, оружия, другие тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной направленности), так и вполне легальные (благотворительные фонды и обще-

ственные организации, а иногда и национальные правительства, поддерживающие террористическую деятельность в своих политических целях).

В соответствии с определением финансирования терроризма, закрепленном в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. это деятельность, направленная на предоставление или сбор средств (в т. ч. денежных) с целью их последующего использования для подготовки и совершения террористического акта террористом либо террористической организацией. Оказание материальной, в том числе и финансовой, поддержки в подготовке, планировании и осуществлении террористической деятельности можно представить в двух формах.

Первая форма представляет собой финансирование конкретного, определенного преступления террористического характера или группы таких преступлений. При этом действия лица, осуществляющего финансирование, и непосредственного исполнителя или исполнителей террористической акции являются согласованными по времени, месту и предполагаемым последствиям.

Вторая форма финансирования проявляется в том, что выделяемые денежные средства переходят в распоряжение организаций террористической направленности и расходуются в процессе их деятельности либо передаются лицу или лицам на проведение террористических актов вообще.

При этом не оговаривается, какие конкретно преступления террористического характера необходимо осуществить, в какой форме, место и время проведения.

Таковыми действиями могут быть вербовка и обучение новых членов организации, ведение информационной пропаганды своей идеологии, закупка необходимого технологического оснащения и т. п. В конце концов, деньги могут тратиться на совершенно банальные – поддержание жизнедеятельности самой террористической организации¹. Основываясь на вышеизложенном, финансирование терроризма можно представить в широком и в узком смысле слова. Так, в широком смысле слова финансирование террористической деятельности представляет собой сложное социально-экономическое явление, распространенное на территории многих государств, затрагивающее их интересы, заключающееся в оказании финансовой помощи отдельным лицам или их группам, а также организациям, сообществам или государствам для осуществления террористической деятельности, взаимосвязанное с другими видами криминальной активности и потому носящее отрицательный характер. В узком смысле слова финансирование террористической деятельности – это особо опасный вид преступности, состоящий из совокупности общественно опасных деяний по предоставлению финансовых средств отдельным лицам или их группам, органи-

¹ Стешин А. Ю. Правовая характеристика финансирования терроризма – общественно опасного социального явления современности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voenprav.ru/doc-2697-1.htm>.

зациям, сообществам или государствам для планирования, подготовки, организации и осуществления конкретно-определенных преступлений террористического характера. В противодействии терроризму органы безопасности и правоохранительные органы зачастую руководствуются определением финансирования в узком смысле, концентрируясь, прежде всего, на пресечении финансирования отдельных террористических актов, в то время как для эффективной борьбы с терроризмом крайне необходимо широкое понимание термина «финансирование терроризма». Такой подход поможет расширить комплекс мер противодействия финансированию террористической деятельности и будет способствовать повышению эффективности борьбы с терроризмом в целом.

Процесс финансирования терроризма представляет собой сложную процедуру перемещения финансовых средств, включающий множество разнообразных операций, совершаемых разнообразными методами, которые постоянно совершенствуются. По мнению экспертов FATF, террористы и поддерживающие их организации используют те же методы, что и преступные группы для отмывания денег. Некоторые из методов включают контрабанду наличных денег (и курьерами, и большими партиями); структурирование, внесение или снятие средств с банковских счетов, приобретение различных типов денежно-кредитных инструментов (дорожные чеки, банковские чеки, денежные переводы); использование кредитных или дебетовых карт, телеграфных (почтовых) переводов. Участники террористических групп и организаций используют кредитно-финансовую систему страны, так же, как и представители иных преступных объединений, с тем, чтобы усложнить для органов финансовой разведки установление источников происхождения используемых ресурсов. Поэтому международное сообщество вырабатывает сходные меры противодействия и отмыванию преступных доходов, и финансированию терроризма¹.

В целом механизмы и схемы финансирования терроризма можно разделить на следующие группы:

- осуществление процесса через традиционные финансовые учреждения – традиционные финансовые учреждения занимаются обычным финансовым бизнесом на основе лицензии или разрешения. К ним относятся банковские и специализированные небанковские финансово-кредитные институты (коммерческие банки, сберегательные банки и ассоциации, кредитные союзы, банки взаимных фондов, пенсионные фонды, страховые компании, финансовые компании, инвестиционные фонды), которые подчиняются и управляются государственными регулирующими инстанциями;

¹ Что такое финансирование терроризма [Электронный ресурс]. URL: <http://amlexpert.com/ru/attention/3>.

- привлечение и размещение в нетрадиционных финансовых учреждениях – нетрадиционными называют небанковские финансовые учреждения, фактически осуществляющие оказание банковских услуг. К ним относятся валютные биржи, брокеры ценных бумаг или драгоценных металлов, товарно-сырьевые брокеры, казино, организации, оказывающие телеграфные и почтовые услуги и услуги по обмену чеков на наличные деньги. Небанковские финансовые учреждения могут быть использованы для отмывания денег теми же способами что и традиционные финансовые учреждения, в особенности структурированием, подчинением и слиянием фондов;

- привлечение нефинансового сектора – нетрадиционные системы денежных переводов. Необходимо понимать, что операции по финансированию терроризма предполагают перемещение крупных сумм. Тогда возникает вопрос, каким образом их передвижение в странах с предельно прозрачными финансовыми механизмами до определённого момента остаётся незамеченным. Дело в том, что на Ближнем Востоке и уже за его пределами существует т. н. «хавала» – система перевода денег, которая построена на принципах оперативности и строгой конспирации. И если международные платёжные системы берут за перевод денег порядка 10-15 %, операторы «хавалы» довольствуются 1-3 %. Принцип здесь такой же, как и в обычной платёжной системе: оператор, приняв у клиента деньги, извещает своего партнёра в другой стране и тот выплачивает адресату необходимую сумму из своих средств. Оборот средств по таким каналам настолько велик, что дилеры могут не беспокоиться о долгах. Доверие между ними построено на семейных, клановых и этнических связях;

Глава исполнительного комитета казначейства США по борьбе с финансированием террористических организаций Дэнни Глейзер говорит, что политика его комитета направлена на то, чтобы сделать эти методы как можно более дорогими и неудобными и заставить выйти из бизнеса как можно большее число участников.

Но подобным «народным» системам многие сотни лет, и победить их непросто. Незаконные источники доходов могут формироваться как результат любой преступной деятельности, например, торговли оружием, людьми, наркоиндустрию, контрабанду и иные виды преступного бизнеса. Проанализировав деятельность по финансированию терроризма, как важную составляющую террористической деятельности в целом, следует обозначить ее суть через специфические признаки:

- ✓ транснациональность;
- ✓ организованность;
- ✓ системность;
- ✓ латентность;
- ✓ особенности в территориальном проявлении;
- ✓ корыстный характер;

- ✓ совершение с использованием правовых форм экономических отношений полноценными субъектами экономических отношений;
- ✓ совершение без использования насилия;
- ✓ большое расстояние между жертвой и преступником;
- ✓ сложность определения персональной ответственности.

Главными спонсорами терроризма чаще всего являются криминальные доходы от экономических правонарушений, включая фальшивомонетничество, производство поддельных товаров и мошенничество с использованием кредитных карт и мобильных телефонов, похищений людей и вымогательства, проституции, производства порнографических материалов, незаконной миграции, незаконной торговли оружием и наркотиками.

Также террористические организации активно действуют на «чёрных» рынках золота и драгоценных камней. Деньги террористы получают также благодаря незаконному копированию компьютерных программ, музыкальной и видеопродукции.

Не секрет, что террористические организации, подобные «Аль-Каида» и «Хизбалла», значительную часть средств получают от продажи наркотиков. По оценкам специалистов, до 35 % от всех денег «Аль-Каиды» поступают от наркобизнеса¹.

Афганское движение «Талибан» также финансируется за счет доходов от выращивания опиумного мака. По мнению М. Г. Мелихова, советника секретариата ОДКБ, контроль над афганским наркобизнесом является ключевым фактором в борьбе за власть в Кабуле. Правоохранительные органы европейских стран также располагают информацией о связях некоторых террористических групп с наркобизнесом.

Небезынтересны данные о попытке некоторых чеченских полевых командиров в середине 90-х гг. создать собственную наркоиндустрию. Позднее, во время контртеррористической операции в 1999 г., авиация федеральных сил нанесла точечные удары по объектам, где, по оперативным данным, располагались подпольные лаборатории². В современном мире, однако, терроризм все менее нуждается в финансовой помощи извне и все более переходит на самоснабжение. Речь идет о втягивании террористических организаций в бурно растущие международные криминальные промыслы. Чтобы «отмывать» криминальные доходы, террористические организации, подобно организованным преступным синдикатам, создают прикрытия в виде вполне легальных бензоколонок, супермаркетов, транспортных и прочих компаний.

В результате подобной коммерциализации терроризм приобретает черты мафии, и борьба «за идею» частично вытесняется борьбой за «длин-

¹ Кто финансирует терроризм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nuz.uz/rubrik/detail/1091/3503>.

² Мелихов М. Г. Наркобизнес и терроризм: точки взаимосвязи [Электронный ресурс]. URL: http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=49&tek=14_31&issue=38.

ный доллар». С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинственен и кровожаден, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа. Если с «идейными» террористами можно искать и находить какие-то компромиссы, то с мафиозными террористами они принципиально невозможны. Подобный тенденцией и смещением интересов в сторону корпоративно-мафиозных затронуты сейчас в той или иной степени практически все разновидности терроризма¹.

Кроме доходов от преступлений, террористическая деятельность может финансироваться из легальных источников, таких как доходы от бизнеса (например, средства от операций с нефтепродуктами, различных торговых сделок), личные сбережения, пожертвования религиозных организаций, благотворительных фондов и этнических объединений, а иногда и средства государств, поддерживающих терроризм. Важнейшим источником финансирования всех исламских группировок служат регулярные (закят) и добровольные (садака) пожертвования верующих на благотворительные нужды. Они считаются обязательными для всех правоверных мусульман. Хотя закят вносится частными и юридическими лицами регулярно, он традиционно юридически не регулируется властями (особенно светскими) и не подлежит налоговой, аудиторской и какой-либо другой проверке со стороны государства.

Пожертвования могут направляться на помощь бедным, неимущим и людям, оказавшимся в чужой стране без средств к существованию, укрепление веры, поддержку лиц, ведущих джихад или осуществляющих любые усилия для распространения ислама, в т. ч. на строительство мечетей, выпуск религиозной литературы и другой печатной продукции, религиозное обучение и т. п. Из всех исламистских организаций «Аль-Каиде» удалось создать наиболее развитую сеть сбора и перераспределения средств.

Основная часть ее бюджета поступала из формально легальных источников, прежде всего закята, а также в виде доходов от законной экономической деятельности (строительного бизнеса, торговли), личного состояния семьи Бин Ладенов. По некоторым оценкам, за 1990-е годы общий объем средств, собранных в виде закята и переправленных «Аль-Каиде» через благотворительные организации и другими путями, мог быть эквивалентен 300-500 млн долларов, то есть до 50 млн долларов ежегодно². На ранних стадиях цепочки средства могут проходить по официальным каналам банковско-финансовой системы, включая ее наименее прозрачные сек-

¹ Финансовые источники терроризма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/item/18-finansy-terrorizma>; Степанова Е. К. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. 2011. № 2.

² J.-Ch. Brisard. Terrorism Financing. New York: JCB. 19 December, 2002. P. 11.

тора, например, страны с ограниченным финансовым контролем и высокой степенью банковской тайны¹.

При этом в глазах террористов дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе пожертвований, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты. При такой системе работы труднее проследить путь прохождения анонимных денежных переводов, их настоящий источник, а самое главное – конечного получателя. Надёжный способ прекратить эту практику – сделать денежные потоки во всем мире предельно прозрачными. Меры, принимаемые различными странами для усиления прозрачности финансовых потоков, дают свои результаты. Например, в ноябре 2001 года министерство финансов США заморозило счета 62 организаций и частных лиц, которые были обвинены в связях с банком «Ат-Таква», через чьи счета поступали деньги для финансирования ближневосточного терроризма. В последующем американцами были арестованы и обвинены в пособничестве террористам 272 человека, а на счетах этих и других лиц были заморозены 138 миллионов долларов².

Конечно, антитеррористические операции должны включать собственно антикриминальные меры (отслеживание и блокирование нелегальных денежных потоков, замораживание подозрительных счетов, ужесточение таможенного контроля). Однако они требуют и разработки специфической стратегии и тактики противодействия терроризму, учитывающей особенности природы этого непростого явления. На данном этапе речь фактически идет уже не о прежней «Аль-Каиде», а о более широком «джихадском движении», культуре «глобального джихада». Можно сказать, что в этом смысле «Аль-Каида» выполнила свою задачу, сыграв роль идеологического авангарда радикальных исламских движений, их финансового спонсора и катализатора политической активности. В целом уровень террористической активности в мире не снижается, чему отчасти способствуют и действия самих США, подобные войне в Ираке.

При этом доступ внесистемных негосударственных игроков, ведущих террористическую деятельность, к финансам является лишь производной от более фундаментальных характеристик этих организаций и сетей, прежде всего сочетания их новых структурных возможностей и экстремистской идеологии³.

Получающие все большее распространение горизонтально-сетевые и смешанные конструкции (сети с элементами иерархии) особенно эффективны в асимметричном противостоянии с государствами как структурами

¹ Степанова Е. К. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. 2011. № 2.

² Кто финансирует терроризм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nuz.uz/rubrik/detail/1091/3503>.

³ Степанова Е. К. Указ. соч.

более традиционного вертикально-иерархического типа с высокой степенью централизации. Для сетевых структур общие идеологические (религиозно-идеологические) воззрения играют роль «клея», который соединяет их зачастую разрозненные и неформально взаимосвязанные элементы. На уровне локальных конфликтов особенно опасной потенциальной идеологической базой терроризма является сочетание национализма с религиозным экстремизмом¹. Но именно радикальный исламизм стал главной характеристикой, объединяющей наиболее известную глобальную террористическую сеть «Аль-Каиды» и транснациональное джихадистское движение с местными исламистскими группировками в различных регионах мира.

Год назад террористы объявили об эмиссии валюты Исламского государства – золотого и серебряного динара как альтернативы мировой резервной валюты – американского доллара. Структурные особенности исламского государства сродни средневековому исламскому Халифату и введя новую валюту, руководство запрещенной в России организации ИГ сделало заявку на установление мирового халифата и формирование единого экономического пространства.

Сочетание структурных особенностей с экстремистской идеологией является основным условием эффективного использования террористических методов, главным сравнительным преимуществом и «стратегическим ресурсом» террористических группировок в их асимметричном противостоянии государству или международному сообществу государств. Поэтому даже самые жесткие меры по блокированию каналов финансирования террористов будут иметь временный и ограниченный эффект до тех пор, пока террористические организации сохраняют свои структурные преимущества в сочетании с экстремистской идеологией. Пользуясь этими преимуществами, они относительно легко и быстро находят способы восстановить свою финансовую поддержку для продолжения террористической деятельности.

Впервые такое явление как финансирование терроризма в рамках международного права было упомянуто в 1994 году в Декларации ООН. Так, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года) закрепила обязанность воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации тер-

¹ Там же.

рористических актов, направленных против других государств или их граждан¹.

В 1996 году Ассамблея (подпункт (f) пункта 3 Резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года) призвала все государства предпринять шаги с тем, чтобы воспрепятствовать и противодействовать посредством соответствующих внутренних мер финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности².

В резолюции 52/165 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1997 года³. Ассамблея призвала государства рассмотреть, в частности, вопрос об осуществлении мер, изложенных в резолюции 51/210 от 17 декабря 1996 года. Резолюцией 53/108 Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1998 года⁴. Ассамблея постановила, что Специальному комитету, учрежденному резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, следует разработать проект международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, которая дополнит соответствующие существующие международные документы. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма была принята в 1999 г. Статья 2 Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма устанавливает, какие деяния следует рассматривать как преступное финансирование:

- какое-либо деяние, представляющее собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в Приложении, и содержащемуся в нем определению;

- любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, что-

¹ Резолюция ООН A/RES/49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.

² Резолюция ООН A/RES/51/210 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.

³ Резолюция ООН A/RES/52/165 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.

⁴ Резолюция ООН A/RES/53/108 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

бы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

В Конвенции отмечается, что финансирование терроризма является предметом серьезной озабоченности международного сообщества в целом, количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ. В документе говорится о необходимости укрепления международного сотрудничества по разработке и принятию эффективных мер для недопущения финансирования терроризма, а также борьбы с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц.

Резолюция 1373 Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом (принята 28 сентября 2001 года), постановила, что все государства должны:

- безотлагательно заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению; организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также и лиц, и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, включая средства, полученные или приобретенные с помощью собственности, прямо или косвенно находящейся во владении или под контролем таких лиц и связанных с ними лиц и организаций;

- воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки – активной или пассивной – организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставок оружия террористам;

- отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты, или предоставляет убежище;

- не допускать, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан;

- обеспечивать, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, привлекалось к судебной ответственности, и обеспечить, чтобы, помимо любых других мер в отношении этих лиц, такие террористические акты квалифицировались как серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных законах и положениях и, чтобы наказание должным образом отражало серьезность таких террористических актов;

- оказывать друг другу всемерное содействие в связи с уголовными расследованиями или уголовным преследованием, которые имеют отношение к финансированию или поддержке террористических актов, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для такого преследования¹.

Кроме того, Совет Безопасности ООН учредил Контртеррористический комитет для контроля за выполнением своей Резолюция «О борьбе с терроризмом» от 28 сентября 2001 года. В настоящее время нет организации или группы, которая занималась бы исключительно борьбой с финансированием терроризма. Как правило, совмещается несколько задач. Так в задачи ФАТФ, Группы Эгмонт, Форума финансовой стабильности входит борьба не только с финансированием терроризма, но и с отмыванием денег. Другие организации, такие как МВФ, Всемирный Банк, Вольфсбергская группа, Организация азиатско-тихоокеанской экономической кооперации, лишь принимают участие в борьбе с финансированием терроризма, хотя основными для них являются банковская деятельность и экономическое сотрудничество. К третьей группе организаций, связанных с борьбой с финансированием терроризма, относятся Интерпол, комиссии ООН по борьбе с преступностью и другие организации с общеуголовной направленностью. Чувствуя угрозу своим национальным интересам и осознавая сложность выявления «отмытых» в международной финансовой системе денег, развитые государства пришли к выводу о необходимости выработки коллективных мер борьбы с этим злом. Следствием этого стало образование Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – ФАТФ (Financial Action Task Force), которая была учреждена «семеркой» ведущих индустриальных держав (США, Японией, Германией, Великобританией, Францией, Италией, Канадой) и Европейской комиссией во время Парижской встречи на высшем уровне в июле 1989 г. по инициативе Президента Франции. В настоящее время членами ФАТФ являются 31 страна и 2 международные организации. Стратегия ФАТФ состоит из следующих основных компонентов: разработка международных стандартов в борьбе с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма, развитие надежных и эффективных региональных органов, организованных по тем же принципам, что и ФАТФ, и расширение сотрудничества с соответствующими международными организациями.

В задачи ФАТФ входит:

1. Выработка рекомендаций в области борьбы с финансированием терроризма.

¹ Резолюция 1373 СБ ООН «О борьбе с терроризмом» от 28 сентября 2001 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1373.htm>.

2. Проведение взаимных оценок в странах-участницах на предмет соответствия национальных законодательств и действующей практики в области борьбы с финансированием терроризма рекомендациям ФАТФ.

3. Изучение ситуации в странах, которые активно используются международной организованной преступностью для финансирования терроризма.

4. Организация и проведение на регулярной основе в различных странах мира конференций, симпозиумов и семинаров по финансовым, юридическим и законодательным проблемам финансирования терроризма¹. Деятельность ФАТФ проявилась и в содействии созданию в различных странах мира подразделений финансовой разведки (ПФР), предназначенных для выявления случаев злоумышленного использования в преступных целях их финансовой системы и обеспечения соблюдения законодательства в области борьбы с финансовыми правонарушениями. Важно отметить, что ФАТФ проводит исследования по выполнению своих рекомендаций. Составляемые по итогам этих мероприятий отчеты и доклады руководство организации направляет странам-участницам для передачи своим компетентным органам. В июне 2000 г. ФАТФ впервые опубликовала «черный список» стран, не сотрудничающих в деле борьбы с финансированием терроризма.

Учитывая значимость роли ФАТФ в деле противодействия финансированию терроризма и ее влияния на национальные законодательства стран, активно участвующих в борьбе с этим видом преступности, представляется необходимым отметить специальные рекомендации ФАТФ по противодействию финансированию терроризма.

31 декабря 2001 г. ФАТФ, признавая исключительную необходимость противодействия финансированию терроризма, в дополнение к 40 рекомендациям по борьбе с отмыванием денег приняла 8 специальных рекомендаций, в которых предлагает государствам законодательно установить преступный характер финансирования терроризма². Страны должны проанализировать адекватность законодательства и нормативных актов, относящихся к учреждениям, которые могут быть использованы для финансирования терроризма. Особенно следует обратить внимание на некоммерческие организации – необходимо обеспечить невозможность использования их в преступных целях. С июля 2002 г. ФАТФ начала работу по идентификации слабых мест мировых усилий по борьбе с финансированием терроризма. Мобилизация усилий против отмывания денег для членов и не членов ФАТФ тесно связано с сотрудничеством ФАТФ и международными организациями. В 2002-03 гг. ФАТФ продолжала уделять внимание необходимости сотрудничества с регио-

¹ FATF official web-site [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fatf-gafi.org>.

² FATF-GAFI. Financial Action Task Force on Money Laundering. Annual report 2002. Paris, 2003.

нальными организациями типа ФАТФ, международными организациями, такими как ООН, Эгмонтская группа финансовых разведок, Группа-205, а также с Международным Валютным Фондом и Группой Всемирного Банка, роль которых в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма возрастает.

2. Преодоление негативных аспектов глобализации и ликвидация долларовой монополии

Ярким негативным примером глобализации является так называемая «евроинтеграция» на Украине. При этом меньше всего США и Евросоюз интересуются Украиной как экономическим партнером. Единственное, что для них важно, — это обрести политического и военного союзника, получить в лице Украины своего рода антироссийский «таран» и очаг напряженности непосредственно у ее границ. Решение этой задачи объективно сопряжено с коренными изменениями самой Украины.

По замыслам натовских стратегов, она в этом новом статусе не может оставаться государством, дружественным России. Иначе натовский плацдарм на ее территории просто невозможен. В связи с этим предпринимаются различные меры по реформированию традиционной жизни Украины во всех областях: политической, экономической, военной и даже культурной.

Многие полагают, что это началось со времен киевских майданов, но в действительности — значительно раньше. По существу — сразу же после развала Советского Союза и обретения Украиной независимости. Майданы явились результатом системной работы западных спецслужб по созданию на Украине мощного проевропейского и проамериканского лобби среди ее новой политической элиты. Первый ее приход к власти в 2004 году не во всем оправдал надежды американско-европейских политических кругов, второй — в 2014 году — судя по всему, их вполне устраивает. Новый украинский режим еще на Майдане определился со своим евро-американским выбором и антироссийской позицией. К тому же он оказался вполне управляем из США и ЕС. Сегодня от украинских и европейских политиков можно услышать сожаления по поводу решения России о прекращении беспощадной торговли с Украиной. Но это чистое притворство. В действительности произошло то, чего Запад и добивался. Украина, тесно связанная с Россией экономически, ему не нужна. Да и началось это не 1 января 2016 года. Украина еще раньше инициативно ограничила сотрудничество с Россией в промышленной сфере, к тому же поддержала экономические санкции, предпринятые США и ЕС. Свою лепту в разрушение экономических кооперационных связей между Украиной и Россией внес Запад, поддержавший строительство газотранспортных систем в обход Украины. Теперь Украина покупает российский газ у европейских стран. И, как свидетельствуют некоторые украинские экономисты, в целом по более дорогой цене. Еще до фактического вступления в зону свободной торговли с ЕС Украина отказалась от авиационного сообщения с Россией. Это привело к тому, что пассажиропоток между двумя странами, который существенно не уменьшился, осуществляется через Беларусь и ей же приносит доходы.

О том, сколь чувствительной для Украины является потеря российского рынка, свидетельствуют следующие данные. До Майдана торговый оборот России с Украиной почти равнялся торговому обороту Украины со всеми странами ЕС. К концу 2015 года он сократился в пять раз, а после вхождения Украины в беспошлинную торговую зону Евросоюза и вовсе устремился к нулю. В результате оказались разрушенными целые отрасли украинской промышленности — космическая, авиационная, судостроительная, в значительной мере химическая и др.

После отказа России от беспошлинной торговли с Украиной и введения ответных зеркальных украинских мер экономическая ситуация еще более ухудшится. Особенно если учесть, что доля России на рынке Украины в 2015 году составляла 16,37 %, а Украины на рынке России — только 2,70 %. Действительно, Европейский Союз имеет неизмеримо больший рынок, чем Евразийский, и, наверное, мог бы стать для Украины более привлекательным. Но это возможно при одном непременном условии, что ЕС предоставит Украине статус наибольшего благоприятствования, равно как и вложится финансово в модернизационные проекты на Украине. Но этого не происходит. Пока массово посещающие Украину европейские и американские чиновники ограничиваются советами и рекомендациями относительно проведения реформ, а не реальными инвестициями в экономику Украины.

Другим негативным примером глобализации является повышение уровня ведения информационных войн.

Уже ни для кого не секрет, что Западом сейчас развернута информационная война против России. Многие эксперты как на Западе, так и в России утверждают, что уже можно говорить о новой инициированной Западом «холодной» войне. Даже если эта оценка несколько преувеличена, во-первых, в любом случае можно констатировать, что информационная война против России ведется и элементы новой холодной войны просматриваются. Во-вторых, в данном случае учитывая глобальный уровень угрозы, лучше проявить излишнюю бдительность, чем не заметить ее. «Холодная» война нацелена на решение тех же задач, что и традиционная, то есть на уничтожение или порабощение противника, применительно же к войне информационной — информационное, а значит, и психологическое уничтожение или порабощение противника. Информационные войны чаще всего либо сопутствуют реальным войнам, либо подготавливают последние и поэтому фактически ведутся по их правилам (за исключением применения боевого оружия). Но между информационными войнами, ведущимися во время реальных войн и в мирное время, имеются существенные различия, которые нужно учитывать, если необходимо остановить такую войну.

Перечислим характеристики, отличающие информационные войны, ведущиеся в мирное время и в ходе военных конфликтов.

1. Реальная война объявляется открыто и официально (соответствующим заявлением, разрывом дипломатических отношений и др.) или фактически – так или иначе по территории наносятся удары с применением оружия, уничтожающие людей, здания, инфраструктуру и прочее, войска противоборствующей стороны переходят границу и пытаются захватить как можно больше территории противника и, главное, столицу. Ничего подобного не происходит при инициировании информационной войны.

2. Вся существующая в мирное время инфраструктура противника, находящаяся на территории страны, которой объявлена война (посольство, официально действующие и нелегальные разведывательные центры и сети, представительства фирм и банков, образовательные учреждения, системы связи, корреспондентские пункты СМИ, представительства разного рода фондов, а также обычные граждане и пр.), не может быть ликвидирована или существенно ограничена в свободе действий. Между тем все это может использоваться для ведения информационной войны (в большей или меньшей степени, например, отдельные граждане).

3. Современная информационная война ведется в условиях свободы СМИ и соблюдения всех остальных свобод, отсутствия цензуры (даже военной), абсолютной прозрачности границ для трансляции информации (Интернет), (начиная с кинофильмов, телепродукции и заканчивая агентурной информацией, для передачи которой даже не нужно использовать тайные или кодированные системы связи).

4. В настоящее время информационная война против России развивается в условиях, когда объем информационного продукта США (кинофильмы и пр.), распространяемого в России, многократно превосходит объем российского информационного продукта в США. Причем большая часть информационного продукта США передается в нашей стране с помощью российских средств: телевидения, киносетей, шоу-бизнеса, СМИ, отечественной системы образования, особенно высшего, а также учебников английского языка, изданных за рубежом, и пр.

5. Информационная война против России ведется как на русском, так и на английском и других иностранных языках. И в этом у США априорное преимущество, так как десятки миллионов граждан России хорошо знают английский и другие западные языки, а абсолютное большинство граждан США не знают никакого другого языка, кроме английского.

6. Большинство населения стран, вместе с США участвующих в информационной войне против России, не знают русского языка, но хорошо владеют английским. Таким образом, в информационную войну, направленную против России, вовлечены не только россияне, но и население других стран.

7. В ходе реальной военной агрессии никому и никогда не удавалось захватить всю территорию России (начиная с возникновения Московского

царства), тогда как зона покрытия информационной войны — вся страна, включая столицу. Можно говорить о том, что с начала ведения информационной войны территория России (как и любой другой страны) и все население нашей страны, включая детей, попали в оккупацию, представленную в облегченной (информационной) форме.

8. Коллаборационисты, которые в военное время появляются в любой стране, в ходе реальных военных действий вынуждены открыто переходить на сторону врага и действовать под его знаменами, вызывая соответствующие чувства у населения и военных. Во время информационной войны коллаборационисты имеют возможность действовать на территории противника, при этом будучи защищены законами и обладая законными правами и свободами. Это одна из ключевых опасностей информационной войны.

9. Использование оружия в ходе реальной войны всегда причиняет боль и страдание населению (причем мгновенно и непосредственно). А воздействие орудий информационной войны, напротив, связано с удовольствием (например, просмотр кинофильма), появлением альтернативной информации (иногда лживой, но все равно привлекательной своей альтернативностью) и вкушении запретного плода, то есть притягательно по определению.

Важно понимать, что информационные войны ведутся по всем правилам реальных войн (кроме применения боевого оружия), включая шпионаж, контршпионаж, провокации, обман, поиск предателей, подкуп военачальников, создание альтернативных правительств, заброску диверсантов, высадку десантов и пр.

Таким образом глобальная тенденция информатизации современного общества открывает новые возможности для подготовки и ведения информационных войн.

3. Развитие высокого уровня национального самосознания и самоидентификация

Одним из наиболее логичных и эффективных способов предотвращения информационной «обработки» современного общества является развитие высокого уровня национального самосознания и самоидентификации, сплоченности народных масс. Доказано, что нация с высоким уровнем самосознания меньше подвержена стрессам переходного периода, более адекватно воспринимает временные ограничения прав и меньше поддается управлению извне.

К сожалению, история современного общества изобилует примерами «переформатирования» национального самосознания в угоду текущей политической конъюнктуры, вычеркиванию идеологически «неподходящих» исторических фактов, как было в советское время скажем с подвигом солдат резервного Землянского полка при осаде крепости Осовец в период Первой мировой войны, известный больше как «атака мертвецов».

Данный факт беспримерного мужества солдат и офицеров названного полка, когда смертельно отравленные немецкими газами остатки полка пошли в атаку на численно превосходящего их противника, обратив его в бегство, сознательно замалчивался советскими идеологами, поскольку наглядно иллюстрировал верность долгу, высокий боевой дух и слаженность действий солдат и офицеров Императорской армии, причем напомним, что это был резервный полк. Тем не менее это не вписывалось в идеологический штамп о разложенности военной элиты, противоречиях между «верхами» и «низами».

В то же время выработка внятной идеологии и четкое формулирование национальных интересов в немалой степени способствуют развитию высокого уровня национального самосознания и самоидентификации, препятствует росту экстремизма и сепаратизма.

При этом следует избегать подмены исторических понятий и манипулировании национальной идеологией, как это происходит сегодня на Украине. К примеру, можно сколько угодно внедрять в сознание молодых украинцев тезис о преимуществах и исторической целесообразности западного пути, но в то же время в сознании, скажем, молодого поляка будет отпечатан исторический факт о господстве Речи Посполитой на территории Западной Украины и последний автоматически будет воспринимать своего визави из Украины как потомка холопов, прислуживавших его предкам.

Также странами англосаксонской коалиции в Сирии сейчас делается все, чтобы размыть национальную идентичность народов, населяющий современную Сирию (езидов, курдов, арабов и прочих), ибо, как верно сказал классик, «народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего».

Именно для этих целей США активно продвигали в контексте сирийского конфликта термин «умеренная оппозиция».

Данный термин позволяет размыто квалифицировать действия той или иной группировки, относить при необходимости ее либо к «террористам», либо к «умеренной оппозиции». Четкой градации при этом не существует, все определяется конкретными пожеланиями и политической конъюнктурой.

Также в контексте обозначенной проблемы особого внимания заслуживает проблема идеологического терроризма. Например, на Украине предоставляется отсрочка от мобилизации, если субъект ведет активную пропагандистскую деятельность в сети Интернет, в шутку таких именуют «диванными войсками Украины», по факту же – это волонтеры идеологического терроризма, которые манипулируют общественным сознанием, воздействуя через различные социальные группы и интернет-сообщества на лиц с низким уровнем самосознания.

Есть также и более опасное направление идеологического терроризма, направленная на наименее защищенную категорию современного общества – а именно на детей и подростков. Речь идет о создании в социальных сетях групп, пропагандирующий ранний уход из жизни и суицид.

К числу таких групп относятся закрытая недавно группа «Киты». В данном случае острое террористического удара направлено против будущего – детей и подростков. Данная категория в большей степени уязвима, потому, что не вполне обладает критичностью познания, отличается высокой внушаемостью, низким уровнем социальной адаптации и самоидентификации. Уже доказано, что подобную деятельность ведут профессиональные психологи, цинично именуя ее «выкашиванием» и поделив территорию страны на квадраты, в которых они дают целевую установку своей малолетней аудитории. Тем больший вред это наносит в непростых, прямо скажем, социально-экономических условиях, когда значительную часть времени современные дети предоставлены сами себе, проводя его в виртуальном пространстве, в то время как их родители озадачены проблемой выживания семьи.

По нашему глубокому убеждению, деятельность администраторов и активных агитаторов подобных групп нужно приравнять к терроризму и наказывать самым жестким образом, используя для этого весь потенциал уголовного законодательства. При этом необходима кропотливая, последовательная работа с детьми и подростками прежде всего со стороны государства, создание на государственном уровне молодежных организаций, с детства культивирующих патриотическое воспитание, тем более, что в нашей стране исторического опыта в этой сфере хватает.

4. Повышение благосостояния населения

Мы привыкли к тому, что если речь заходит о глобальных вызовах современности, то отвечать на них должны нации, народы, государства, коалиции государств, говоря голосом своих лидеров и представителей.

Когда Арнольд Тойнби писал свои 12 томов «Постижения истории», выдвигая модель развития цивилизации на основе вызова-и-ответа, он утверждал, что ответ мог быть только «делом рук творческих личностей или творческих меньшинств»¹, ибо такова была история рассмотренных им цивилизаций от самой древности до середины XX века.

Но современная (во всяком случае та, которую мы называем «западной») цивилизация кардинально изменилась. И изменение это касается прежде всего позиционирования индивида в обществе, культуре, истории, а тем самым и того субъекта, на которого ложится ответственность за ответы на вызовы эпохи.

Глобализация и общество потребления поставили современную цивилизацию перед лицом многих вызовов — это вызов экологический (глобальное потепление, сохранение биологического разнообразия и пр.), вызов истощения минеральных ресурсов, вызов терроризма, вызов разрыва между богатыми и бедными нациями, вызов сохранения/потери национальной самобытности и т. д.

Эти многочисленные исторические вызовы не пришли извне, они порождение самой техногенной цивилизации. Но если эти вызовы — результат действия тех экономических, социальных, политических и культурных факторов, которые характеризуют современное общество, то ответ на них не может быть найден внутри структуры данного общества, внутри тенденций существующей техногенной цивилизации. Эти вызовы свидетельствуют о кризисе современного индустриально-потребительского общества и той культуры, которая его утверждает и поддерживает.

Президент Будапештского клуба «Созидательные пути человеческой эволюции» профессор Эрвин Ласло, характеризуя параметры нынешнего пути развития общества, отмечает, что если мы не изменим направление развития, то человечество окажется на пути к глобальному, общепланетному распаду².

Время кардинального изменения направления развития, по мнению Э. Ласло, уже наступило, так как современное общество находится в процессе макросдвига, который начинается тогда, когда система, достигнув

¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории: пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. С. 213.

² См.: Ласло Э. Предисловие. На пути к планетарному сознанию // Аршинов В. И., Лайтман М., Свирский Я. И. Сфирот познания. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 11–12.

пределов своей стабильности, инициирует бифуркацию и открывает эру трансформации¹.

Кризис механизмов развития техногенной и потребительно ориентированной цивилизации вынуждает общества и культуры искать иные средства развития и точки приложения сил истории. Парадокс ситуации глобализации заключается в том, что свое осуществление (глобальная экономика, глобальная информационная система, глобальная инфраструктура, унификация образа жизни и т. п.) она реализовала благодаря инициированию креативной деятельности человека. И научно-техническая революция середины XX века, и особенно продолжившая ее информационно-коммуникативная революция рубежа XX–XXI веков не только были результатом творческих усилий определенных личностей, чьи имена можно просто перечислить, но и высвободили продуктивную силу миллионов жителей планеты во всех ее регионах. Однако возникший благодаря творческой энергии человека глобальный мировой порядок продолжает считать общественной ценностью не самого человека, а только результат его продуктивной деятельности. В обществе потребления, в техногенной цивилизации ценностью и общественной значимостью обладает продукт, постав (М. Хайдеггер), то, что можно использовать, что отчуждается от человека, а не продуктивная сила личности, не та *causa efficiens*, без которой нет продукта и постав.

Но в ситуации макросдвига, который ведет к кардинальному изменению направленности движения современной цивилизации, происходит перенос акцента общественной значимости и ценности с результата на его созидание. Креативность становится точкой приложения тех сил истории, которые могут вывести цивилизацию на новую историческую орбиту. Вошедшее в 1990-е годы в русский язык через рекламу прилагательное «креативный» как преобразованная транслитерация с английского *creative* (творческий) ввело в наше представление новое понятие для определения продуктивной деятельности человека.

Наряду с традиционным для отечественной культуры представлением о творчестве как деятельности исключительной, абсолютно свободной, подчиненной только личному таланту и гению («*Procul este, profane* (Прочь, непосвященные). ...Подите прочь — какое дело // Поэту мирному до вас...»), появилось представление о творчестве, включенном в прагматику повседневности и подчиненном этой прагматике. Понятие креативности позволяет по-новому увидеть отношение творчества и среды, свободы и действительности, а тем самым по-новому оценить и место отдельного человека в истории. Можно сказать, что мы начинаем жить в иной истории. Раньше человек работал на историю, которая была представлена как

¹ Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. С. 23.

полис, Бог, капитал (корпорация), нация, коммунизм. Эти объективации истории определяли выбор и направление деяний человека. Теперь история начинает работать на человека, она вкладывает в него то, что накопилось и случилось. Перед индивидом открыто все богатство истории. Новые средства объективации культурных достижений, информационные технологии, дигитальные формы создают практически неограниченные (или, по крайней мере, огромные) возможности подключения к разнообразным множествам произведений и событий. С этими множествами и работает человек. Он использует все, что его окружает. Человек, как кочевник, проникает в любую область культурного или социального множества и продуцирует свое событие-произведение.

Это произведение войдет во множество других как случай, как «бросок кости», как камень в воду, распуская круги волн. Какие это будут круги – не забота того, кто свершил событие-произведение.

Значит, появляется новое отношение к свободе, отношение понимания и переживания самой свободы, осмысление того, что значит для человека свобода, что значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предъявляет ему себя как открытая возможность действия – «Бери от жизни все!». Это ситуация вызова свободы. К этому новому глобальному вызову современной эпохи, как к фокусу, сходятся все те вызовы, которые породили макросдвиг нашей цивилизации, а потому ответ на этот вызов становится ключом к разрешению и всех остальных. Ответ же на вызов свободы может дать только конкретный человек тогда, когда он обретает опыт свободы. В самом общем смысле опыт свободы приобретается тогда, когда человек рассматривает свои действия в отношении предела, преодоления границ как испытание своих возможностей и способностей. Свобода – это напряжение трансгрессии, способность видеть пределы, к которым устремлены и которыми заряжены твои действия. Именно такой смысл свободы открывает креативность. В традиционном понимании творчества акцент ставился на спонтанности и свободе творческого акта, креативность же накладывает на творческий акт ограничения ситуацией. В этом случае продуктивный акт связан не просто с созданием произведения (то есть образованием уникального), а с созданием такого произведения, которое становится продуктом (то есть нацелено на тиражирование, воспроизводство) и продуцирует изменение цивилизационного пространства (то есть пространства предметного и социального действия человека). Креативность как деятельность, направленная на производство нетривиального результата, не может не учитывать ограничения возможными обстоятельствами будущего функционирования результата. Именно поэтому здесь свободное действие (свобода) обнаруживает свою зависимость от будущего, от того, что оно порождает. Свобода как опыт предела сама в себе несет свое содержание как свое сдерживание.

Возвращаясь к ответам на вызовы современности, теперь хотелось бы сказать, что эффективный ответ на них может дать только креативная деятельность каждого конкретного индивида. Спрашивается, как действия конкретного человека могут повлиять на сокращение выброса парниковых газов, чтобы предотвратить потепление климата? Конечно, для этого требуются действия государств, корпораций, принятие международных соглашений и т. д.

Но вряд ли эти соглашения будут успешно реализовываться, если не изменится экологическое поведение каждого человека, если каждый из нас не будет своим поведением создавать экологически чистое окружение вокруг себя. А это и есть креативное поведение. В конечном счете таким будет поведение и директора завода, и министра, и главы государства. Конечно, для разрешения конфликта богатых и бедных стран и регионов потребуются усилия и действия многих национальных и наднациональных институций, и это займет немало времени.

Но и эта глобальная проблема не будет решена, если усилия каждого из нас не будут направлены на оптимизацию и эффективное исполнение своего дела. В своем современном состоянии европейская цивилизация (а именно она определяет сейчас всемирное развитие) не только обнаружила изъяны потребительского общества и безоглядной эксплуатации природы, но и создала условия и раскрыла возможности свободы человека. Теперь именно от способностей человека пользоваться этой свободой, принимать решения действовать так-то или воздерживаться от такого-то действия зависит дальнейшая история человечества. Личный ответ на глобальные вызовы современности – это равнодушное отношение к твоему конкретному окружению. Не равнодушие, а стремление укрепить свои интересы и ценности так, чтобы они могли укорениться в истории, — вот главный ответ на вызовы истории. А это необходимо влечет за собой включение своей личной судьбы, своего личного пристрастия сразу к двум началам – к своей национальной (региональной) культуре, так как ценности и идеалы живут только в культурном пространстве, и к социоцивилизационным реалиям, так как любые результаты деяния живут только в цивилизационном пространстве. Синергия, слияние свободного личного действия с ценностями национальной культуры и существующими возможностями цивилизации рождает новую историческую ситуацию после «конца истории».

Таким образом, рассматривая проблему повышения благосостояния населения как один из аспектов противодействия глобальной террористической угрозе, следует отметить синергетический, комплексный подход к решению данной проблемы как со стороны передовых сил общества и отдельных индивидуумов, так и государства, и общества в целом.

Зачастую именно социальное и экономическое неравенство, бедность и отсутствие жизненной перспективы являются самыми эффективными вербовщиками в ряды радикальных организаций, — человек с высо-

ким уровнем благосостояния вряд ли будет пытаться изменить общественно-политический строй и потянется за радикальными идеями, скорее он найдет пути самореализации, связанные не разрушительной, а с созидательной, творческой, креативной деятельностью.

Заключение

В заключение следует отметить, что наряду с эволюцией терроризма существенно возрастает его опасность. Терроризм сегодня помимо чисто политических целей преследует далеко идущие планы: создание террористических протогосударств, разветвленных сетевых террористических структур, имеющих транснациональный характер, претендующих на установление нового мирового порядка. Также сегодня можно говорить о наличии «узаконенных» форм терроризма – речь идет об активном использовании спецслужбами возможностей террористических сетей и экстремистских организаций.

Вместе с тем, подобная деятельность была бы невозможна без существенных финансовых вливаний и социально-экономических условий, способствующих постоянному пополнению рядов боевиков все новыми и новыми членами.

В монографии рассматриваются основные проблемы противодействия именно социально-экономическим аспектам терроризма, поскольку доказано, что терроризм развивается в той социально-экономической среде, где:

- ✓ высок уровень недовольства социально-экономической политикой государства;
- ✓ низок уровень доходов основной части населения;
- ✓ идеология государства и правящего класса идет вразрез с идеологией основной массы населения;
- ✓ высок уровень правового нигилизма;
- ✓ низок уровень национального самосознания и самоидентификации.

На устранении подобных противоречий также должна строиться политика эффективного противодействия современному терроризму.

В то же время для более эффективного противодействия терроризму следует вести конструктивные диалоги со странами, заинтересованными в недопущении эскалации терроризма, борьбе с финансированием терроризма и долларизацией экономики и самостоятельном, не контролируемом со стороны Запада пути развития государства и общества.

При этом следует стремиться к стабилизации национальной валюты, повышению благосостояния населения, разработку внятной государственной доктрины и идеологии, формированию высокого уровня национального самосознания и самоидентификации, организации патриотического воспитания подрастающего поколения, привития ему нравственных ценностей.

Библиография

1. Абдулатипов, Р. Г. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства / Р. Г. Абдулатипов. – М., 1994.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
3. Астафьева, Э. И. Биотерроризм: от мифа к реальности : лекция-доклад / Э. И. Астафьева. – М. : ВИПК МВД России, 2013.
4. Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М., 2003.
5. Баринов, И. И. Траектории нациестроительства в странах Восточной Европы / И. И. Баринов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 12.
6. Бекряшев, А. К. Теневая экономика и экономическая преступность / А. К. Бекряшев, И. П. Белозеров. – М. : Юридическая Библиотека, 2015.
7. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М., 2006.
8. Валиуллин, И. И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке / И. И. Валиуллин // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 68–74.
9. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
10. Денильханов, И. Почему ИГИЛ государство, а не террористическая группировка? [Электронный ресурс] / И. Денильханов // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы (дата обращения: 03.07.2015).
11. Дзидзоев, В. Д. Национальные отношения на Кавказе / В. Д. Дзидзоев. – Владикавказ : СОГУ, 2000.
12. Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом 1999 г. // Рос. газ. – 2004. – 30 дек. – № 3667.
13. Задорожнюк, Э. Г. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности / Э. Г. Задорожнюк // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности / под ред. Ю. С. Новопашина. – М., 2000.
14. Зеркалов, Д. В. Продовольственная безопасность [Электронный ресурс] : монография / Д. В. Зеркалов. – К. : Основа, 2012.
15. Зимин, О. В. Финансирование терроризма с использованием неформальных систем переводов денежных средств и последующее отмывание преступных доходов как угроза глобальной безопасности // О. В. Зимин // Труды Академии управления МВД России. Специальный выпуск, посвященный Международной научно-практической конференции. – Сочи, 2007.

16. Кива, А. Исламское государство: откуда оно взялось? К чему приводит историческое невежество западных политиков [Электронный ресурс] / А. Кива // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы: интернет-газета (дата обращения: 03.07.2015).
17. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. (Варшавская конвенция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/international_conventions.php.
18. Коробов, А. А. Социально-экономические аспекты терроризма как формы хомодеструктивной экономики: монография / А. А. Коробов. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015.
19. Крикунов, А. ИГИЛ: история возникновения, структура, тактика действий / А. Крикунов // Аналитический отчет Центра анализа террористических угроз (03.07.2015).
20. Курилкин, А. В. Современные подходы к ведению информационных войн / А. В. Курилкин // Международные отношения. – 2014. – № 1.
21. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. – М., 1981.
22. Манойло, А. В. Геополитическая картина современного мира // Национальная безопасность [Электронный ресурс] / А. В. Манойло // Nota bene. – 2013. – № 5.
23. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.
24. Мелихов, М. Г. Наркобизнес и терроризм: точки взаимосвязи / М. Г. Мелихов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid>.
25. Морозов, И. В. Право и глобальные проблемы современности / И. В. Морозов. – М. : Юрлитинформ, 2013.
26. Ноженко, М. Национальные государства в Европе / М. Ноженко. – СПб., 2007.
27. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу [Электронный ресурс]. – URL: www.fedsfm.ru.
28. Перин Р. Психология национализма / Р. Перин. – СПб., 1999.
29. Риски диверсионно-террористических актов на объектах гидросистем Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <http://surkov.viperson.ru> (дата обращения: 23.11.2012).
30. Соловьев, А. Апокалипсис: катастрофы прошлого, сценарии будущего / А. Соловьев. – М., 2015.
31. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – М., 1997.
32. Тощенко, Ж. Т. Этнократия: история и современность / Ж. Т. Тощенко. – М., 2003.

33. Резолюция ООН A/RES/49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.
34. Резолюция ООН A/RES/51/210 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.
35. Резолюция ООН A/RES/52/165 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/garesol.htm>.
36. Резолюция ООН A/RES/53/108 «Меры по ликвидации международного терроризма» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/terrorism>.
37. Резолюция СБ ООН 1373 «О борьбе с терроризмом» от 28 сентября 2001 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001.htm>.
38. Сатановский, Е. «Понаехавший» радикализм [Электронный ресурс] / Е. Сатановский // Центр антитеррористической информации (дата обращения: 14.12.2014).
39. Степанова, Е. К. Противодействие финансированию терроризма / Е. К. Степанова // Международные процессы. – 2011. – № 2.
40. Стешин, А. Ю. Правовая характеристика финансирования терроризма – общественно опасного социального явления современности [Электронный ресурс] / А. Ю. Стешин. – URL: <http://www.voenprav.ru/doc-2697-1.htm>.
41. Устинова, М. Я. Национальные меньшинства Латвии: История и современные проблемы соблюдения прав / М. Я. Устинова // Очерки о европейской идентичности и многокультурности / под ред. М. Ю. Мартыновой. – М., 2013.
42. Фарукшин, М. Х. Проблемы этнического голосования в зарубежном дискурсе / М. Х. Фарукшин // Социологические исследования. – 2016. – № 5.
43. Федоров, В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения / В. В. Федоров. – М., 2010.
44. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sectsko.org/RU/show.asp?id=82>.
45. Шин, А. С. Национально-демократические революции: некоторые вопросы теории и практики / А. С. Шин. – М., 1981.
46. Шушкевич, Ю. А. Футурология кризиса / Ю. А. Шушкевич. – М. : Издательство «Социально-политическая мысль», 2011.
47. Bareto, M. ISI. Se Puedro! Latin Candidates in Mobilization of Latin Voters / M. Bareto // The American Political Science Review. – 2007. – № 101(3).

48. Madrid, D. Ethnic Proximity and Ethnic Voting In Peru / D. Madrid // Journal of Latin American Studies. – 2011. – № 43(2).
49. Scherrer, Ch. P. Genocide and crisis in Central Africa: conflict roots, mass violence, and regional war / Ch. P. Scherrer. – Westport : Praeger, 2002.
50. Tabuns, A. National, State and Regime Identity in Latvia / A. Tabuns. – Riga : Baltic Study Center, 2001.

Монография

кандидат экономических наук
Коробов Алексей Александрович

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИЗМА
КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017.

Подписано в печать 27.12.2017 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. – 9,38. Тираж 29 экз. Заказ № 1128.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.